

А. В. МЕДВЕДЕВ

**НЕОНАРОДНИЧЕСТВО И БОЛЬШЕВИЗМ
В РОССИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Монография

Издательство Нижегородского университета
Нижегород
1993

КОМИТЕТ ПО ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ И МИННАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО

А. В. МЕДВЕДЕВ

НЕОНАРОДНИЧЕСТВО
И БОЛЬШЕВИЗМ В РОССИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Монография

*Из серии "Векна"
в серии "Отшельник"
его студентом
Медведев*

Издательство Нижегородского университета

Нижний Новгород

1993

Медведев А. В. Неонародничество и большевизм в России в годы гражданской войны: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ. 1993. 146 с.

В монографии анализируются взгляды на социализм правых и левых эсеров, народников-коммунистов, революционных коммунистов и большевиков, прослеживается взаимовлияние неонародничества и большевизма в 1917—1920 гг. (социализация земли, многоукладность экономики, кооперативный социализм). Особое место уделено сложным отношениям политических партий и крестьянства, приводятся некоторые новые данные о развитии настроений крестьянства в годы гражданской войны.

Монография выполнена на кафедре истории политических партий и общественных движений Нижегородского университета, предназначена для преподавателей, научных работников и всех интересующихся отечественной историей.

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А. С. Арапов;

доктор исторических наук, профессор А. А. Кулаков.

0503020400—127
М 187 (03)—93

ISBN 5-230-04227-3

© Медведев А. В., 1993

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы на читателя периодических изданий обрушился такой поток публикаций на исторические темы, что у него голова пошла кругом. Даже профессиональному историку стало трудно уследить за появляющимися концепциями истории советского общества. Но после августовских событий 1991 г. вал исторических публикаций спал. Демократические средства массовой информации дают пример применения формулы «История есть политика, опрокинутая в прошлое». Конъюнктура текущего момента вытесняет плюрализм оценок. С учетом неизбежного отставания исторической науки и ее материальных трудностей очевиден кризис отечественной историографии.

Некоторые авторы предсказывают «методологическую революцию» в исследовании советской истории¹. Другие быстро перестроились, встав на почву либерального объективизма. Третьи стоят на перепутье. Мы полагаем, что марксистская методология, освободившаяся от шор официальных предписаний, окажется более результативной. Основными принципами научного изучения темы считаем правдивость, социальный анализ и историзм.

Актуальность темы нашего исследования определяется общественной потребностью глубокого научного переосмысления советской истории. Особого внимания заслуживает первый ее период — Октябрьская революция и гражданская война, отношения классов и партий в это время. Уроки гражданской войны необходимы для того, чтобы общество задумалось о путях сохранения гражданского мира. В связи с началом аграрной реформы приобретает особую актуальность изучение аграрной истории первых лет Советской власти, концепций социальных преобразований в деревне, вырабатываемых в то время неонародническими (крестьянскими) партиями и большевиками. Освещение теории кооперативного социализма может дать ответы на вопросы, поставленные в связи с совре-

менным поиском идеала общественного устройства. Это сложные проблемы, раскрыть которые не так просто, как полагают некоторые публицисты.

В монографии использован широкий круг историко-филологической литературы. Взаимоотношения неонароднических партий, большевиков и крестьянства в изучаемый период рассматривались с разной степенью глубины в работах по истории КПСС, СССР и гражданской войны, в специальных исследованиях истории крестьянства и аграрной политики КПСС и Советской власти, борьбы большевиков за крестьянские массы, строительства Красной Армии и т. д. Изучение истории неонароднических партий было начато в 20-е гг. Работы этих лет нам важны как непосредственный отклик на события гражданской войны. Однако по-настоящему серьезные, добросовестные и многосторонние исследования программных взглядов, политических платформ, деятельности народников и борьбы с ними большевиков появились в 60-е—80-е гг. Можно назвать труды К. В. Гусева, Л. М. Спирина, Х. М. Астрахана, П. И. Соболевой, В. Н. Гинева, А. Ф. Жукова, Ю. Г. Шестака, В. В. Гармизы, Д. С. Точеного и многих других. Выделим последние по времени работы, в которых подробно рассматриваются концепции социализма, развитие их на различных исторических этапах—монографии Г. Д. Алексеевой и М. В. Спириной².

Собран большой фактический материал о деятельности политических партий, написана их история. Однако историческая наука не преодолела методологические схемы краткого курса «Истории ВКП(б)». Действовали идеологические табу в отношении многих исторических проблем. И в 70-е—80-е гг. не использовались даже некоторые оценки В. И. Ленина, например, о союзе рабочего класса со всем крестьянством в Октябрьской революции, о воплощении эсеровской аграрной программы в Декрете о земле и др., а «нарушителям» устраивались «выволочки». Вульгарно понимаемый классовый подход требовал связывать помыслы и деяния лидеров непролетарских партий только с их классовым происхождением или интересами классов и социальных групп, отстаиваемых этими партиями. Вне сферы внимания исследователей оставалась более сложная духовная мотивация теоретических и практических поисков политических деятелей, их искреннее стремление улучшить положение народа, отдельных слоев населения. Не разрешалось рассказывать о судьбе тех политиков,

которые были репрессированы в 20-е и 30-е гг. и кончили жизнь в сталинских лагерях. Вот почему во время перестройки в освещении «белых пятен» истории тон задавали публицисты, а не историки.

В разработке истории неонароднических партий и отношения к ним большевиков существовали свои штампы. Признавались демократический характер партий, отражение ими чаяний крестьян в аграрном вопросе, их революционность до 1917 г. Говорилось о влиянии марксизма на неонародников, но обходилась вопрос о влиянии народничества на русский марксизм, о позитивных сторонах концепций социализма неонароднических партий, отчасти использованных большевиками, например, разработок кооперативного социализма. Не был осуществлен до конца объективный анализ теоретических взглядов эсеровских партий периода гражданской войны. При освещении блока большевиков с левыми эсерами больше уделялось внимания тому, что их разъединяло, а не сближало, не раскрыта в полной мере роль левых эсеров и эсеров-максималистов в установлении Советской власти и ее защите от контрреволюции. Слабо исследованы связи неонароднических партий с крестьянами, их партийное строительство в деревне, причины утраты доверия крестьян к неонародникам.

В последние годы появился ряд монографий и статей о Ленине и ленинизме, Октябрьской революции и гражданской войне, политике РКП(б) в это время с новыми, порой плодотворными, порой спорными оценками. Мы рассмотрим некоторые из них. Оставляем за собой право игнорировать многочисленные публикации в периодике на исторические темы, заведомо конъюнктурные, основанные на эмоциях, домыслах или крайне одностороннем подборе фактов.

В нашем исследовании ставится цель—проанализировать большевистскую и неонароднические концепции социализма в период с октября 1917 г. по 1920 г. и в связи с введением нэпа; выявить взаимное влияние большевизма и неонародничества друг на друга; рассмотреть осуществимость теоретических положений на практике, выявить причины провала народнического, крестьянского социализма в крестьянской стране; показать, как сочетались программные и тактические цели партий, охарактеризовать формы и методы, используемые неонародниками и большевиками для достижения поставленных целей. Проблемы эти необъятные, поэтому мы сосредоточим внимание на анализе тех теоретических положений,

которые определяли политику партий по аграрному и продовольственному вопросам, пути социалистических преобразований в деревне, как они ставились в то время. И постараемся показать, как партии учитывали настроение крестьян.

В работе используются разнообразные источники—книги, статьи, мемуары деятелей изучаемых партий, партийная и советская печать периода гражданской войны, а также большая фактический материал, накопленный в исторической литературе за годы Советской власти. Привлекаются архивные источники из фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), его ленинградского отделения (ЦГАОРЛ), Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА), а также государственных и партийных архивов Москвы и С.-Петербурга, Самарской, Тамбовской и Нижегородской областей.

Мы рассмотрим концепции и деятельность четырех неонароднических партий: продолжавших после раскола партии социалистов-революционеров (ПСР) ее официальную линию правых эсеров; партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) (ПЛСР); образовавшихся из бывших левых эсеров партии народников-коммунистов (ПНК) и партии революционного коммунизма (ПРК).

Глава I

ЭСЕРОВСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛИЗМА

1. Аграрный и кооперативный социализм

Социалисты-революционеры были наряду с другими неонародническими партиями в XX веке представителями крестьянской демократии, а как идеологи проповедовали аграрный и кооперативный социализм. Различие течений и направлений в народничестве было обусловлено неоднородностью крестьянства¹. Расслоение крестьянства, столкновение интересов различных его групп способствовало распаду эсеров после Октябрьской революции, появлению ряда эсеровских партий и соответственно возникновению различных неонароднических концепций социализма.

Теоретической базой для них оставалась программа ПСР, принятая на ее первом съезде (23 декабря 1905 г.—4 января 1906 г.). Программа имела эклектический характер, своеобразно соединяя в себе революционные и либеральные тенденции народничества XIX века, некоторые положения марксизма и анархо-синдикализма. Программа признавала, в отличие от старого народничества, развитие капитализма в России и классовых противоречий в деревне. Эсеры объявили себя сторонниками международного революционного социализма, определив в программе цели: «...обобществление труда, собственности и хозяйства; уничтожение, вместе с частной собственностью, самого деления на классы; уничтожение классового, принудительно-репрессивного характера общественных учреждений, при сохранении и развитии их нормальных культурных функций, то есть планомерной организации всеобщего труда на всеобщую пользу»².

Эсеры, как последователи народничества, заявляли о своей приверженности «этическому социализму», ставящему в центр общественного развития человека как «критически мыслящую личность». Но разработанных положений в их про-

грамме о «правах личности» не было, помимо общедемократических требований, выставляемых также и социал-демократами—установления демократической республики, политических свобод, введения демократического рабочего законодательства и пр. Эти положения, а также тактика индивидуального и аграрного террора определяли революционность эсеров на этапе буржуазно-демократической революции. После ее осуществления программа ПСР намечала путь «частичных завоеваний» от капитализма к социализму.

Народническим ядром программы было требование «социализации земли»—изъятие ее без выкупа из частной собственности отдельных лиц или групп, превращение земли в общенародное достояние с уравнительно трудовым пользованием ею³. Социализация земли отвечала страстному стремлению крестьян уничтожить помещичье землевладение и другие крепостнические пережитки в деревне. Ленин отмечал, что эсеры были «искренними друзьями крестьян» (Т. 12. С. 96), левым крылом крестьянской демократии. Социалисты-революционеры исходили из народнического представления о крестьянской общине, якобы формирующей из крестьянина природного «социалиста». В программе говорилось, что партия «стремится опереться в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственных начал на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, в особенности на распространенное среди них убеждение, что земля ничья и право на пользование ею дает лишь труд»⁴.

Неонародники считали, что социализация земли после демократических преобразований заложит основы для дальнейших социалистических преобразований, «ибо всякое здание строит не с крыши, а с фундамента, а фундамент кладут на землю»⁵. Прогресс производительных сил они связывали с кооперацией, которую рассматривали как некапиталистическую форму развития земледелия, обобществления труда и собственности «снизу» в условиях капитализма⁶.

Таким образом, в отношении будущих социалистических преобразований ПСР ориентировалась на реформистскую тактику. В. М. Чернов говорил на X съезде партии в 1920 г., что программа партии предполагала для рабочего класса путь к социализму через капитализм и конституционную реформу, а для крестьян—через социализацию земли и «непосредственно-социализаторское перерождение трудового хозяйства»⁷.

Эсеровская аграрная программа находила отклик в деревне. Крестьянам был близок и понятен лозунг «Земля и воля». Мысль об уравнительном социализме отражала мечту крестьянина «уравнять» себя в правах на землю с помещиком. Но утопичным было мечтание о «равенстве» между мелкими крестьянами при господстве капиталистических отношений. Такое «равенство» было на руку зажиточному крестьянину, кулаку (Т. 21. С. 384). Вот почему Ленин делал вывод: «...мелкобуржуазный социализм возводит в теорию крестьянскую бессознательность, смешивая воедино условия и задачи действительно демократического и сфантазированного социалистического переворота» (Т. 11. С. 284—285).

Эсеры своеобразно оценивали первую русскую революцию. Они отрицали ее буржуазный характер, считая, что она будет одновременно и демократической и социалистической, называли ее то просто «социальной революцией», то «социально-революционным переворотом», то «революцией политической... и до известной степени демократической»⁸. Такая оценка была перенесена и на Февральскую революцию. Н. Я. Быховский на III съезде ПСР в мае 1917 г. говорил, что русская революция единственная, где крестьянство выступает с социалистическими лозунгами, указывая на лозунг «Земля трудовому народу на уравнительных передельных началах»⁹.

Социалисты-революционеры по-своему характеризовали классовую структуру общества. Они отделяли всех, кто живет своим трудом, от эксплуататоров, обходя отношения собственности. К числу трудящихся относили пролетариат, крестьянство и интеллигенцию, объединяя их понятием «рабочий класс» или «трудовой народ». Однако ведущей движущей силой революции считали крестьянство, исходя из его «социальности». Классовую дифференциацию крестьянства эсеры отрицали, хотя и признавали наличие в деревне небольшого слоя кулаков.

Стремление эсеров учесть интересы различных слоев сельской и городской мелкой буржуазии, а также и рабочих способствовало эклектичности и расплывчатости программы ПСР. Вместе с тем неоднородная социальная база партии привела к возникновению в ее рядах фракций, подрывающих партийное единство.

После Февральской революции эсеры поднялись на невиданную высоту, стали правительственной партией, приобрели среди крестьян большой авторитет своими обещаниями мирно

решить в их пользу земельный вопрос—через Учредительное собрание. Но созыв Учредительного собрания откладывался. Ответственность за это во многом несут эсеры—члены Временного правительства. Сами они выступили против самочинных захватов крестьянами частновладельческих земель, отказавшись от собственной программы, предлагавшей осуществлять ее требования как в Учредительном собрании, «так и стремиться непосредственно проводить в революционный период»¹⁰.

На III съезде ПСР была принята программа реформ, охарактеризованная в резолюции «Смысл современного момента и задачи партии» как полубуржуазный, полугосударственный «военный социализм». Намечалось провести налоговую и финансовую политику в интересах большинства народа (ограничение прибыли, принудительный заем и т. д.), расширение государственного и общественного контроля над производством, сосредоточение «в руках общественной власти» народно-хозяйственных ресурсов и распределение продуктов первой необходимости. Съезд выразил надежду, что после окончания войны опыты «военного социализма» станут исходной точкой для демократического обобществления труда и собственности¹¹. В. М. Чернов заявил на съезде, что в случае остановки предприятий из-за невозможности производства или бойкота буржуазии «...новой власти придется брать в свои руки целый ряд производств, обеспечить рабочих заработной платой, вызывая к революционному патриотизму, чтобы преодолеть эти экономические трудности»¹².

Меры «военного социализма» нашли свое выражение в 1917 г. в решениях главных эсеро-меньшевистских Советов страны. В мае Петроградский Совет по докладам эсеров и меньшевиков принял следующую программу: рабочий контроль над производством, огосударствление трестов, государственная монополия на хлеб, трудовая повинность. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов потребовал от Временного правительства организовать планомерное регулирование народного хозяйства. Эта программа почти не отличалась от большевистской, принятой VII (Апрельской) конференцией и VI съездом РСДРП(б)¹³. Но Временное правительство с эсерами и меньшевиками в его составе не было в состоянии провести эту демократическую программу. Мелкобуржуазные партии оказались заложниками своей политики соглашения с буржуазией, стремительно теряли доверие на-

рода. Страна оказалась на пороге экономической катастрофы. В октябре 1917 г. созрел новый политический кризис.

Итак, в ходе Февральской революции была достигнута ближайшая программная цель эсеров: установлена демократическая власть, явочным путем осуществлялись демократические свободы. Но лидеры ПСР не решились пойти на осуществление радикальных демократических мер в области экономики, прежде всего аграрной реформы, хотя в этом случае им была обеспечена поддержка армии, большинства народа и всех левых партий. Эсеры упустили реальную возможность осуществить свои ближайшие цели, тем самым прочно завоевать доверие большинства народа, крестьянства, встать во главе реформ для эволюционного развития страны в направлении к конечной цели своей программы—социализму.

Эсеры подвели непонимание взаимосвязи ближайших и конечных целей, средств и методов их достижения. Они в полной мере не осознавали необходимость решительной борьбы за ближайшие цели с тем, чтобы двигаться далее к конечной цели. Они были правы, указывая на необходимость постепенного, реформистского пути к социализму, но не задумывались о том, что для этого необходима власть, имеющая волю и силу для осуществления перемен в общественном развитии. Такой властью могла быть в 1917 г. только власть Советов, но ее идею эсеры встретили враждебно.

Для них Октябрь — результат осуществления заговора большевиков, опиравшихся на низменные инстинкты масс, поднимавших «охлос» против демократии демагогическими лозунгами. В то же время у правых эсеров прорывалось признание народного характера большевистского движения¹⁴, активного участия в революции не только рабочих, но и крестьян. Эсер А. Моисеев в 1921 г. писал: «Формально пролетарская революция по своим результатам является революцией мелкобуржуазного крестьянства в гораздо большей степени, чем великая французская революция».

В этом ключ успеха большевиков»¹⁵.

Потеряв власть, правые эсеры проявили отсутствие тактической гибкости. Они исписали тонны бумаги, доказывая необходимость соглашения с буржуазией и уступок ей, но не пошли на соглашение с восставшим народом. Уйдя со II съезда Советов и отказавшись от участия во ВЦИКе, а потом и в однородном социалистическом правительстве, правые эсеры потеряли возможность влиять на политику Советской власти

и осуществление реформ. Они встали на путь вооруженной борьбы с Советами под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию» в конце октября 1917 г. и летом 1918 г., погубив себя как партию. Одновременно они делают крутой поворот от пропаганды мер «военного социализма» к злобной критике всех шагов Советской власти в этом направлении.

Теоретически социалисты-революционеры опирались на меньшевистский тезис о неподготовленности России к социалистическим преобразованиям. П. Сорокин утверждал еще до Октябрьской революции, что социализм—«дело далекого будущего», предупреждая, что немедленное обобществление орудий производства приведет к братству, «которое посылает своего брата на виселицу во имя свободного братства. Это будет свобода в рабстве». Такая форма возможно улучшит положение рабочего класса, но она будет далека от публичного введения социализма¹⁶. Об отсутствии культурных и материальных предпосылок для социализма писал не раз В. М. Чернов. В речи на заседании Учредительного собрания 5 января 1918 г. он говорил о необходимости подъема с помощью капитализма производительных сил страны, так как «социализм не есть скороспелое приближение к равенству в нищете»¹⁷.

Эсеры первыми в России выдвинули идею одновременного социалистического (в деревне) и капиталистического (в городе) развития. Но они не приняли ленинский план развития многоукладной экономики, выдвинутый весной 1918 г. «Назад, к капитализму» призвал орган ЦК ПСР «Дело народа» 23 (10) июня 1918 г., предлагая восстановить частнохозяйственный аппарат для того, чтобы ввести государственное регулирование экономики в интересах рабочих и крестьян. Эсеры отказались от схожих с их идеями положений Ленина, потому что он иначе видел государственное регулирование, но конструктивных предложений с их стороны уже быть не могло. В это время они готовили вооруженное выступление против Советской власти.

В 1917 г. эсеры были, за исключением своего крайне правого крыла, сторонниками государственной хлебной монополии. Но весной 1918 г. они выступили против хлебной монополии Советского государства и за введение свободы торговли. Этот курс они осуществили, взяв власть в Самаре. Вскоре реалии военного времени заставили Комуч вернуться к мерам «военного социализма». Областной продовольственный съезд,

созванный в Самаре в начале августа 1918 г., заявил: «Свободная торговля и свободное распоряжение хлебными запасами противоречат в данный момент как общегосударственным интересам, так и интересам армии и населения потребляющих губерний, а потому не могут быть допущены»¹⁸. Съезд потребовал восстановления хлебной монополии и создания Центрального государственного органа, который бы действовал на основе закона Временного правительства от 25 марта 1917 г.¹⁹ Хлебный совет, созданный Комучем, установил с 12 сентября 1918 г. «предельные» (т. е.—твердые) цены на зерновой хлеб, закупаемый «для правительственных надобностей»²⁰. Об этой практике Комуча эсеры никогда не вспоминали, критикуя продовольственную политику большевиков.

После краха эсеровских правительств эсеры обрели досуг для осмысления экономической ситуации в Советской России и выработки своих рекомендаций. В. М. Чернов в статье «Они и мы. Две линии хозяйственной политики», опубликованной в последнем легальном номере «Дела народа» 30 марта 1919 г., заявил, что эсеры уже не стремятся «назад, к капитализму». «Суть разногласий (с большевиками.—А. М.) в том, что для нас социализм есть прежде всего самостоятельное творчество самих масс—творчество, идущее снизу, а не чиновнице, часто бумажное декретирование сверху; творчество, которое действует больше всего и прежде всего путем добровольной коллективизации труда для поднятия его на высший уровень производительности, а не путем новых голых повелений, а тем более запретительных мер...». Далее эсеровский теоретик критиковал большевиков за поспешность в проведении всех экономических мер: социализации земли, хлебной монополии, свертывания свободной торговли, введения рабочего контроля, национализации промышленности и т. д.

В качестве альтернативных мер В. М. Чернов предлагал: развитие, наряду с государственной системой заготовок хлеба, частной инициативы; передачу убыточных и бездоходных заведений прежним владельцам при гарантировании нормальной оплаты труда рабочим; свободу действий иностранному капиталу (предоставление концессий²¹); развитие кооперативов без бюрократического вмешательства; увеличение производства фабрикатов в стране и ввоз их из-за границы; замена произвольных и чрезвычайных поборов и реквизиций правильной системой налогов. В таком случае обобществление труда и собственности происходило бы постепенно, считал Чернов,

а не «по-аракчеевски», рядом правильных мер, «соизмеримых с ростом сознательности, организованного опыта и способности к хозяйственному самоуправлению с а м и х м а с с».

Эсеровская критика крайностей «военного коммунизма» была справедливой. Предложения Чернова были во многом близки с предложениями Ленина весны 1918 г. Чернов писал о допущении частной инициативы. Ленин — частного и государственного капитализма. Оба они были за использование прогрессивного налогообложения, за творчество масс в создании социализма, за использование кооперативов (но с разной степенью свободы). Предложения Чернова были бы реалистичными весной 1918 г., но весной 1919 г. был уже разгар гражданской войны. Он не был искренен в критике чрезвычайных мер Советской власти, которые продолжали экономическую политику Временного правительства. В. М. Чернов признал после окончания гражданской войны, что в осажденной крепости или среди потерпевших кораблекрушение и находящихся на плоту людей нельзя обойтись без изъятия и самого строгого рационарования имевшихся запасов²², но утверждал обратное в 1918—1920 гг.

Поставим вопрос: если бы большевики не увлеклись военно-коммунистическими экспериментами и постоянно бы твердили, что после окончания войны вернутся к программе весны 1918 г., то пошли бы правые эсеры на компромисс с большевиками? Вряд ли. И после опыта эсеровских правительств, колчаковского переворота Чернов связывал осуществление переходных мер с «трудовой демократией», с демократическим правительством. Очевидной глупостью или провокацией был призыв «Дела народа» в номерах за 28 и 30 марта 1919 г. закончить гражданскую войну посредством всенародного голосования и созыва Учредительного собрания. И это после отказа белогвардейских правительств участвовать в переговорах с большевиками в предполагавшейся конференции на Принцевых островах и после начала нового наступления войск Колчака.

Более реалистичной была позиция части эсеров, объединившихся в группу «Народ» (меньшинство ПСР). Они пришли к признанию исторической обусловленности временной диктатуры в форме Советов. На VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. представитель меньшинства ПСР В. К. Вольский говорил, что в период ожесточенной классовой борьбы, каковой является гражданская война, всеобщее

избирательное право теряет свое значение. В этот период классовая диктатура в форме рабоче-крестьянских Советов доказала свое право на существование²³.

Группа в опубликованном 3 мая 1919 г. в «Известиях ВЦИК» обращении «Ко всем членам партии социалистов-революционеров» поставила задачу устранения экономической возможности возвращения буржуазии и развития «социально-трудовой организации хозяйства». Экономическая программа группы намечала кооперирование трудового и потребительского хозяйства, становление трудовых производственных объединений и муниципального хозяйства; развитие народного хозяйства на основе общегосударственного плана с участием местных органов самоуправления и профсоюзов; сохранение в ряде отраслей капиталистических предприятий (концессий и пр.). Группа требовала уравнивания прав города и деревни, прекращения покровительства рабочим за счет крестьян. В деревне они предлагали вести экономическую политику «на основе самостоятельности» крестьян, организацию производства, сбыта и потребления осуществлять через кооперативы, земотделы и государство. Продовольственную политику проводить без насилия над деревней путем обеспечения ее продуктами промышленности через денежно-рыночный или непосредственный товарообмен. Пока нет для этого возможности, надо брать сельскохозяйственные продукты в кредит, путем денежных знаков или других форм государственных обязательств. Добиваться повышения производительности труда организационно-техническими и экономическими методами, создавать условия для хозяйственной инициативы рабочих и крестьян, оплачивать труд по его результатам. Трудовым хозяйствам предоставить право на продукт своего труда за исключением осторожных монополий и вынужденных реквизиций.

Экономическая программа группы «Народ» была более реалистичной по сравнению с наметками В. М. Чернова. Ее предложение переходить весной 1919 г. к товарно-денежным отношениям было нереальным, что в общем-то признавали и члены группы. Советское государство и было вынуждено брать хлеб в кредит под бумажные деньги, но денежные знаки стремительно обесценивались и роли стимула не играли. Возможности товарообмена все больше сокращались ввиду гражданской войны и разрухи. Государство вынуждено было применять насилие для изъятия хлеба, действовать путем

давления на крестьян отрядами продовольственной армии. Гражданская война вынуждала использовать чрезвычайные экономические меры, которые вызвали недовольство деревни. Крестьяне поднимались на восстания, затягивающие гражданскую войну. Возможно, при лояльном отношении всех эсеровских партий и групп к Советам были бы найдены пути для более щадящего режима продразверстки и других чрезвычайных мер, но большинство народников продолжало раздувать недовольство крестьян, поднимая их на восстания. Лояльные группы бывших эсеров были незначительны. Нарботки же группы «Народ» могли быть полезными после окончания гражданской войны.

Группа меньшинства ПСР на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г. предложила ввести продналог и дать возможность крестьянину наладить товарное производство²⁴. Через год группа повторила свое предложение VIII Всероссийскому съезду Советов. В. К. Вольский говорил о необходимости дать стимул крестьянину для ведения его хозяйства, заменить продразверстку продналогом. Хозяйственный остаток продовольствия предлагал взять у крестьянина в обмен на товары промышленности²⁵. Далее мы покажем, что предложение ввести продналог весной 1920 г. было нереальным, хотя можно было пойти на смягчение режима чрезвычайных мер, но в конце 1920 г. предложение эсеров (и меньшевиков) о продналоге и свободе торговли было своевременным.

В 1917 г. эсеры приобрели огромное влияние на крестьян пропагандой программы социализации земли. Крестьяне им поверили, надеясь получить землю помещиков в свои руки, свободно хозяйствовать и не платить налоги. Под влиянием эсеров и под их руководством были составлены 242 известных крестьянских наказа, доставленных делегатами армии и деревни на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов в мае 1917 г. Как мало эсеры придали им значения, говорит тот факт, что наказа были систематизированы для публикации рядовой сотрудницей «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» некоей «госпожой Ф.»²⁶, и эсеры сами потом удивлялись будущему крестьянских наказов. О том, что эсеры не собирались осуществлять наказа крестьян, говорит появление накануне Октября законопроекта министра земледелия Временного правительства правого эсера С. Л.

Маслова, который намеревался ограничить, но не уничтожить до конца помещичье землевладение.

После принятия II съездом Советов Декрета о земле, основанного на 242 крестьянских наказах, правые эсеры заняли двусмысленную и пагубную для них позицию. Часть из них продолжала клеветническую кампанию о намерении большевиков проводить столыпинскую аграрную политику. Такая ложь распространялась не только полуграмотными провинциальными эсерами, но и исходила от центральных и местных эсеровских периодических изданий. Укажем на статьи видных эсеров Н. Я. Быховского, С. С. Маслова и др., утверждавших, что большевики проводят аграрные преобразования в интересах кулаков²⁷.

В то же время правые эсеры уже не могли скрывать очевидные вещи. Н. И. Ракитников вынужден был признать 29 октября 1917 г., что «центральная часть декрета—крестьянские наказа—есть не что иное, как почти дословное изложение нашей аграрной программы...». Московская «Земля и воля» писала в передовой «Ленин и земля» 10 (23) ноября 1917 г., что декрет «целиком составлен по программе социалистов-революционеров». Эсеры сосредоточились на критике отдельных положений декрета, отмечали, что он не носит характер закона, не определяет порядок распределения земли, приведет к растаскиванию земли, раздорам среди крестьян и т. д. Эсеровские пропагандисты не понимали, что силу декрету придают стоящие за ним миллионы вооруженных крестьян, и критикой аграрной политики Советов только подрывали свой авторитет в деревне.

Накануне созыва Учредительного собрания правые эсеры опубликовали, наконец, свой Проект основного закона о земле (Дело народа. 1917. 28 декабря; 1918. 3 января). Проект отменял право собственности на землю, объявляя землю общественным достоянием с переходом ее в руки народа без выкупа. Распоряжение всей землей, ее недрами, лесами и водами объявлялось правом республики в лице ее центральных органов и органов местного самоуправления. Проект предлагал уравнильное землепользование на основе собственного труда граждан. Применение наемного труда допускалось в исключительных случаях по особым правилам, установленным органами местного самоуправления.

Статья 19 проекта установила две основные нормы трудового землепользования — потребительскую и трудовую:

«а) норма обеспечения (потребительная) — это количество земли, до которого должно быть доведено обеспечение земель малоземельных и безземельных хозяйств; б) норма предельная (трудовая) — это то количество земли, которое, при обычных условиях обработки, может быть обработано силами земледельческой семьи...». В целом проект утверждал форму индивидуального семейного пользования землей в рамках сельских обществ, хотя вскользь говорилось в нем о допустимости пользования ею «разного рода товариществами и союзами». Для достижения уравнительности между общинами и областями намечалось перераспределение земель и переселение крестьян на них.

На заседании Учредительного собрания 5 января 1918 г. правые эсеры утвердили без обсуждения только первые десять пунктов проекта. Основной закон о земле, принятый собранием, только подтверждал то, что уже было сделано Советской властью,—отмену частной собственности на землю, переход ее в общенародное достояние и статьи о том, что различные вопросы землепользования должны решаться на основе данного закона. Поэтому правые эсеры после захвата власти в Самаре оказались в нелепом положении. Они превозносили закон, принятый Учредительным собранием, тогда как он не содержал конкретных указаний для решения острых и спорных вопросов землепользования.

Эсеры, таким образом, плелись в хвосте событий. Потеряв инициативу в решении аграрного вопроса, они стремительно теряли влияние на крестьян. Выход для них был тот же, что и для левых эсеров,—активное участие в осуществлении Декрета о земле работой в советских органах власти. Но они избрали путь борьбы с Советами, потеряв возможность влиять и на осуществление социальных преобразований и претворять в жизнь свои собственные планы кооперативного строительства.

Кооперация имела к 1917 г. довольно длительную историю. В. Липицкий делает вывод, что она существовала прежде всего «как идея и общественное движение, направленное на достижение социализма»²⁸. Это неточная оценка. Основатель кооперативного движения Р. Оуэн ставил перед собой задачи социалистических преобразований, но позднее кооперативное движение все более превращалось в объединение мелких производителей для выживания в рамках капиталистических отношений. Его теоретики разделились на два направления.

Одни из них отрицали социалистический характер кооперации. М. И. Туган-Барановский писал: «Кооперация сама по себе не только не есть социализм, но, наоборот, предполагает, как свою естественную основу, капитализм. Кооперация есть своеобразная хозяйственная организация, стоящая на почве частной собственности и преследующая частно-хозяйственные выгоды своих членов. Если бы мы предположили осуществление социалистического строя, то внутри этого строя для кооперативных предприятий места бы не нашлось»²⁹. А. В. Чаянов, теоретик кооперативного движения, считал, что «кооперация создает в параллель капитализму народно-хозяйственную систему трудового кооперативного хозяйства, не умещающуюся в рамки законов и явлений капиталистического строя и сосуществующую ему»³⁰. Однако Чаянов тоже считал, что она не может существовать изолированно от той хозяйственной базы, на которой стоит³¹.

Либеральные народники и их последователи—народные социалисты и эсеры считали кооперацию формой, переходной к социализму. Один из энесов писал, например, что путь к социализму лежит через огосударствление (демократическим государством.—А. М.) и муниципализацию средств производства и распределения, а потом—через превращение их в кооперативную собственность. Иных путей нет³². Эсеры считали, что крестьянская община должна идти к социализму от социализации земли через развитие различных форм кооперации.

В годы гражданской войны немногие эсеры занимались теоретической разработкой проблем кооперации. Среди них можно назвать С. С. Маслова, С. Л. Маслова, А. А. Николаева. С. С. Маслов в малоизвестной книге «Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав», изданной в 1918 г. в Ярославле, синтезируя различные определения кооператива, определил, что он является: «1) объединением лиц, 2) объединением хозяйственно-трудовым, т. е. направленным к увеличению доходов или уменьшению расходов у людей труда, 3) объединением добровольным с свободным выходом из него, 4) объединением демократически самоуправляющимся, 5) объединением с личным участием членов в совместном хозяйстве, 6) объединением с материальной ответственностью членов, 7) объединением, в котором продукты распределяются не на основе внесенных средств, а на трудовом начале». Далее заключал: «Разве все эти признаки коопера-

тива не являются в то же время признаками социалистических или коммунистических общин, бывших в прошлом и имеющих в настоящее время!»³³. С. Л. Маслов, отрицая связь кооперации с общиной или первобытной артелью, отмечал, что это новая форма коллективизма, в которой крестьянское хозяйство в борьбе против капитализма объединяет свои усилия с другими³⁴.

К 1917 г. многие народники отошли от апологетики мелких крестьянских хозяйств, их превосходства над крупным. А. В. Чаянов писал и в 1917 и в 1919 гг., что «...при прочих равных условиях хозяйство крупное всегда имеет преимущество перед мелким. Это основной экономический закон, и было бы нелепостью его отрицать»³⁵. В то же время не во всех отраслях сельского хозяйства крупное хозяйство побеждает мелкое. Преимущество крупного хозяйства заключается в возможности использовать сложные машины, племенных производителей, достижения науки. Чаянов предлагал достижения крупного хозяйства сделать достоянием крестьянского двора. Для этого достаточно те отрасли, в которых крупная форма имеет несомненное преимущество, выделить из отдельных крестьянских хозяйств, не нарушая их индивидуальности, и организовать на стороне в кооператив, подняв на ступень крупного производства³⁶.

С. Л. Маслов в книге «Крестьянское хозяйство» подчеркивает устойчивость и трудовую природу хозяйства крестьянина, но признает, что его устойчивость не связана с его эффективностью. «Спасти от голода и удержать инвентарь от распродажи—вот бухгалтерия крестьянского хозяйства»³⁷. Маслов, отстаивая народническую точку зрения о трудовом характере крестьянского хозяйства, писал, что оно не получает прибыли, которую можно было бы отнести к капиталу. Доходы у крестьян от их хозяйства меньше их расходов, они живут за счет дополнительных заработков. Маслов традиционно для народников оперировал средними данными о крестьянском хозяйстве, игнорируя процессы расслоения крестьянства и эксплуатации богатыми крестьянами бедных. Он также утверждал, что крестьянская община, препятствуя продаже земли, дает возможность сохранить ее за трудовым крестьянством³⁸. Его анализ крестьянского хозяйства был направлен на обоснование тезиса народников об однородности крестьянства и затушевывал реальную ситуацию в деревне.

Но и С. Л. Маслов пришел к тому же выводу, что и А. В. Чаянов,—об экономических преимуществах крупного хозяйства над мелким. Опираясь в то же время на мнение Э. Давида, Маслов писал об особой живучести мелкого крестьянского хозяйства в силу специфики сельскохозяйственного производства (связь труда с живой природой, соединение земледелия с животноводством, отсутствие такого разделения труда, как в промышленности) и писал о том, что в капиталистическом обществе существуют причины, ставящие предел крупнокапиталистическому производству. В силу этого мелкое хозяйство существует рядом с крупным, иногда даже его вытесняет³⁹.

Правые эсеры справедливо критиковали первые опыты большевиков с сельскохозяйственными коммунами как попытки создать «фаланстеры» Ш. Фурье. Но самые объективные из них замечали и попытки большевиков внести коррективы в практику коллективизации. Кооперативный деятель А. А. Николаев приветствовал намерение наркома земледелия С. П. Середы разработать программу трудовых земледельческих артелей. Николаев напомнил, что артель—это кооператив в сфере производства. В области кредита, сбыта, потребления лучше всего использовать другие формы кооперации. Земледельческая артель не требует отречения от собственности, не допускает вмешательства в свои дела, распределяет свой урожай самостоятельно, она знакома крестьянам истари⁴⁰.

С. С. Маслов проанализировал историю земледельческих коммун и кооперативов Западной Европы, Америки и России и на основе этого анализа выступил с критикой мнений Э. Давида о невыгодности земледельческих товариществ и артелей и М. И. Туган-Барановского о том, что кооперация не переходит в область сельскохозяйственного производства. Автор много места уделил выяснению преимуществ артели, как крупного хозяйства, по сравнению с мелким крестьянским хозяйством: с точки зрения сбережений на инвентаре, скоте, постройках, так как артель дает экономии этого и экономии труда; со стороны использования сельскохозяйственных машин и повышения производительности труда; с учетом общей хозяйственной выгоды и в перспективе—выгод от специализации отраслей и специализации работников, применения сельскохозяйственных новинок; наконец, с точки зрения преимуществ при сбыте продуктов и их потребления (сбыт произве-

денной продукции по весенним, а не осенним ценам, оптовые закупки потребительных и иных товаров)⁴¹.

Полезная и до наших дней актуальная сторона труда С. С. Маслова—его выводы о принципах организации, деятельности, распределения произведенной продукции и дохода сельскохозяйственной артели, разработанные с учетом опыта производственных коммун и артелей разных стран. Изложим их подробнее.

Подбор членов артели должен был отвечать требованиям: достаточной материальной заинтересованности в земледелии, в получении от него доходов, не меньших, чем до вступления в артель; привычка к сельскохозяйственному труду; приблизительно одинаковый для всех уровень образования и общественно-го развития, достаточная общественная и техническая приспособленность к артельному хозяйствованию. С учетом трудностей ведения большого коллективного хозяйства, значения постоянной материальной заинтересованности каждого человека в результатах своего труда Маслов считал, что число членов артели не должно быть велико, хотя идеал социалистов—многочисленное и крупное хозяйство. Чем выше будет культура у членов артели, тем оно может быть крупнее. У дуборов в Канаде оптимальное селение (община—коммуна) состояла из 40 семей. Наемный труд в артели можно использовать по необходимости, но оплачивать наравне с трудом членов артели.

Средства артели. Часть из них должна находиться в длительном пользовании артели, другая—на короткий срок. При вступлении в артель члены вносят вступительные взносы деньгами и имуществом.

Распределение в артели. 20—25% всей прибыли следует выделять в неделимый капитал, необходимый для укрепления артели, закупок техники и т. д. Остальная часть прибыли должна распределяться по взносам члена артели и по его труду на основе сдельной поденной или помесичной платы. Таким образом, распределение надо осуществлять по кооперативному принципу, но артель будет эволюционировать к социалистическому принципу распределения по труду.

Организация управления, по мнению С. С. Маслова, должна осуществляться на четырех принципах: возможно более активное участие всех членов, коллегиальность постоянно действующих органов, создание наряду с исполнительными органами постоянно действующих наблюдательных и специа-

лизация органов управления по отдельным сторонам артельной жизни⁴².

С. Л. Маслов в своем труде, основываясь тоже на истории кооперации, показывал крестьянину выгоды различных форм кооперации—закупочной, сбытовой, кредитной и т. д., в том числе и производственной кооперации. С. Л. Маслов сдержанно оценил советский опыт коллективизации 1918—1920 гг., отмечая, что некоторые коммуны и сельскохозяйственные артели действовали удачно, но судить об их общей устойчивости и прочности новых начинаний преждевременно ввиду своеобразия тех условий, в которых они действовали⁴³.

С. Л. Маслов сформулировал один из важнейших принципов кооперирования крестьянства, способствующий естественному вовлечению крестьян в коллективное хозяйство, — «переход от более простых видов кооперации к более сложным и трудным. При такой последовательности членам кооперативных товариществ не предстоит никакой быстрой ломки своего хозяйства. Кооперация последовательно и без потрясений завоевывает себе все новую и новую почву среди земледельцев и преобразовывает крестьянское хозяйство»⁴⁴.

Мы выделили наиболее разумные и рациональные идеи эсеров о кооперации, идущие в русле общих разработок народников теории кооперативного строительства. Многие из них использовались в 20-е гг., когда развитие кооперации в СССР шло более или менее нормальным путем. Позитивные положения народников перешли и в марксистскую литературу о кооперации. Рекомендации С. С. и С. Л. Масловых могли помочь избежать многих перегибов при осуществлении коллективизации в конце 20-х—начале 30-х гг., когда за основу коллективного хозяйства была выбрана сельскохозяйственная артель. Однако сталинский волюнтаризм, репрессии против крестьянства, лишение колхозов самостоятельности противоречили идее свободного развития кооперации на добровольной основе, которую рекомендовал В. И. Ленин.

В то же время отметим утопизм, сопутствующий эсерским кооперативным концепциям, который связан с отрывом теории от жизни. Они разрабатывались на основе абстрактного «трудового крестьянского хозяйства», тогда как существовало хозяйство бедняка, кулака и середняка с разной материальной базой. Крестьяне в 1918—1920 гг. встречали с недоверием первые опыты коллективизации, а зажиточные крестьяне активно им противодействовали. С. С. Маслов совето-

вал крупные частновладельческие имения не дробить, а сдавать их крестьянским артелям⁴⁵, но ведь этому противились крестьяне, и их надо было переубеждать.

С. С. Маслов утверждал, что у крестьян есть тяга к общему хозяйству, жизнь все равно, рано или поздно, приведет крестьян к земледельческим артелям, «но не все равно, когда это случится, жизнь надо толкать к ним», советовал создать общество содействия земледельческим артелям⁴⁶. Возможность осуществлять эксперименты («толкать жизнь») открыла Октябрьская революция. Этой возможностью эсеры не воспользовались по собственной воле. С. С. Маслов, например, занялся в 1918 г. не артелями, а включился в вооруженную борьбу против Советской власти. В августе он стал членом марионеточного Верховного управления Северной области в Архангельске, возглавив ведомства военных дел и земледелия. Ему было уже не до экспериментов с артелями, тем более, что фактическое правительство на Севере—командование интервенционистских войск—пресекало даже попытки эсеров ввести обычную демократию. Участие эсеров в антисоветской борьбе дискредитировало и эсеровские советы по осуществлению социальных преобразований.

Против эсеров работали их планы развития кооперации, оторванные от реальности. Отрицая дифференциацию деревни, противоборство различных групп крестьян, эсеры рисовали прямолинейный путь преобразований деревни, а значит и во многом нереальный. Они дезавуировали советский опыт коллективизации со всеми его издержками и находками, игнорируя в целом политику Советской власти. Видимо, поэтому В. И. Ленин написал по поводу книги С. Маслова «Крестьянское хозяйство», вышедшей пятым изданием в 1921 г.: «Из просмотра видно, что—насквозь буржуазная пакостная книжонка, одурманивающая мужичка показной буржуазной «ученой ложью».

Почти 400 страниц и ничего о советском строе и его политике—о наших законах и мерах перехода к социализму и т. д. Либо дурак, либо злостный саботажник мог только пропустить эту книгу» (Т. 53. С. 104).

Слова эти были написаны Лениным 7 августа 1921 г., т. е. после введения нэпа. Маслов не упомянул в книге о нэпе, скорее всего, не случайно. Нэп правые эсеры не приняли. В. Войтинский писал, что можно было бы большевикам порвать с методами диктаторского господства, вернуться к демократии,

протянуть руки всем социалистическим партиям и спасти что возможно из завоеваний революции. Но большевики пошли на капитуляцию перед иностранным и отечественным капиталом, чтобы любой ценой удержаться у власти. Нэп—это «большевистский термидор», укрепление основ буржуазного строя⁴⁷.

9, 11 и 12 февраля 1921 г. в эсеровской газете «Воля России» (Прага) был опубликован как дискуссионный материал «Проект экономической программы», «проведение которой могло бы вывести Россию из тупика после окончательного банкротства и ликвидации большевистской политики». В проекте представлена анархо-синдикалистская схема устройства общества. Эсеры стремились, конечно, публикацией проекта оказать влияние на проходившую среди большевиков дискуссию о профсоюзах.

Проект предлагал национализированные отрасли «социализировать». Социализированные отрасли должны были управляться коллегиями из представителей: 1) занятых в отрасли профсоюзов и союзов служащих, 2) «организованного потребления» (кооперативов и отраслей, для которых производимые продукты являются сырьем), 3) от общества в целом (от ведомства финансов, от высшего научно-технического института страны). Коллегия решает вопрос о назначении руководителей предприятий отраслей. Ответственные руководители социализированных предприятий представляют корпорацию, которая выдвигает кандидатов на замещение вакантных должностей в социализированных предприятиях. Назначение осуществляется исключительно из числа этих кандидатов.

Высший совет народного хозяйства составляется из представителей корпорации управляющих и коллегиальных управлений отраслей. ВСНХ разрабатывает законопроекты для народного представительства, является его высшим исполнительным органом.

На социализированных предприятиях рабочие получают часть прибыли и через профсоюзы и фабзавкомы участвуют в управлении. Профсоюзы заключают договоры от имени рабочих с правлениями предприятий. Фабзавкомы следят за исполнением договоров, но не вмешиваются в управление предприятиями, укрепляют дисциплину трудящихся.

Социализируется в первую очередь железнодорожный транспорт, предприятия по добыче топлива, металлургия, са-

харные и винокуренные заводы. В других отраслях социализация может быть возложена на общественные организации: фабрики искусственных удобрений переданы в аренду сельхозкооперациям, свечные—закупочным товариществам, земства получают право муниципализации местных предприятий и т. п. Несоциализированная промышленность денационализируется, представляется праву частной инициативы предпринимателей.

Проект предлагал разделить госмонополию внешней торговли между социализированными предприятиями, ВСНХ и корпоративными организациями, использовать с помощью концессий иностранный капитал. Снабжение населения рекомендовал осуществлять через систему кооперативных организаций, отменить твердые цены на сельхозпродукты. Безработных с помощью трудовой повинности следовало привлекать к общественным работам.

Проект экономической реформы отстаивал социализацию земли, которая должна оставаться вне торгового оборота. Сверхнадельные излишки облагать специальным налогом, разработать районные нормы землепользования. Упразднить совхозы, оставив часть их как агрономические опытные и показательные. Лишить привилегий сельскохозяйственные коммуны. Ответственные руководители агрономических станций вместе с персоналом сельскохозяйственных школ образуют автономные агрономические корпорации; в каждом районе, области создаются комиссии из представителей сельскохозяйственной кооперации, агрономической корпорации, рабочих образцовых хозяйств и земских самоуправлений. Комиссии оказывают помощь крестьянам в доставке племенного скота, инвентаря, семян, распространяют агрономические знания.

В области финансов и кредита проект предполагал прекращение выпуска бумажных денег, после их стабилизации замену денежных знаков, возобновление обмена их на золото. Постепенно намечалось заменить натуральные повинности денежными. Разрешить учреждения частного кредита (банки) под контролем госбанка. После возрождения банковского дела провести принудительное синдицирование частных банков и обращение госбанка в центральное учреждение для всех кредитных банков страны и последующее обобществление банковского дела, как завершение социализаторской политики. Дискуссии по проекту не состоялись, видимо, ввиду начала нэпа, эсеры сосредоточились на его критике. Исключение —

статья А. Моисеева «Об экономической политике демократической России»⁴⁸. Автор писал о стабильности советской политической системы, за которую говорят «какие-то психологические моменты в русском населении». Но есть экономические закономерности и тоже психологические особенности народа, которые делают немислимым успех советской системы. Поэтому надо найти компромисс между революционной психологией народа и прочно укоренившимися революционными идеями и необходимой свободой личной и общественной инициативы, без чего невозможно возрождение страны. Моисеев внес поправку в схему управления народным хозяйством, дополнив три курии управителей промышленности курией от бывших владельцев ее. М. Н. Покровский видел в этом уступку кадетам⁴⁹.

Моисеев писал, что из всех классов населения только крестьянство оказалось в сравнительном выигрыше от революции и не отдаст назад помещичьи земли. Он предложил ввести единый натуральный налог, вне налоговой системы—свободную торговлю хлебом, создать параллельные системы заготовки и распределения—государственную и частную, с использованием аппарата кооперации⁵⁰.

Анархо-синдикалистская схема эсеров была подвергнута критике со стороны М. Н. Покровского. Он указывал, что в куриальной системе управления рабочие фактически отстранены от участия. Они представлены лишь в одной курии (наряду со служащими), а интеллигенция во всех трех⁵¹. От себя добавим, что здесь была бы заложена основа для торжества «корпоративной» бюрократии. Покровский не рассматривал аграрную часть проекта эсеров, видимо, потому, что большевики проводили в годы нэпа почти аналогичную политику.

В какой мере эсеры повлияли на принятие большевиками политики нэпа? Полагаем, в минимальной. Продналог большевики пытались ввести осенью 1918 г. Вернуться к свободной торговле предлагали и некоторые коммунисты. Видимо, решающим фактором стали крестьянские восстания, убедившие РКП(б) повернуть к нэпу. Что же касается существования социализированных предприятий, то, по нашему мнению, они вполне могли вписаться в многоукладную экономику страны, но не как преобладающая форма. Стране еще предстояло с помощью национализированной промышленности решить сложнейшую проблему индустриализации, да и капиталистические страны вынуждены были пойти на национализацию

ряда отраслей уже в 30-е—50-е гг. Видимо, социализированные предприятия приобретут широкое распространение в России в ближайшее время, но в форме коллективной, акционерной собственности. Эсеры же понимали социализацию как общественную, но «ничейную» собственность.

В политическом отношении предложения эсеров показали полное отсутствие реализма. Они связывали осуществление своей программы, как и прежде, с уничтожением «партийного террора и партийной диктатуры» и заменой ее демократическим строем⁵². М. Вишняк требовал от большевиков вслед за экономической уступкой уступки и капитуляции политической⁵³. Нелепо было побежденным предъявлять ультиматум победителям. Мы глубоко убеждены, что уход большевиков от власти мог привести не к демократии, а к правой реакции и кровавой расправе со всеми сторонниками Советской власти.

Партия эсеров никак не могла расстаться с изжившим себя лозунгом Учредительного собрания. Проф. Устрялов, бывший колчаковский министр, признал в 1921 г., что наилучшим вариантом для России было бы приспособление лидеров революции, то есть большевиков, к своему термидору (нэпу). Тогда этот процесс завершится «...наиболее удачно и с меньшими потрясениями, «путем власти»⁵⁴. Однако правые эсеры показали отсутствие политической гибкости. И прав был Л. Троцкий, говоря о Чернове и Керенском как представителях дореволюционной «жидкокровой и претензионной интеллигенции», горевшей желанием учить массы народа, «но совершенно неспособной прислушиваться к ним, понимать их и учиться у них»⁵⁵.

В 20-е гг. в правозероградской эмиграции существовало два течения. Для крайне правого (М. Вишняк и др.) было характерно полное отречение от социализма как общественного движения. Эсеры, группировавшиеся вокруг В. М. Чернова, стремились «улучшить» и «развить» народническое учение⁵⁶. Чернов написал последнюю свою теоретическую работу, опубликовав в Праге в 1925 г. книгу «Конструктивный социализм». Автор сводил счеты с марксизмом, признавая, с одной стороны, его научным социализмом, с другой,—объявляя его всего лишь слегка переработанным фурьеризмом. Чернов упрекал марксизм за то, что он не разработал учение о переходном периоде к социализму и о новом обществе в целом, ограничившись разработкой его общих принципов. Сам взялся восполнить этот пробел и переработать социализм научный

в социализм «конструктивный или организационный»⁵⁷.

«Конструктивность» нового социализма, по мнению Чернова, заключается в том, что социализм из теории перешел в практику, предвидения науки превращаются в осязательные картины действительности⁵⁸. «Чисто пролетарский, односторонне-городской социализм Запада», готовится превратиться в «социализм синтетический, интегральный»⁵⁹. Далее в книге делается заявка на соединение социализма народников с социализмом кооперативным и синдикализмом. Только такой социализм способен найти в своеобразии деревни «...новые формы органического перерождения крестьянского труда в обобществленный снизу, без помощи правительства, освобожденный труд, и гармонически связать его с жизнедеятельностью обновленной социализированной фабрики—только такой социализм примирит «Запад» с «Востоком», расширит арену Интернационала... до размеров нашего земного шара...»⁶⁰.

Большая часть книги содержит, правда, не изложение теории нового социализма, а критику «деструктивного социализма» большевиков периода гражданской войны. К слову сказать, в этой и других работах Чернова нет попыток обобщить практику эсероградских правительств 1918 г. Есть много справедливых замечаний в критике «военного коммунизма» как «азиатски-деспотического государственного капитализма», но и ощущается непонимание диалектики событий, встречается искажение ленинских мыслей путем односторонне подобранных или урезанных цитат. Главную ошибку Ленина Чернов видел в том, что он некритически перенес опыт регулирования военной экономики в Советскую Россию, заменив капиталистическое государство советской диктатурой. Чернов не хотел признавать «заслугу» большевиков в использовании «военного коммунизма» в обстановке гражданской войны.

Доказывая необходимость социализации предприятий и критикуя экономическую политику советского государства, национализацию предприятий, Чернов никак не высказывает отношения к идее Ленина использования многоукладности в экономике, негативно относится к практике государственного регулирования народного хозяйства, подавляющей «демократию снизу». Теоретик эсеров не сумел понять позитивную роль государства в экономике, какую оно сыграло в XX веке. Обвиняя марксистов в абсолютизации государства, он сам впа-

дал в другую крайность при этом, ставил задачу предусмотреть, как будет отмирать государство в пользу синдикатов и кооперативов⁶¹.

Полезная сторона книги Чернова—его планы кооперативного строительства. «Кто хочет вести социалистическую работу в деревне, кто хочет привлечь деревню к социализму, тот должен суметь головой войти в реальное хозяйственное строительство передовых слоев деревни—в их кооперативное строительство»,—писал он, подчеркивая необходимость выработки теории кооперации и сельскохозяйственной кооперации в особенности. Он ставит задачу развития кооперации во все более развитые формы и критикует социал-демократов (Э. Давида), которые будущее кооперации связывали не с производственными товариществами, а с товариществами производителей. Чернов считал крестьянскую общину кооперацией по распределению основного средства производства—земли. И от земледельческой общины через развиваемую ею «хозяйственную трудовую демократию» Русь придет, по его мнению, к единой Всероссийской земельной общине, разрешившей все проблемы социализма⁶².

Утопизм черновской концепции заключался в игнорировании социальных процессов в деревне. Хотя община приобрела после Октябрьской революции второе дыхание, а крестьянство осереднячилось, социальное расслоение деревни сохранилось. Чернов писал о стремлении эсеров сделать ставку не на бедноту и не середняка, как большевики, а на «передовика»⁶³. Это была ставка на зажиточного крестьянина и кулака, отторжение большой массы крестьян от кооперативного строительства ввиду их бедности и неимения денег для внесения паевых взносов в кооперативы. Усиление одного слоя крестьян за счет других, усиление классовых противоречий в деревне—неизбежные результаты такой политики.

В. М. Чернов в своей книге совсем не упоминает работу В. И. Ленина «О кооперации», опубликованную в мае 1923 г., не рассматривает ленинскую точку зрения на «строй цивилизованных кооператоров» и кооперативное строительство при власти, находящейся в руках рабочего класса, поддерживающей кооперативы, охватывающие основную массу крестьян, а не только «передовиков». А ведь это был новый «конструктивный» подход. Он давал возможность для позитивной работы кооператоров в деревне. Но эсеровские теоретики оказались в это время не у дел—за границей. Их теоретические

изыскания остались на бумаге. «Конструктивный социализм» оказался не нужным даже многим бывшим соратникам Чернова. М. Вишняк писал, что труд Чернова схематичен и более публицистичен, нежели научен. «Он мало оригинален, что в нем верно, то не ново; что ново—почти всегда неверно»⁶⁴.

Любые теоретические футурологические концепции будущего общества заключают в себе элементы утопизма. Вот почему основоположники марксизма осторожно писали о будущем обществе, избегая деталей. Проверяются прогнозы на практике. Если исходить из формулы «Социализм—это творчество масс», с которой были согласны и Ленин, и Чернов, то обязанность социалиста—участвовать в этом творчестве. Но правые эсеры, выступив против Советов, большинства народа, которое верило Советской власти, разжигая гражданскую войну, исключили себя из практики советского и социального строительства. Большевики использовали лучшее, что было в эсеровской программе и шло от жизни—социализацию земли, идеи кооперативного строительства. Правые эсеры, отказавшись от конструктивного сотрудничества с большевиками, потеряли возможность влиять на практику аграрных и иных преобразований в деревне, оторвались от своей социальной базы и погибли как политическая партия.

2. От аграрного социализма к сельскохозяйственному коммунизму

«Верные хранители учения, программы и требований социалистов-революционеров» (Т. 35. С. 152),—так охарактеризовал В. И. Ленин левых эсеров в декабре 1917 г. Левое крыло эсеров вобрало в себя молодых и активных членов партии—городских и сельских интеллигентов, офицеров военного времени, солдат, рабочих и крестьян. Лидерами ПЛСР стали молодые теоретики и решительные практики, бывшие до того в тени старых вождей. Осудив соглашательскую политику партии эсеров и разделив с большевиками власть, левые эсеры стремились воплотить в жизнь идеалы и программу ПСР, но вместе с тем теоретически осмыслить процессы, происходившие в стране и делали попытку модернизировать эсеровскую концепцию строительства нового общества.

Л. М. Спириин писал, что левые эсеры не признали Октябрьскую революцию социалистической, отрицали руководящую роль пролетариата и установление его диктатуры⁶⁵. Это

неточная оценка. Некоторые члены ПЛСР оценивали Октябрь как революцию социальную (М. Натансон, В. Трутовский, Д. Магеровский⁶⁶), другие как трудовую социалистическую (Б. Камков⁶⁷), но фактически они пришли к признанию социалистического характера Октябрьской революции, что выразилось в принятии ими Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа⁶⁸. Однако левые эсеры имели свои оценки революционного процесса в стране.

Раскол общества выразался прежде всего по отношению к Советам. Как отмечал Ленин, «принципиально все левые эсеры были за Советскую власть» (Т. 37. С. 307), но отрицали ее как диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. В канун Октября В. Карелин говорил о необходимости проведения «диктатуры революционной демократии»⁶⁹. I съезд ПЛСР в декабре 1917 г. исходил из эсеровской точки зрения о революционном «трудовом народе», как главной силе революции и подчеркивал, что он не должен разделять власть с другими классами. «Власть как в центре, так и на местах должна принадлежать трудовому народу»⁷⁰. Трудящиеся должны как в центре, так и на местах получить свою организацию в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также Советы служащих государственных и общественных служб, Советы торгово-промышленных служащих и Советы депутатов трудовой интеллигенции. Последние три совета являются классовой организацией и в управлении не участвуют⁷¹. В дальнейшем левые эсеры характеризовали Советскую республику как «режим диктатуры трудящихся», «трудовую демократию», подчеркивая необходимость трудового ценза для участия в политической жизни Советов. С. Мстиславский разъяснял, что в основе советской системы лежит не ценз бедности, а «ценз труда», предполагающий представительство всех видов труда без исключения⁷².

В таком подходе лежали традиционные представления левых народников о «трудовом народе» — опоре революционных преобразований. Отрицая руководящую роль рабочего класса, закрепленную первой советской конституцией, левозэсеровские лидеры настаивали на равных избирательных правах рабочих и крестьян.

Какие социальные слои представляли левые эсеры? Нам кажется верной точка зрения Л. М. Спирина, П. Н. Соболева, Н. П. Марченковой и других о том, что социальной базой левых эсеров являлось среднее крестьянство⁷³. Н. П.

Марченкова справедливо считает также, что колебания среднего крестьянства оказали влияние на политику и тактику партии, заставляя ее вождей искать дополнительную опору в широких слоях мелкой буржуазии, в части мелкобуржуазно настроенных рабочих и интеллигентов. В период триумфального шествия Советской власти эсеры приобрели дополнительную социальную опору в лице бедноты, малоземельного крестьянства и части рабочих, а в период углубления социалистической революции, качнувшись вправо, — в кулацко-зажиточных слоях крестьянства⁷⁴.

Левые эсеры отрицали марксистскую оценку двойственной природы крестьянина как труженика и собственника одновременно и социальных групп крестьянства. В. Трутовский писал в ряде статей, что осуществление социализации земли и запрещение наемного труда изменяет природу крестьянина. Если во Франции раздел земли сделал крестьянина мелким буржуа, то в России он — трудовой крестьянин⁷⁵. В 1918 г. левые эсеры не отстаивали тезис об однородности крестьян при небольшом слое кулаков. В. Трутовский признал, что до революции существовали три группы крестьян — богатей, средние крестьяне и бедняки. Но теперь, получив землю, скот и машины и устроив коммуны, утверждал он, выдавая желаемое за осуществленное, беднота превратилась в трудовых крестьян. В деревне противостоят теперь не беднота и кулачество, как главные противоборствующие силы, а трудовое крестьянство и кулачество⁷⁶. В дискуссиях о комбедах левые эсеры утверждали, что большевики делают ставку на никчемных крестьян, на «лодырей», считая трудового крестьянина мелким буржуем, записывают его в один лагерь с кулачеством.

Впрочем, среди левых эсеров не было единства в оценке крестьянства. На III съезде ПЛСР в июне 1918 г. делегат от елецкой организации Н. Рославлец заявила: «Трудовое крестьянство следует сдать в архив. ...Крестьянство следует разделять на 1) батраков и бедноту и 2) кулачество. Трудовой принцип несостоятелен...»⁷⁷. Позднее она писала, что, проглядев раскол крестьянства, левые эсеры неожиданно для себя поддержали кулачество, настроили среднее крестьянство и бедноту друг против друга и выпустили из своих рук организацию бедноты, толкнули большевиков на противоположную ошибку — организацию бедноты против среднего крестьянства. Левые эсеры заковались в своем упрямстве и окончательно

сдружились с кулаками, а большевики свою ошибку исправляют⁷⁸.

Уже после июльского мятежа М. Спиридоновой написал письмо «Михаил С.» из Лихославльского уезда (16 июля 1918 г.). Он сообщил, что чтит Спиридонову с 1906 г., «как святую». Но не согласен с ее утверждением, высказанным на V Всероссийском съезде Советов, что в деревне нет кулаков, а есть зажиточные труженики. Сам автор называет себя зажиточным крестьянином, сдавшим, видя голод, излишки хлеба. В письме приводятся многочисленные случаи спекуляции хлебом, называются фамилии тех, кто скармливает его скоту, варит пиво, но не сдает его государству. Автор заключает: «Если вы будете сожалеть о таких элементах, много нас, левых эсеров, перейдет к коммунистам»⁷⁹.

В концептуальном отношении левые социалисты-революционеры исходили из программы ПСР. I съезд левых эсеров в декабре 1917 г. рассмотрел вопросы организационной работы и тактики—об окончательном отколе от ПСР, текущий момент и тактика партии, об отношении к Советской власти и Учредительному собранию, об участии в СНК и другие. Принципиальные различия между правыми и левыми эсерами определялись в стратегии достижения поставленных целей—революционным или реформистским путем. И. З. Штейнберг, оценивая итоги первого съезда ПЛСР, писал: «Съезд не ставил своей целью и не гнался за новизной во что бы то ни стало: он скорее воссоздавал и возвращал на подобающее ей место добрую революционную «старину» партии»⁸⁰.

Это принципиальное различие между правыми и левыми эсерами касалось отношения к капиталистическому строю. Как говорил на I съезде ПЛСР А. Устинов, правые эсеры стремились сохранить старое, левые—его разрушить⁸¹. Левые эсеры, как и другие революционные партии, остро реагировали на ужасающие социальные контрасты общества, стремились скорее уничтожить социальное неравенство. Перефразируя слова В. М. Чернова о социализме, как «равенстве в нищете», В. Трутовский писал, что при капитализме получается «неравенство в нищете», и призывал к обобществлению производства «и в смысле увеличения производительности народного труда, и в смысле справедливого распределения богатства»⁸².

Левые эсеры сознавали, что первоочередной задачей является борьба с разрухой народного хозяйства, что непосред-

ственно «вводить» социализм нельзя. I съезд ПЛСР рассматривал как переходные ступени к социализму использование всех зародышей общественного хозяйства в виде монополий, муниципализации, кооперативизации производства, рабочий контроль над производством. Обобществление левые эсеры понимали не как национализацию, а как социализацию основных отраслей промышленности, т. е., в русле синдикалистских представлений⁸³.

На I съезде левых эсеров была поставлена задача выработать новую программу партии. В ее подготовку самый большой вклад внес В. Трутовский. Он писал о необходимости трех программ социализма: 1) программы переходного периода к социализму, который уже начался после Октября, 2) программы коллективистского социализма, 3) программы коммунистического социализма. Высшей ступенью социализма явится индивидуалистический коммунистический социализм. Отличие программы социалистов-революционеров, по мнению Трутовского, в ее индивидуалистичности. В ней принимается не только голый классовый принцип, а человек, как сложнейший организм с массой сторон⁸⁴.

В. Трутовский опубликовал ко II съезду ПЛСР брошюру «Переходный период». В ней он рассматривал ряд вопросов текущей политики и программу переходных мер. Трутовский, как и Ленин, считал, что в стране есть все необходимое для построения социализма, а процесс обобществления производства, который шел в годы мировой войны, подготовил формы, на которые можно будет опираться в процессе социалистического строительства. В России добывающая промышленность и сельское хозяйство останутся на долгое время основным занятием населения; аграрный социализм в виде социализации земли и коллективных форм хозяйства—ближайшее будущее страны. Аграрный социализм не отрицает, а создает предпосылки для индустриализации. В отличие от большинства левых эсеров и максималистов Трутовский считал социализацию промышленности делом отдаленного будущего; к ней надо идти постепенно через национализацию наиболее важных отраслей народного хозяйства, муниципализацию некоторых предприятий городами и селами и кооперативизацию ряда отраслей, идя от кооперирования потребления к кооперированию производств, особенно предметов массового потребления. Остальные предприятия останутся в руках частных лиц под контролем государства⁸⁵. В. Трутовский, таким

образом, по-своему пришел к идее многоукладности экономики, жаль, что его взгляды не стали взглядами всей ПЛСР. На II съезде ПЛСР были утверждены поправки к вводной части программы и к политической части программы, касающиеся оценок Февральской и Октябрьской революций, Советской власти, как органа трудового народа и свободной федерации советских республик. Съезд высказался за передачу исполнительной власти отделам ВЦИК с тем, чтобы после упразднения СНК ВЦИК сосредоточил в своих руках и законодательную и исполнительную власть⁸⁶. Резолюция по экономической программе определяла задачи партии в деле планомерного обобществления и устранения господства эксплуататоров. Намечались меры: планомерная экспроприация капиталистических классов, замена торговли потребительскими обществами, охватывающими все население и объединенными в единый союз, монополизация всей внешней торговли, национализация кредита, установление твердых цен на все главные товары. Для создания нового типа хозяйства намечалось принудительное трестирование предприятий с проведением в жизнь рабочего контроля над производством как переходной ступени к обобществлению производства и введению трудовой повинности. Программа намечала постепенную замену денежного обращения системой непосредственных расчетов между предприятиями и организацией товарообмена. В области распределения—выравнивание зарплаты и урегулирование распределения для неработающих членов семьи⁸⁷. Таким образом, направленность экономической программы левых эсеров была гораздо левее программы Ленина, выдвинутой в это же время, весной 1918 г., напоминала во многом экономическую часть программы РКП(б), принятой ее VIII съездом год спустя. В апреле же 1918 г. левые эсеры были близки к позиции левых коммунистов. Они не приняли предложения Ленина о преодолении уравниловки в оплате труда, его материального стимулирования, об единоначалии на производстве, об укреплении трудовой дисциплины, о преодолении мелкобуржуазной стихии. Левые эсеры рассматривали эти меры как «социальное отступление»⁸⁸. Левозероветская партия отражала интересы мелкого хозяйчика как социального типа, как верно отмечал Ленин, взбесившегося от ужасов войны, внезапного разорения, от мучений голода, противящегося контролю и в то же время мечтающего о быстром переходе к справедливому обществу

(Т. 36. С. 207—208). Наиболее активно отстаивали интересы мелкого собственника—середняка левые эсеры в продовольственном вопросе. Установление продовольственной диктатуры находилось в прямом противоречии с идеалом крестьянина—«свободный труд на свободной земле».

Эсеры развернули в мае 1918 г. истерическую кампанию против продовольственной диктатуры, а потом и комбедов. Эта политика несет раскол в деревню, больно бьет по трудовому крестьянству, продотряды грабят крестьян и т. д. Левые эсеры были за хлебную монополию, твердые цены на продовольственные товары, но брать хлеб у крестьян по твердым ценам они считали возможным тогда, когда будут монополизированы другие предметы потребления и проведена общегосударственная система твердых цен. Организацию товарообмена между городом и деревней они предлагали возложить на местные Советы. Но как быть, если город вследствие разрухи промышленности не может дать необходимое количество товаров, если кулаки, захватившие руководство многими Советами, противятся закупке хлеба по твердым ценам? На эти вопросы левые эсеры ответа не давали. 15 июня 1918 г. ЦК ПЛСР вместе с максималистами опубликовал заявление, в котором говорилось, что левые эсеры будут самым решительным образом бороться против мер, «ведущих к неестественному разделению трудового крестьянства»⁸⁹.

В вопросах земельной политики левые эсеры последовательно отстаивали социализацию земли, основу для которой заложил Декрет о земле. При выработке закона о социализации земли проявились различия в его трактовке между большевиками и левыми эсерами, а также и между различными группами левых эсеров. Но в конечном счете был найден вариант закона, приемлемый для той и другой партии.

Наиболее обстоятельно история разработки закона о социализации земли освещена В. В. Кабановым⁹⁰. Проект закона начал разрабатываться после объединения III Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов с III Всероссийским съездом крестьянских депутатов не ранее 14 января 1918 г., а вечером 17 января был обнародован на заключительном заседании съезда. Автором первого проекта закона был левый эсер И. А. Майоров, но обсуждали его и вносили поправки и левые эсеры, и большевики, поэтому закон можно считать продуктом коллективного творчества.

Проект закона в комиссии по его подготовке обсуждался постатейно. И. Майоров зачитал первый пункт: «Все виды частной собственности на землю в пределах Российской Советской Федеративной Республики отныне отменяются навсегда». А. Устинов выступил с поправкой об отмене всякой собственности на землю, в том числе государственной. Эта поправка была принята, но отклонена такая же поправка в отношении собственности на леса, воды и недра. Левые эсеры настаивали также на формулировке, что земля без всякого выкупа переходит «в использование всего трудового народа», стараясь отделить разницу между социализацией и национализацией земли, приблизить формулировку к лозунгу «земля народу». В. В. Кабанов отмечает, что отмена частной собственности на землю означает не ликвидацию собственности как таковой, а переход ее в руки государства. Таким образом, «социализация земли, поскольку она ограничивалась лишь понятием пользования (главным образом) и распоряжения землей, есть проявление одного из видов землепользования при национализации»⁹¹.

В этих формулах был найден компромисс между левыми эсерами и большевиками. Большевики получили фактически национализацию земли, облаченную в эсеровские термины. В конечном счете все определяется субъектом распоряжения землей. В статье 5 Закона о социализации земли распоряжение недрами, лесами и водами было закреплено за органами уездной, областной и федеральной власти, а по статье 9 распределение земли сельскохозяйственного значения передавалось тоже Советам—от сельских до общереспубликанского федерального, их земельным отделам, в зависимости от значения этих земель⁹².

В. В. Кабанов обращает внимание на то, что статья 17 закона передавала ренту в руки государства, а это, наряду с отменой частной собственности на землю, означает как раз национализацию земли⁹³. Он приводит слова В. И. Ленина: «Национализация есть передача всей земли в собственность государства. Собственность означает право на ренту и определение государственной властью правил владения и пользования землей» (Т. 16. С. 316). В книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин писал, что большевики помогли наиболее близким к пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства—левым эсерам про-

вести то, что называется национализацией земли (Т. 37. С. 326).

Среди лидеров ПЛСР не было единой точки зрения на перспективы социалистических преобразований в деревне. А. Колегаев, И. Майоров отдавали предпочтение развитию индивидуального хозяйства на основе уравнительного землепользования. В. Трутовский, М. Натансон, А. Устинов, М. Спиридонова выступали за развитие коллективных форм хозяйства, как и большевики. Поскольку первые два руководили наркоматом земледелия, они добились, при поддержке крестьянских депутатов, формулировки, отдававшей предпочтение развитию индивидуальных крестьянских хозяйств. Уже позднее в комиссии по редактированию закона по настоянию В. И. Ленина в статье 26 была резче подчеркнута целесообразность коллективного труда и недопустимость труда наемного⁹⁴. Статья 20 Закона определяла порядок наделения земель для занятия земледелием: сельскохозяйственные коммуны, сельскохозяйственные товарищества, сельские общества, отдельные семьи и лица⁹⁵.

Разработка и принятие закона о социализации земли свидетельствует о возможности найти компромиссное решение по принципиальному вопросу между социалистическими партиями, несмотря на различия в их идеологических воззрениях, но при наличии доброй воли и взаимном уважении. Таких тактически целесообразных компромиссов политических партий в годы гражданской войны было в России немного.

Осуществление передела земель весной 1918 г. выявило утопичность надежд на «поравнение» крестьян. Достичь полного равенства в пределах волости, уезда было трудно, а в пределах страны для этого пришлось бы переселить миллионы крестьянских семей. Это было нереальным делом. Разочаровался автор закона И. Майоров, который писал в брошюре «Практическое проведение социализации земли»: «Уравнительное распределение по потребительно-трудовой норме может только временно улучшить положение малоземельных и безземельных крестьян, может вызвать чувство нравственного удовлетворения социалистической интеллигенции, но никоим образом не приблизит нас к социализму. И если есть что важного в этой великой форме, это только отмена частной собственности на землю и замена ее трудовым землепользованием и вытекающая отсюда, как логическое следствие—экспроприация всех нетрудовых земледельческих хозяйств»⁹⁶.

И. Майоров призвал отказаться от распределения земли по абстрактной потребительно-трудовой норме, необходимой для «безбедного» существования семьи. Надо выяснять не потребности семьи, а потребности крестьянского хозяйства, писал автор, и устанавливать границы действия норм для этих хозяйств в каждом районе⁹⁷. Майоров призвал поощрять хозяйства, организованные на артельном и коммунистическом началах, поскольку русская община служит базой для рождения этих новых хозяйственных форм землепользования. «...Мы не только должны ускорить процесс замены современной общины трудовой артелью и коммунной, но заявить перед трудовыми массами, что эти две формы хозяйства наиболее выгодные как для самого земледельческого населения, так и для государства»⁹⁸.

Левые эсеры вынуждены были признать, как правильно отмечает М. В. Спирина, отнюдь не «социалистические» стремления крестьян и крах концепции аграрного социализма и уже на II съезде ПЛСР поставить вопрос о «сельскохозяйственном коммунизме»⁹⁹. Эту проблему они обсуждали и на своем последнем IV съезде в октябре 1918 г. С докладами по аграрной политике выступали И. Майоров и В. Трутовский. И. Майоров признал, что уравнительное землепользование, справедливое с этической точки зрения, сдерживает применение сельскохозяйственной техники, развитие производительных сил в сельском хозяйстве¹⁰⁰. В. Трутовский вторил ему: социализация земли—необходимый, уже пройденный этап, им нельзя ограничиваться, как думают правые эсеры. Надо найти безболезненный для крестьян путь перехода от социализации земли к коммунизму, связанный с обобществлением сельскохозяйственного труда, средств производства. Трутовский определил четыре фазиса и четыре пути этого обобществления. Первый: крестьянство обобщает некоторые отдельные процессы труда—обработку земли, уборку урожая, молотьбу, совместно использует средства производства. Сюда же относятся объединения крестьян по сбыту, потреблению и кредиту в кооперативы. Второй: из различных кооперативов создается единый универсальный кооператив. Третий: коммуны. Четвертый: соединение промышленности с земледелием как последняя стадия по стопам социалистическим¹⁰¹. Позитивным явлением в «сельскохозяйственном социализме» является стремление преодолеть одностороннее увлечение как большевиков, так и левых эсеров коммунами и ис-

пользовать в процессе обобществления сельскохозяйственного труда различные формы с переходом от простых к сложным. Эти положения были внесены в резолюцию IV съезда ПЛСР по аграрной политике.

Концепция «сельскохозяйственного социализма» развивается в большой статье «Социализация земли», сохранившаяся в фонде левых эсеров в бывшем архиве ЦПА ИМЛ (Статья входит в состав неопубликованного сборника статей, с предисловием В. Карелина от 3 января 1920 г. Автор не указан. Предположительно, это В. Трутовский). В статье социализация земли рассматривается вновь как переходная ступень к обобществлению производства. Ее торжество возможно будет лишь при международной революции, когда закон о социализации станет законом всех государств. В статье критикуется национализация земли и госкапитализм большевиков (строительство совхозов), говорится о живучести мелких крестьянских хозяйств. Обосновывается путь свободного движения к социалистическому строю с помощью сельскохозяйственной кооперации. «Потребительские кооперативы, сельскохозяйственные коммуны,—пишет автор,—вот социалистическая тенденция в эволюции сельского хозяйства, и указывая эту струю, мы должны целиком направлять ее теперь в сельскохозяйственное производство в целях скорейшего полного его обобществления»¹⁰².

Как мы видим, традиционное революционное нетерпение сказалось в стремлении ускорить в целом реалистический путь социалистического строительства в деревне. Влияние обстановки «военного коммунизма» ощущается в отрицании автором торгово-кредитного капитала в сельском хозяйстве, в призыве к национализации продуктов и централизации их распределения. Взамен предлагается автором обмен на началах свободной кооперации и уравнильный принцип в распределении произведенных продуктов¹⁰³.

Не смогли отказаться от уравнильного коммунизма левые эсеры и после начала нэпа, разойдясь в этом со средним крестьянством—своей опорой. Новая экономическая политика оказалась неприемлемой для интеллигентов, строящих свои умозрительные планы строительства социализма. Теоретики левых эсеров в один голос с максималистами оценили земельное законодательство Советской власти начала 20-х гг. как полное крушение социалистических и коммунистических ус-

ремлений русской революции¹⁰⁴, путь от коммунизма к капитализму¹⁰⁵. В 1927 г. левые эсеры утверждали, что нэп дал свободу «капиталистическим силам крестьянства», но большевикам не дано поработить дух Октября¹⁰⁶.

В 20-е гг. левые эсеры разрабатывали свои синдикалистские схемы функционирования народного хозяйства. О. Л. Чижиков предложил рассматривать социалистическое строительство как трансформацию существующего строя через социализацию, синдикализацию и кооперативизацию. Социализацию автор понимал как постепенную полную отмену индивидуальной, групповой и государственной собственности на землю, «живые силы природы», все средства производства, транспорт, спорт, музеи, театры и продукты умственного труда. Через постепенное кооперирование сельского хозяйства (потребительскую, сбытовую, кредитную и сельскохозяйственную кооперацию) и переход промышленных предприятий в руки работающих на них производителей Чижиков считал возможным прийти, в конечном счете, к «синдикально-кооперативной федерации», которая руководит производством и распределением продукции. Работники предприятия образуют первичное звено синдикальной федерации, они избирают местные или производственные советы, которые руководят предприятиями. Регулируют хозяйственную жизнь местные предприниматели и т. д. экономические советы, избираемые на съездах представителей производственных советов, кооперации и Советов рабочих и солдатских депутатов. Чижиков признал процессы производства и распределения равноправными сторонами «выявления единой творческой личности» и предложил отменить примат распределения над производством¹⁰⁷.

Выше мы высказали свое отношение к синдикализму. Что касается концепции «сельскохозяйственного коммунизма», то отметим, что она совершенствовалась левыми эсерами с учетом здравого смысла и не без влияния теоретиков буржуазной кооперации¹⁰⁸. В сторону кооперативного социализма эволюционировали и взгляды коммунистов. Однако сотрудничество в деле социалистического строительства РКП(б) и ПЛСР не получилось. Левозсеровская авантюра 6 июля привела к расколу партии, к постепенному вытеснению левых эсеров большевиками из советской системы, а террористическая деятельность левозсеровских «активистов» подорвала остатки доверия к прежним союзникам. Можно упрекать и большевиков, не проявивших в ряде случаев должной терпимости по

отношению к тем левым эсерам, которые осудили действия своего ЦК. Возможности соглашения двух партий не были использованы, хотя предпосылки для него имелись. Они вытекали из союза рабочих и крестьян, имевшего место в гражданской войне.

3. От аграрного социализма к «военному коммунизму»

«Через труд и борьбу—к коммунизму!» — такой лозунг выдвинула небольшая партия народников-коммунистов, бывших левых эсеров, существовавшая около полутора месяцев осенью 1918 г. А. Устинов, лидер другой новоявленной партии революционных коммунистов, говорил на учредительной конференции ПНК: «Нар. ком., насколько я понял, предвидят синтез народничества и марксизма, мы же полагаем, что народничество поглотит марксизм»¹⁰⁹. В. И. Ленин приветствовал появление партии, члены которой хотят называться «общинниками-коммунистами» или «народниками-коммунистами» (Т. 37. С. 36).

В литературе отмечалось, что эта партия возникла под влиянием нарождающегося «военного коммунизма», максималистов и левых коммунистов¹¹⁰. На наш взгляд, ПНК продолжала ультра-революционную традицию, всегда имевшую место в эсеровской, а затем и левозсеровской партиях. Поскольку «военный коммунизм» сложился окончательно в 1919 г., народники-коммунисты были его предтечей и проповедниками.

Один из будущих народников-коммунистов—Н. А. Полянский—опубликовал в конце июля 1918 г. статью «Коммунизм на деле (в цифрах для Советской России)», в которой заявил: «...Если война явилась матерью мирового голода, то голод явится отцом коммунизма». Полянский призвал решительно уничтожить товарно-денежные отношения и переходить к коммунистическому распределению всех ценностей как средств потребления, так и производства, в том числе рабочей силы (трудова повинность). Он предлагал распределять промышленные и продовольственные товары без денег в расчете на 1 час рабочего времени¹¹¹.

21 августа 1918 г. в газете «Знамя трудовой коммуны» появился Манифест и платформа народников-коммунистов, в котором было сделано заявление о соединении коммунистических и народнических учений. От народничества было взято два положения: развитие «творческой критической личности», ее полное освобождение как главную цель нового строя, для

чего необходима организация власти на началах самоуправления; объединение всех трудовых элементов в «братский союз пролетариата, трудового крестьянства и коммунистической интеллигенции». От коммунизма Манифест взял идею полного обобществления, объявив задачу объединения коммун в единый хозяйственный союз на основе общего плана хозяйства при их полной автономии.

В Манифесте были провозглашены сугубо военно-коммунистические принципы экономики общества: трудовая повинность, всеобщее и обязательное распределение трудящихся по трудовым и потребительским союзам; установление общей меры ценностей продуктов на один час работы; принятие общих норм распределения; монополия торговли через советские, общественные, потребительские, оптовые торговые организации с уничтожением розничной, а затем и всякой торговли; замена денежной оплаты труда бюджетно-потребительскими книжками и натуральным довольствием; замена финансового хозяйства учетом и распределением социализированных ценностей; социальное обеспечение всех нетрудоспособных и безработных; организация сельских и городских коммун с их хозяйством и самоуправлением.

Народники-коммунисты до оформления своей партии поддерживали аграрную и продовольственную политику Советской власти, призывали крестьян вступать в Красную Армию для ее защиты. Еще находясь в рядах ПЛСР, будущие члены ПНК агитировали однопартийцев участвовать в комбедах для ведения беспощадной борьбы с кулаками—врагами трудового крестьянства¹¹². «...Кулак является самым опасным врагом для коммунизации деревни»,—утверждал орган народников-коммунистов, указывая, что левые эсеры забыли свою обязанность расслоения деревни для того, чтобы трудовое крестьянство осознало себя как часть угнетенного класса и нашло своих классовых врагов в лице кулачества¹¹³. Народники-коммунисты рассматривали комбеды как временные организации для расслоения крестьян и обеспечения снабжения населения продуктами питания до создания классовых Советов в деревне¹¹⁴. Газета «Знамя трудовой коммуны» вела в то же время проповедь сельскохозяйственных коммун, используя, кстати, и авторитет М. Спиридоновой, призывавшей переходить от социализации земли к общине «как коммуне свободных, равных товарищей крестьян»¹¹⁵.

На первой Всероссийской конференции народников-коммунистов 21—24 сентября 1918 г. в принятой резолюции по текущему моменту говорилось о тяжелом положении страны, окруженной извне враждебной буржуазией и внутри «черно-бело-социал-предательской и кулацкой кликой», но и о подъеме пролетариата и революционного трудового крестьянства. Конференция поставила задачу сплотить рабочих, крестьян и интеллигенцию в один сильный класс «трудовых борцов-коммунистов за революцию». В деревне—проводить классовую борьбу, объединяя «трудовое революционное крестьянство» в «Совет трудовых коммунистов», опираясь на комитеты бедноты¹¹⁶.

Во главу экономической программы конференция поставила—ни много, ни мало—высший коммунистический принцип «от каждого по силам, каждому по потребностям». Были определены две ближайшие цели: «1) Осуществление коллективной формы хозяйства не только в области производства, но и в отношении распределения и потребления, стремясь к полному уничтожению денежных знаков и цен внутри коммуны, уничтожению всякой формы наемного труда и установления распределения на основе удовлетворения членов коммуны продуктами, как результатом общего труда и общих усилий всей коммуны в целом.

2) Организацию всех работников в трудовые производственные сельские и городские коммуны, объединяя их в союзы территориального характера и в единую федерацию коммун, как всеобщий союз...»¹¹⁷. Далее в экономическую программу был включен план текущей экономической политики, в основном повторяющий положения Манифеста и платформы народников-коммунистов от 21 августа 1918 г. Они дополнены народническим принципом синдикалистского характера: огосударствление профсоюзов, передача их управлению промышленностью, замена СНХ Всероссийским Советом Союзов. Влияние марксизма и отход от народничества ощущались в положении о том, что полная национализация промышленности при огосударствлении профсоюзов есть социализация, а не госкапитализм¹¹⁸, как утверждали правые и левые эсеры.

В тезисах о земельной политике, принятых конференцией народников-коммунистов, закон о социализации земли объявлялся основной базой для перехода к формам коммунистического хозяйства, уравнильное землепользование—первой практической ступенькой, с которой следовало идти к обще-

ственной обработке земли, отдавая предпочтение трудовому коммунистическому, а также артельному и кооперативному хозяйствам. Изживая две последние формы, говорилось в тезисах, необходимо перейти к сельскохозяйственной трудовой коммууне, которая даст практическое начало крупному коммунистическому земледельческому хозяйству. А трудовые земледельческие коммуны явятся опорой для социализации других отраслей промышленности, от которой будет осуществлен переход ко всеобщей коммунизации, к трудовому коммунизму¹¹⁹.

В политической области народники-коммунисты выступили с ревизией советской системы. Они высказались за переход законодательной власти к трудящимся, объединенным в сельские и городские коммуны, образующие Советскую коммунистическую федеративную республику. Органами ее становятся волостные, уездные, губернские, всероссийские съезды, а исполнительные бюро или комитеты — исполнительные бюро избираются на местах¹²⁰. Таким образом, как они полагали, будут созданы все условия для развития личности, причем народническая позиция ПНК вытекала из обоснования особой роли деревни, построения прежде всего сельского коммунизма». Но их концепция будущего коммунистического общества представляла собой фактически концепцию «военного коммунизма», более левую, чем концепция сельскохозяйственного коммунизма ПЛСР.

Сами народники-коммунисты заявляли о стремлении вовлечь крестьян в партию, поднимающуюся до понимания общетрудовых интересов, в отличие от революционных коммунистов, хотевших создать партию, основанную на крестьянстве, с нарочитым подчеркиванием его особых интересов, как класса¹²¹. Преуспели ли в этом народники-коммунисты? На учредительной конференции ПНК Г. Закс говорил, что ядром народников-коммунистов в Москве стала организация Преснинского района, состоящая из рабочих. Н. П. Клишевич сообщил, что в организации партии революционных социалистов (интернационалистов) Петрограда, решившей объединиться с народниками-коммунистами, насчитывается 2 тысячи человек¹²². В конце существования партии в ней насчитывалось 3 тысячи членов, получается, что на провинцию пришлось около 1 тысячи членов ПНК. Фракции ПНК были во

ВЦИК (7 человек), в исполкоме Моссовета, в Даниловском железнодорожном исполкоме и в Костромском губернском исполкоме, в уездных исполнительных комитетах Котельничском и Ковринском (Ковровском—?), в уездных Советах—Себежском, Острогжском, Нижне-Ломовском, Чухломском, Галичском, Рязском, и только в одном волостном исполкоме — Нижне-Добринском¹²³. Следовательно, в провинции народники-коммунисты жили и работали в основном в уездных и других городах. На крестьян ПНК могла влиять и через рабочих, связанных с деревней, но очевидно, что ее связи с деревней были слабы.

И. Ходоровский в «Правде» характеризовал партию народников-коммунистов как пережиток интеллигентской кружковщины, «борьбы за индивидуальность», желание группы интеллигентов сохранить свое лицо¹²⁴. Народники-коммунисты вышли из рядов партии левых эсеров. Последние защищали интересы крестьянства, и крестьяне шли за ними. Крестьяне получили землю, но после этого в деревне произошел раскол. Беднейшее крестьянство пошло за большевиками, а крестьянство собственническое уже не нуждалось в революционной фразеологии. И левые эсеры погибли как партия. Ходоровский указывал на тщетность попытки народников-коммунистов занять место левых эсеров в деревне. Народники-коммунисты могут, по его мнению, иметь успех среди отсталых рабочих, но рабочему классу с ними не по пути, ибо народнический индивидуализм ликвидирует смысл рабочего движения—коллективизм¹²⁵. Предвидение это сбылось. ПНК быстро сошла с политической арены, не имея социальной базы. В начале ноября 1918 г. народники-коммунисты приняли решение войти в состав РКП(б). Но надо иметь в виду, что их быстрому слиянию с большевиками способствовали усиливающиеся элементы военно-коммунистической политики в деятельности Советской власти, на почве которых и выросла платформа ПНК.

4. От аграрного коммунизма к интегральному социализму

После июльской авантюры ЦК ПЛСР группа левых эсеров заявила: «Партия крестьянства, отрываясь от партии пролетариата, совершила бы сознательную измену делу великой революции и привела бы оба класса к величайшим жертвам. Ни один член партии не может быть слеп перед этой угрозой истории»¹²⁶. На первом Всероссийском съезде партии револю-

ционного коммунизма в сентябре 1918 г. вновь прозвучала эта мысль. А. Биденко говорила, что борьба против партии коммунистов, силы, двигающей революцию, не может стоять на повестке дня. Левые эсеры, не подчинившись большинству в Советах, перестали существовать как партия. «В Советах мы должны вести самостоятельную политику постольку, поскольку мы не нарушаем постановлений съездов Советов»¹²⁷. Вся дальнейшая деятельность ПРК и выработка ею теоретической концепции шла под знаком лояльности к Советской власти.

В то же время преемники ПЛСР намеревались «выровнять» линию Советской власти в нужном им направлении. А. Устинов на учредительной конференции народников-коммунистов заявлял, как мы уже отмечали, что народничество поглощает марксизм. Ту же мысль он высказал на I съезде ПРК, указав, что большевики на практике становятся народниками в вопросах о социализации земли, о роли инициативного меньшинства, проводя диктатуру своей партии, в признании среднего крестьянства фактором социальной революции¹²⁸. Утверждение о влиянии народничества на марксизм в России было справедливым, но это влияние было опосредованным, через идеи, принимаемые крестьянством. Конечно, претензии небольшой группы неонародников победить марксизм не имели под собой реальной основы. Амбиции их были замечены, и видный деятель РКП(б) В. Мещеряков охарактеризовал их как «новый поход одной из сект, сложившихся из бывших левых с.-р.»¹²⁹.

Революционные коммунисты стремились отстоять первоначальную чистоту народнических принципов. А. Устинов критиковал, с одной стороны, большевиков за намерение сделать собственником земли государство, а с другой, — правых эсеров за проповедь общенародной собственности на землю. «...Земля поступает лишь в уравнильное пользование трудящихся на ней, оставаясь по существу ничьей до полного обобществления ее в мировом масштабе, — излагал Устинов трактовку революционных коммунистов, — когда с торжеством социализма можно будет сказать, что земля принадлежит трудящемуся на ней человечеству»¹³⁰.

Будущие члены ПРК начали пропаганду так называемого «аграрного коммунизма» еще до образования партии. М. В. Спирина пишет, что революционные коммунисты утвердили на первом своем съезде «аграрный социализм», а затем моди-

фицировали его в «аграрный коммунизм»¹³¹. Это неверно. Сторонники аграрного коммунизма использовали иногда термин «аграрный социализм», но предлагали сразу вводить коммунизм, выступая против переходных форм. А. Устинов накануне съезда ПРК объявил коммунизм высшей формой коллективизма, при котором действует принцип «каждому по потребностям из того, что произведено общими усилиями»¹³². Сущность сельскохозяйственной коммуны, по мнению Устинова, состоит из следующих моментов: общественная обработка пашни, общий уход за полями, общий сбор урожая и т. д.; общая сумма потребностей всех членов определяется заранее в пределах установленных норм, удовлетворяется общими усилиями; удовлетворение духовных и материальных потребностей коммунаров при работе по способностям; сельскохозяйственные продукты обмениваются коммуной на то, что ей не производится, но внутри коммуны нет ни «цен», ни денег. Теоретик ПРК далее критиковал коммуны, которые существуют только по имени, — артели, кооперативы на паях, акционерные общества, призывая бороться с вульгарным коммунизмом, через аграрный социализм идти к коммунизму¹³³.

А. Устинов выступил с докладом «Аграрный коммунизм» на I съезде ПРК. В нем утверждал, что «...деревня психологически и технически более подготовлена к коммунизму, чем город и промышленность»¹³⁴, отстаивая народническую точку зрения. По докладу Устинова съезд принял тезисы «Аграрный коммунизм». Они гласили, что победа Октябрьской революции создала возможность партиям революционного переворота приступить к обобществлению собственности, труда и всего хозяйства, «то есть к планомерной организации труда на всеобщую пользу», со ссылкой на программу ПСР, принятую в 1906 г.¹³⁵ В тезисах говорилось о необходимости последовательного проведения закона о социализации земли, ликвидации нетрудового хозяйства путем уравнильного распределения земли, живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря, запрещения наемного труда. На этой основе добиться обобществления не только земледельческого труда, но всего сельского хозяйства, «включая сюда и распределение сельскохозяйственных продуктов по принципу «каждому по потребностям»¹³⁶. Далее излагались принципы устройства сельскохозяйственной коммуны, те же, что и в вышеприведенной статье Устинова.

Тезисы содержали план общего коммунистического строи-

тельства. Коммуны будут увеличиваться в размерах, расти численно, образуя союзы коммун,—охватывая сетью всю территорию России, а потом и всю территорию союза коммун—волость, уезд и т. д. В процессе расширения коммун будут возникать смешанные коммуны с включением в них промышленных предприятий. Образуется союз сельских и городских коммун. По мере территориального роста коммун смешанного типа к союзам коммун будут переходить из рук центральной власти товарообмен, пока единая коммуна-государство не охватит весь хозяйственный аппарат в стране, монополизировав и внешний обмен. Так Россия через аграрный коммунизм перейдет к полному коммунизму¹³⁷.

М. В. Спирина противопоставляет концепции «аграрного коммунизма» А. Устинова путь общественных преобразований, предлагавшийся другим видным деятелем ПРК А. Колегаевым,—не в организации отдельных коммун, а в национализации всех продуктов на всей территории страны как индивидуальных хозяйств, так и коллективных. Поэтому у революционных коммунистов, как и у левых эсеров, не было единства по кардинальным вопросам¹³⁸. В данном случае автор допускает неточность. М. В. Спирина приводит высказывание Колегаева: «Уравнительность и в индивидуальном и в коммунальном хозяйстве представляет глубоко социалистический принцип»,—и напоминает, что Колегаев был в начале 1918 г. сторонником развития индивидуальных крестьянских хозяйств¹³⁹.

Однако предложения Колегаева не противостояли концепции Устинова, а дополняли ее. В его докладе на первом съезде ПРК «Наша политика в деревне» и в его резолюции с таким же названием, принятой съездом, говорится о необходимости строгой экономии, т. е. «безупречно налаженного аппарата **равномерного распределения**» для восстановления разрушенного народного хозяйства. Для восстановления сельского хозяйства необходимы были, по мнению Колегаева, меры:

1. Аграрный коммунизм.
2. Обобществление продуктов труда (хлеба), как единственная мера, способная довести до конца организацию товарообмена.
3. Снабжение крупными сельскохозяйственными машинами.

4. Социализация земли и обобществление сельскохозяйственных предприятий и промыслов.

5. Обобществление торговли и организация товарообмена¹⁴⁰. Таким образом, в тезисах на первом месте стоит аграрный коммунизм, а другие меры его дополняют. У лидеров ПРК было разделение тем для освещения в докладах, а в целом они предполагали распространение коммунистических отношений и на сферу сельского хозяйства, и на сферу обмена, и на сельскохозяйственные предприятия.

В резолюции Колегаева говорилось о политике выявления и обострения классовых противоречий в деревне с неизбежной при этом гражданской войной для осуществления социализации земли с отменой частной собственности и с потребительно-трудовой нормой землепользования как основы для коммунизации сельского хозяйства и организации социалистических коммун¹⁴¹. Как мы видим, у революционных коммунистов верх брала, как и в РКП(б) и в ПНК, военно-коммунистическая тенденция в определении путей социалистического строительства в деревне, проявляющаяся у партий с различной степенью реализма и фантазии.

По отношению к совхозам взгляды революционных коммунистов менялись. А. Колегаев утверждал, в отличие от правых и левых эсеров, что в совхозах нет наемного труда, как нет его в государственных учреждениях в городе. В государственных предприятиях есть приложение труда, а не наемный труд. Государство—не наниматель, потому что тогда вышло бы, что рабочий нанимает сам себя, как равноправный член нанимателя — государства. Коммуны и совхозы должны дополнять друг друга. В одних случаях должны быть организованы совхозы, в других коммуны. Их идентификацию Колегаев связывал с натурализацией зарплаты, государственным регулированием распределения продуктов города и деревни и с введением закона о национализации хлеба¹⁴².

После выхода Колегаева из ПРК (он, А. Биценко, М. Доброхотов и др. вступили в РКП(б) в ноябре 1918 г.) и в связи с чрезмерным увлечением большевиков совхозами в первые месяцы 1919 г., революционные коммунисты выступают с критикой большевиков, как и левые и правые эсеры. В. Андреев писал, что у крестьян земли не хватает, а большевики оставили ее для создания крупных хозяйств¹⁴³. А. Устинов сетовал на то, что социализация земли заменена большевиками национализацией, а с помощью совхозов при посредстве коммун

планируется и крестьянские земли вовлечь в общенародный фонд. На государственной земле хозяйство ведется наемным трудом. «...Сближение города и деревни мыслится ... как механическое превращение трудового крестьянина в батрака-пролетария на государственной земле»¹⁴⁴, — писал Устинов. Революционные коммунисты настаивали на сохранении социализации земли, которая является «мощным рычагом, толкающим трудовое земледельческое население в сторону общественной обработки полей, в сторону артельного и коммунистического хозяйства»¹⁴⁵. При этом революционные коммунисты не были против создания совхозов как образцово-показательных хозяйств, созданных на базе бывших культурно-справедливой. Критика со стороны ПРК была в этом плане выправили на VIII Всероссийской конференции РКП(б).

Революционные коммунисты критиковали издержки политики комбедов. А. Колегаев на I съезде ПРК осуждал Советскую власть за то, что она мало уделяла внимания комбедам, в результате чего во многие из них проникли кулаки. Это вызвало раскол в деревне и междоусобицу среди трудовых элементов. Но этот недостаток был устранен, по мнению Колегаева, разъяснениями Ленина и Цюрупы, по которым в состав комбедов вводилась «вся трудовая деревня»¹⁴⁶.

Однако в целом «комбедовскую» продовольственную политику революционные коммунисты не осуждали. Как говорил докладчик на I съезде ПРК по продовольственному вопросу Монастырский, ЦК левых эсеров проявил в этом вопросе догматизм, а большевики — революционность и отсутствие догматизма. Монастырский рекомендовал организовать принудительный товарообмен между городом и деревней для решения продовольственного вопроса¹⁴⁷. Эта мера, как и аграрный коммунизм ПРК, вписывалась в общую экономическую программу распределительного коммунизма, принятую партией.

В тезисах I съезда ПРК «Основы экономической политики» говорилось, что экономическая программа действий в сфере общественного производства должна привлечь внимание на вопросы общественной организации распределения. А в этих целях необходимо осуществить национализацию торговли и последнего оплота капитализма, натурализацию зарплаты и окончательную ликвидацию денежной системы обмена. Следует положить в основу и систему распределения принцип «права на существование», который дает «возможность уста-

новить материальное равенство и сохранить индивидуальную свободу, обеспечивающую дальнейшее совершенствование личности»¹⁴⁸. Таким образом, концепция ПРК приобрела законченный военно-коммунистический вид, ставя на первое место вопросы распределения и игнорируя производительную сторону экономики.

Революционные коммунисты, стремясь противопоставить большевизму авторитетное учение, в то же время сохранить народнические принципы, попытались разработать концепцию так называемого «интегрального социализма». Внимательное изучение его показывает, что это не что иное как попытка приспособить старые народнические принципы к ситуации «военного коммунизма».

Главным теоретиком и пропагандистом интегрального социализма был А. Устинов. Впервые в систематизированном виде его концепцию изложила в статье «Интегральный социализм» Е. Семеновская (Воля труда. 1918. 1 декабря). Эпиграфом к статье она привела слова Н. К. Михайловского: «Верховной целью и основной этической идеей социализма является законченное развитие человеческой личности»; «Сущность прогресса определяется стремлением человечества к осуществлению на земле правды-истины и правды-справедливости».

В статье содержалось традиционное несправедливое обвинение марксизма в том, что он заботится только об экономическом освобождении рабочего класса, оставляя создание идеального общества до завершения переходного периода. А в переходный период существует диктатура пролетариата при максимальном использовании мелкобуржуазных слоев. Бунтарская сторона личности в это время будет частным явлением, подавляясь марксистским «мещанским» социализмом.

Сторонники интегрального социализма имеют своим идеалом «правду-истину» и «правду-справедливость», которая зажигает их ненависть к угнетателям и поднимает на борьбу, что говорит о высших запросах духа и мысли. Экономическое освобождение не исчерпывает сущности прогресса, за победой труда над капиталом следует борьба личностей, составляющих угнетенный класс, за свое духовное освобождение, в процессе которой и формируется творческая, гармоническая личность.

Эта борьба — наикратчайший путь достижения социализма. Но в него должны быть включены все категории труда-

щихся—от трудового земледельца и пролетария до интеллигента. Следовательно, в переходное время должна быть не диктатура пролетариата, а диктатура всего класса трудящихся, не «использование» земледельца, а сотрудничество с ним. Когда весь трудовой класс будет строителем социализма, вся сумма запросов личности выступит на сцену, тогда и социализм будет не только экономической, но и этической формой и создаст условия для развития каждой личности во всей ее сложности и полноте. В итоге и утвердится «правдистина» и «правда-справедливость». Таков ход рассуждений Семеновской.

В таком же духе делал доклад об интегральном социализме на II съезде ПРК в начале декабря 1918 г. А. Устинов. Марксизм, проводя централизм в организации власти и народного хозяйства, говорил Устинов, на деле сохраняет капиталистические формы хозяйства, передавая распределительные функции новой государственной власти¹⁴⁹. Съезд ПРК в резолюции о роли интегрального социализма в международной революции призвал руководствоваться интегральным пониманием социализма, который ставит себе задачей раскрепощение земли, орудий производства, труда и личности от оков капитализма¹⁵⁰.

В духе интегрального социализма выступал с докладом «К построению нашей экономической программы» на II съезде ПРК А. Зитта. Доклад был основан на прежних принципах бестоварного распределительного коммунизма. Зитта говорил, что обобществление в форме строгой государственной централизации ведет к усилению бюрократизма. Но и захват группами рабочих отдельных отраслей производства должен быть признан вредным, так как расходится с принципом социализма общественной организации труда, планомерного управления, вносит анархию, конкуренцию между рабочими, грозит дезорганизацией производства. Выход Зитта видел в системе «федералистского социализма», при котором сохраняется подчиненное положение и общий план народного хозяйства. За государством надо оставить регулиющую и контролирующую власть, а все остальное передать в руки федераций, как крупных, объединяющих общины, так и мелких, объединяющих незначительные группы населения¹⁵¹.

А. Устинов, дополняя после съезда «федералистскую схему» синдикалистской, предлагал формировать местные советы народного хозяйства из представителей трудовых едино-

личных хозяйств, артелей, промыслов, ремесел, обобществленных торгово-промышленных предприятий, а высший СНХ—из представителей избранных на всероссийских съездах союзов трудовых земледельцев, союза трудовых артелей и коммун, кооперативов, кустарей, рабочих различных отраслей и т. д. ВСНХ выделяет учетно-статистический отдел, который разрабатывает общий план производства и распределения¹⁵². Подобные предложения были абсолютно неприемлемы во время гражданской войны, хотя имели право на будущее.

Зитта предлагал также ввести трудовую повинность, осуществлять уравнильное распределение «по потребностям», применительно к полу, возрасту, состоянию здоровья и другим естественным особенностям людей¹⁵³. Последние предложения были более реальны в годы гражданской войны, особенно уравнильное распределение и трудовая повинность, но никак не сочетались со свободой личности, провозглашаемой интегральным социализмом.

Революционные коммунисты признали правильными декреты о натуральном и чрезвычайном денежном налогах, как наносящих удар по городской и сельской буржуазии¹⁵⁴. II съезд ПРК одобрил, с небольшими оговорками, продовольственную политику Советской власти¹⁵⁵. В целом же к концу 1918 г. партия приняла уравнильный, потребительский коммунизм, облекая его с помощью народнической фразеологии в туманное понятие «интегрального социализма». Он нашел свое выражение в популярной программе партии в изложении Н. Ковальской и утвержденной в апреле 1919 г. на III съезде ПРК. На IV съезде партии была принята в октябре 1919 г. ее официальная программа¹⁵⁶.

В 1919—1920 гг. революционные коммунисты больше занимались политическими вопросами, принципиальных изменений в свои теоретические воззрения не внесли. Партия прошла через раскол, осенью 1919 г. от нее отошла группа А. Зитта и Н. Семеновской, ориентированная на оппозицию к Советской власти. Влияние ПРК в крестьянстве, и без того небольшое, уменьшается. Численность партии упала с 4300 членов в 1918 г. до 1625 в сентябре 1920 г.¹⁵⁷

Ситуация заставляла революционных коммунистов все более сближаться с РПК(б). V съезд ПРК в апреле 1920 г. признал необходимыми для тех конкретных условий милитаризацию труда, трудовые армии и другие хозяйственные мероприятия Советской власти. На съезде вновь зашла речь о

понимании революционными коммунистами Советской власти как трудовой, а не пролетарской демократии. Но в то же время ПРК выразила готовность примириться с недостатками существовавшей власти, если бы осуществляемый диктатурой пролетариата государственный социализм утвердился и через власть трудящихся взял на себя утверждение коммунизма как высшей формы общественности. Задачей ПРК в таком случае было бы не углублять разрыв между различными категориями трудящихся, а указывать пролетариату на опасность этого разрыва, «стараясь примирить крестьянство со сложившейся формой диктатуры пролетариата, разъясняя ему прогрессивную сущность той формы общественности, какой может стать в случае своего закрепления демократия»¹⁵⁸.

В 1920 г. теоретики партии А. Устинов и П. Сапожников развивали в своих статьях положения, идущие от первоначального народничества навстречу марксизму. Они пришли к признанию пролетарского характера Октябрьской революции, ее социалистического содержания, роли рабочего класса как гегемона революции, пролетарского характера советского государства, что вело к принятию диктатуры пролетариата как переходного типа на пути к государству трудящихся¹⁵⁹. Все это надо признать как теоретическую несостоятельность народничества, его неспособность в эпоху революции и гражданской войны выработать свою собственную концепцию социализма и как сближение его с большевизмом.

Член ЦК ПРК К. Шнуровский в заявлении своем о выходе из партии от 11 августа 1920 г. признал: «Хотя вся наша критика политики большевиков мне казалась безусловно правильной, у меня все же не было уверенности, что мы на их месте сделали бы лучше, что к ошибкам большевиков мы смогли бы внести практические коррективы»¹⁶⁰. Сглаживание всех углов между ПРК и РКП(б) привело к постепенному обезличиванию партии, писал Шнуровский, поэтому нет уже оправдания ее существованию¹⁶¹.

В связи с принятым II конгрессом Коминтерна положением о том, что в каждой стране должна существовать одна коммунистическая партия, ЦК ПРК принял решение о слиянии с РКП(б). VI съезд ПРК (21—22 сентября 1920 г.) подтвердил это решение. Съезд поручил избранному Политбюро (Устинов, Сапожников, Решетов) провести в месячный срок принятую съездом резолюцию о слиянии с Российской коммунистической партией¹⁶². А. Устинов говорил на IX конференции

РКП(б), что революционные коммунисты пошли на слияние с большевиками «с тем настроением, которое созрело в умах и сердцах наших товарищей»¹⁶³.

* * *

Обзор концепций социализма неонароднических партий дает основание для вывода о теоретиках неонародничества как искренних социалистах. В. И. Ленин говорил в январе 1918 г.: «Стало очевидным, что есть здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство в его трудовой части присоединить к великому социалистическому движению рабочих» (Т. 35. С. 263). Эту оценку можно использовать не только по отношению к левым эсерам, но и ко всему неонародническому, крестьянскому социализму. Наиболее жизненными в народничестве были идеи кооперативного социализма, воспринятые В. И. Лениным и рекомендованные им РКП(б) для реализации на практике.

Слабым местом неонароднической теории был социальный анализ развития деревни, в которой шел процесс раскрестьянивания и дифференциации крестьянства. Этот процесс народники оставляли вне сферы своего внимания ввиду догматических представлений о «едином» крестьянстве. Догматизм неонародников помешал им реалистически строить политику в период революционных перемен.

Раскол ПСР на реформистское и революционное крыло был обусловлен колебаниями ее мелкобуржуазной базы и противоречиями между различными группами крестьян, обострившимися во время революции. Правые эсеры, развивая положения кооперативного социализма и синдикалистские схемы народного хозяйства, высказывали многие разумные предложения о путях социалистического преобразования общества, но без учета реальной обстановки, неприменимые во время гражданской войны. Левые эсеры способствовали реализации главного пункта программы ПСР—социализации земли на практике, но в дальнейшем встали на ультрареволюционные, даже более левые, чем большевики, позиции и в политике и в теоретических разработках концепции социализма. Партии народников-коммунистов и революционного коммунизма исходили уже из военно-коммунистических представлений о методах построения нового общества, сложившихся в обстановке гражданской войны.

В политике и концепциях неонароднических партий проявлялась прямо или косвенно выраженная связь с определенными слоями крестьян. Правые эсеры, например, в разработке концепции кооперативного социализма, несомненно, исходили из интересов зажиточных крестьян, составляющих базу для развития кредитной и снабженческо-сбытовой кооперации накануне и особенно в годы мировой войны. В концепциях левых народников проявились характерные для мелкой буржуазии в революционный период упрощенные представления о путях построения социализма, забегание вперед.

Альтернативой могли стать конструктивные дискуссии неонародников всех направлений и большевиков по вопросам общественных преобразований на основе практического участия всех партий в советском строительстве и социальных экспериментах для общего поиска наиболее рациональных и приемлемых для крестьянства и общества путей достижения нового справедливого общества. Но по вине всех партий такой процесс оказался невозможным. Это привело к победе одной партии с соответствующими последствиями. Современные левые партии социалистической ориентации России должны извлечь для себя урок из истории идеологических дискуссий социалистов периода гражданской войны.

Глава II

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛИЗМА

1. К постановке проблемы

В годы перестройки началось новое прочтение произведений В. И. Ленина и его соратников. Исследователи пытались осмыслить прежде всего ленинскую, но можно сказать шире, большевистскую концепцию социализма для того, чтобы извлечь исторические уроки и выявить пути совершенствования социалистического общества. Выяснились представления большевиков о социализме, путях, средствах и методах его построения. Большинство обществоведов подчеркивало объективную обусловленность пути, которым провели большевики страну в период Октябрьской революции и гражданской войны, отмечая и элементы утопизма, выразившиеся в политике «военного коммунизма», перемену взглядов В. И. Ленина, Н. И. Бухарина и других большевиков на социализм в 20-е гг. при активном сопротивлении новому пониманию социализма и методов его созидания другой части РКП(б)¹. Выявлялись возможные альтернативы «военному коммунизму»².

Появились работы, главным образом публицистические статьи, в которых авторы, не затрудняя себя, как правило, глубокими исследованиями исторической обстановки, произведений Ленина и его соратников, объявили марксизм утопией, а деятельность большевиков как террор против собственного народа. Одним из пионеров был писатель В. Солоухин, который в памфлете «Читая Ленина», утверждал, что большевики специально организовали в России голод для того, чтобы объявить борьбу за хлеб, посадить людей на карточную систему и жестко привязать к государству, превратив все население в единый послушный механизм³. Работа В. Солоухина подверглась уничтожающей профессиональной критике⁴, но

число желающих пройтись в «кроссовках по истории»⁵ увеличилось ввиду конъюнктуры текущего момента.

Заявкой на философское опровержение марксизма стала работа А. С. Ципко «Хороши ли наши принципы?»⁶. Автор высоко оценил «исследование» В. Солоухина о Ленине, как правдивое произведение, открывающее нам вождя с новой стороны⁷. Сам Ципко использует метод Солоухина усечения и извращения цитат классиков марксизма. В литературе уже отмечалось, как Ципко произвольно трактует произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, придавая их высказываниям противоположный смысл⁸. Также он поступает с цитатами Ленина. Дополняя Солоухина, Ципко пишет о том, что большевики «во имя идей» не допускали во время гражданской войны в город мешочников с хлебом для умирающего от голода населения и препятствовали развитию личных подсобных хозяйств. В подтверждение—в сноске под текстом—цитирует Ленина, защищавшего закон, согласно которому «никто из рабочих и служащих не имеет права заводить в хозяйствах собственных животных, птиц и огороды... А если снова завести отдельные огороды, отдельных животных, птиц и т. д., то, пожалуй, все вернется к мелкому хозяйству, как было и до сих пор. В таком случае, стоит ли и огород городить? Стоит ли устраивать советское хозяйство?» (Т. 38. С. 27—28)⁹. Эта цитата из ответов В. И. Ленина на записки на заседании I съезда сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии 13 марта 1919 г. Во-первых, здесь речь идет о советских хозяйствах в деревне, а в подаче Ципко выглядит, что речь идет о всей стране. Во-вторых, Ленин на этом заседании говорил, что надо рабочим совхозов научиться жить по-новому, общим трудом, но тут же и отмечал, что если рабочие Петроградской губернии просят сделать для них исключение, то можно, по ряду условий, пойти им навстречу (Т. 38. С. 28—30), о чем Ципко умалчивает. В-третьих, всякий, занимающийся историей гражданской войны, знает, что повсеместно советские органы выделяли рабочим и служащим пустующую землю под огороды, а предприятиям передавали бывшие имения для организации подсобных хозяйств.

Когда А. С. Ципко утверждает, что В. И. Ленин выдвинул идею многоукладности экономики и экономического вытеснения частного хозяйства впервые только во время нэпа и что весной 1918 г. идею обобществления хозяйства не связывал с развитием экономических стимулов к труду¹⁰, остается толь-

ко отослать читателя к работам Ленина «Очередные задачи Советской власти» и «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» для того, чтобы он убедился в обратном. Ципко пытается напрямую связать Сталина с Лениным и утверждает, что Сталин проводил установку Ленина весны 1918 г. на ускоренное обобществление¹¹, что само по себе ложь, ибо Ленин в это время призывал остановить «красногвардейскую атаку на капитал». Ципко обходит всем известный факт о том, что Ленин отстаивал в последние годы своей жизни принципы нэпа, а не «военный коммунизм». Необходимо критическое отношение к марксизму, как и к любому другому учению, но полагаем, что критерием объективности анализа является, как минимум, добросовестное цитирование источников.

В последние годы ряд авторов по-новому поставил проблему взаимодействия марксизма и народничества в России. В 1989 г. Р. В. Филиппов выдвинул положение о влиянии народничества, «русского крестьянского социализма» на ленинизм и практику коммунистической партии, изменение в связи с этим коренной точки зрения на социализм¹². В. Ф. Антонов, наоборот, отрицает восприятие Лениным позитивных идей народничества и заявляет о двух ошибках его в отношении к марксизму: «Он совершил волюнтаристскую революцию в стране неразвитого капитализма и после стал следовать догмам марксистской футурологии. Но поскольку революция стала фактом, альтернативой марксизму могло быть лишь учение о социализме, выработанное народническими теоретиками федералистами, которым Ленин пренебрег как реакционным»¹³.

С. Агаев говорит о тесном взаимодействии народничества и марксизма в ходе революционного процесса в России и ставит вопрос об исследовании большевизма как новой ступени народнического социализма, поставившего Россию в результате Октябрьской революции на путь некапиталистического развития как особого пути освоения индустриально-технических достижений капитализма¹⁴.

Профессор Г. Куницын заявил о некритическом переносе марксизма на русскую почву Г. В. Плехановым, утаившем письмо К. Маркса В. Засулич от 8 марта 1881 г. об особенностях развития России и необходимости защиты русской крестьянской общины. Ленин же сам пришел к правильным решениям в 1917 г., изучив 242 крестьянских наказа, а в 1923 г. полностью перешел на позиции Маркса в отношении общины

и производственной кооперации, но это он находил все сам. Если бы русские марксисты своевременно ознакомились с письмом Маркса, то какие-то процессы стали бы менее драматичными, и постепенно это вошло бы в ту программу, которая стала осознанной для общества¹⁵. Г. Куницын не берет во внимание предисловие К. Маркса и Ф. Энгельса ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» от 21 января 1881 г., в котором ставится вопрос: «может ли русская община, правда сильно уже разрушенная форма первобытного владения землей, непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму владения?» и дается ответ: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»¹⁶. Ленин не мог не знать эту оценку русской общины, но делал свои выводы на основе самостоятельного анализа.

2. Истоки концепции: «шаги к социализму»

До 1917 г. В. И. Ленин не рассматривал конкретно вопросы социалистического строительства. Накануне Октября в работах «Государство и революция», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие» и др. он сформулировал некоторые общие принципы строительства нового общества в переходный от капитализма к социализму период. «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности,—писал Ленин.—Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет **опыт миллионов**, когда они возьмутся за дело» (Т. 34. С. 116).

Ленин обосновывал необходимость социалистической революции, слома старого государственного аппарата, установления диктатуры пролетариата по типу Парижской Коммуны, в форме Советов рабочих и крестьянских депутатов. С экономической стороны он отстаивал государственный социализм, считая необходимым «экспроприацию капиталистов, превращение **всех** граждан в служащих **одного** крупного «синдиката», именно государства, и полное подчинение всей работы этого синдиката государству действительно демократическо-

му, государству Советов рабочих и солдатских депутатов» (Т. 33. С. 97).

В. И. Ленин считал, что империалистическая война подготовила более высокие формы обобществления, чем прежде (государственно-монополистический капитализм, государственное регулирование экономики), которые при революционно-демократическом правительстве означают «шаг и шаги» к социализму. Эти формы могут быть использованы в социалистическом строительстве. «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, **обращенная на пользу всего народа** и постольку **переставшая** быть капиталистической монополией» (Т. 34. С. 192). Вот почему Ленин писал, что «социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма» (Т. 34. С. 193).

Эсеры, ранее считавшие необходимыми социалистические преобразования в деревне наряду с капиталистическим развитием города после победы демократии, в 1917 г. вместе с меньшевиками стали доказывать неподготовленность России с экономической и культурной стороны к социализму. Ленин отмечал, что никто не может знать, какой уровень культуры необходим для перехода к социализму. Он считал догматическим утверждение меньшевиков о необходимости для России повторить капиталистический путь Западной Европы. Меньшевики не учитывали особенности России, как страны, стоящей на границе стран цивилизованных и стран Востока, втягиваемых в цивилизацию. Народ не мог не броситься в такую борьбу, писал Ленин, которая хоть какие-либо шансы открыла ему на завоевание условий для дальнейшего роста цивилизации. Эти предпосылки, позволяющие поднять культуру до уровня, необходимого для социализма, он связывал с установлением рабоче-крестьянской власти (Т. 45. С. 378—381).

Напомним, что В. И. Ленин предлагал в марте-июне и в сентябре 1917 г. осуществлять шаги к социализму мирным путем через Советы, еще как органы революционно-демократической власти. Трагедия России предопределялась тем обстоятельством, что эсеро-меньшевистское большинство Советов упорно отказывалось осуществить требование масс и большевиков—взять власть в руки Советов, создать советское правительство, на участие в котором большевики не претендовали. Мелкобуржуазные политики не пошли на этот шаг, на осуществление программы «военного социализма» и других

назревших преобразований, поставив страну на грань национальной катастрофы.

В. И. Ленин выдвинул в это время программу мер государственного регулирования экономики: национализацию банков и синдикатов—крупнейших монополистических союзов капиталистов; отмену коммерческой тайны; принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрения такого объединения и контроль за ним (Т. 34. С. 161). Эти меры демократического характера могло бы провести и Временное правительство, но оно не посмело предпринять решительные шаги. Выход был один, по мнению Ленина,—переход власти в руки пролетариата и беднейших крестьян.

Аграрная программа большевиков (конфискация помещичьих и других некрестьянских земель, национализация всей земли, переход ее в руки крестьянских комитетов или крестьянских Советов, создание из каждого крупного хозяйства на имеющего свыше 300 десятин земли, образцовых хозяйств на общественный счет, отдельная и самостоятельная организация сельскохозяйственного пролетариата), изложенная в Апрельских тезисах Ленина, привлекала крестьян прежде всего лозунгом организованного захвата крестьянами помещичьей земли. Большевики не предопределяли форму крестьянского землепользования. Ленин еще во время первой русской революции высказывал недоверие к народническим проектам аграрных реформ, считая, что жизнь, классовая борьба подскажут правильное решение. Победившее крестьянство само определит наилучшим образом формы землепользования (Т. 13. С. 125).

После публикации 242 крестьянских наказов, доставленных крестьянами и солдатами на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов в мае 1917 г., эсеровских по духу, В. И. Ленин предложил принять их для осуществления в ходе пролетарской революции. В том числе и требование уравнильного землепользования, против которого ранее возражали большевики.

Обратимся в связи с этим к дискуссии о влиянии народничества на марксизм. В споре Р. В. Филиппова и В. Ф. Антонова на эту тему прав первый. Ленин неоднократно воспринимал идеи народничества и проводил их в жизнь, но тогда, когда ощущал, что они идут от крестьянства. По нашему мнению, как марксизм оплодотворял народничество, так и народничество оплодотворяло российский марксизм. И Филип-

пов, и Антонов пишут о том, что В. И. Ленин оценивал народническую доктрину до 1917 г. как «реакционную и несоциалистическую», но игнорируют ленинскую оценку народничества как течения крестьянской демократии, с которым пролетарская партия должна искать соглашение.

Ленин отмечал, что народники, провозглашая уравнильность землепользования и общину, призывают, по сути, к осуществлению демократических мер, но и здесь нет «ни грана социализма», это есть «прекраснодушная фраза» буржуазной крестьянской демократии (Т. 21. С. 258). Ленин осуждал эсеров за камуфлирование демократизма социалистической фразой, за стремление закрепить архаические формы (крестьянская община, уравнильное землепользование), считая, что они будут препятствовать свободному развитию капиталистических отношений в деревне после победы буржуазной революции. Но он приветствовал стремление крестьян к уравнительности как формулировку революционных стремлений их к «равенству» с помещиками, к уничтожению помещичьего землевладения (Т. 21. С. 258). Ленин писал, что рабочий демократ заинтересован в последовательном демократизме народников, в их систематической работе «среди масс точно определенного социального слоя» (Т. 22. С. 308), но разоблачал утопичность намерения неонародников заложить основы социализма в деревне при господстве капитализма в обществе в целом.

Февральская революция не решила аграрный вопрос. И Ленин показал, что требования крестьян о безвозмездной отмене частной собственности на землю всех видов, о передаче государству или общинам земельных участков с высококультурными хозяйствами, о конфискации всего живого и мертвого инвентаря имений с передачей его государству или общинам, о недопустимости наемного труда, об уравнильном землепользовании и т. д. невозможно осуществить без свержения господства класса капиталистов и перехода власти в руки пролетариата. В то же время ряд мер, выдвигаемых крестьянами (передача государству или общинам высококультурных хозяйств, запрещение наемного труда)—несомненные шаги к социализму (Т. 34. С. 109—112). «Старые формулы наполнились новым содержанием» (Т. 34. С. 114),—так определил Ленин диалектику взаимного влияния теории и жизни. Идеи, утопичные в одно время, могут быть реализованы в другое. Это стали осознавать левые эсеры, которые пошли

на блок с большевиками в Октябрьской революции и вошли в Советское правительство.

Об Октябрьской революции идет острая дискуссия. Советские историки писали об объективных и субъективных предпосылках Октября, доказывая неотвратимость его. Но и Н. А. Бердяев утверждал: «Революция есть рок истории, неотвратимая судьба исторического существования»¹⁷. Бердяев в разное время проводил мысль о том, что до революции довели общество господствующие классы, не желая устранить болезнь и гниль в обществе, а русская интеллигенция внесла вклад в это дело своей многолетней революционной пропагандой¹⁸. Примерно так же рассуждал другой философ—С. Л. Франк¹⁹. Ответственность за Октябрьскую революцию несут и эсеры и меньшевики, как мы выше отмечали. Они попустительствовали правой реакции, предпринявшей две попытки контрреволюционного переворота в июле и августе 1917 г., оттолкнувшие окончательно от демократии измученные войной, голодом и разрухой массы трудящихся и левые политические партии. «В России так и не оказалось демократической «третьей силы», способной сменить самодержавную монархию и одновременно противостоять вулгарной политике большевистского разрушительства»²⁰,—констатирует А. Н. Яковлев. С оценкой большевистской политики мы не согласны. Большевики требовали последовательного осуществления демократических преобразований в экономике и окончания войны, т. е. мер, которые обещали провести в жизнь и мелкобуржуазные партии—«третья сила» революции.

Л. Д. Троцкий говорил 18 октября 1917 г. о господстве в стране двух сил—сознательного организованного рабочего класса и организованной буржуазии. Соглашательство уже было невозможно, надвигалась гражданская война. И если бы революционные партии устранились, то правые силы все равно оказали бы натиск на революционные массы. И в этом случае гражданская война, по мысли Троцкого, велась бы со стороны пролетариата в неорганизованной форме, к наибольшей выгоде имущих классов. Судьбу революции, предсказывал Троцкий, решит крестьянство. К кому оно присоединится, тот и будет победителем²¹. Развитие событий в России привело к тому, что накануне Октября и в годы гражданской войны альтернативой Советской власти была правая реакция. Она несла отнюдь не демократию, а белый террор и реставрацию дофевральской общественной системы, в том числе

восстановление помещичьего землевладения. Возврата к старому рабочие и крестьяне не желали. Поэтому правые силы не могли победить. Если бы правые эсеры и меньшевики это поняли и приняли идею Советской власти, то ход истории мог быть иным, но они не были на это способны и потеряли возможность определять ход революционного процесса или сдерживать его крайности после победы Октября.

В. И. Ленин оценивал Октябрьскую революцию уже в первые месяцы Советской власти как «рабочую и крестьянскую революцию» (Т. 35. С. 2, 65), «революцию рабочую, социалистическую» (Т. 35. С. 68, 97, 240), «советскую, пролетарски-крестьянскую» (Т. 35. С. 163). В марте 1919 г. он говорил, что Октябрь в деревне начался как буржуазная революция, поскольку рабочий класс брал власть в союзе со всем крестьянством, а летом 1918 г. развернулся пролетарский этап революции, в связи с выделением пролетарских и полупролетарских элементов для борьбы против буржуазии в деревне (Т. 38. С. 192). В статье «К четырехлетней годовщине Октября» Ленин характеризовал Октябрьскую революцию как сочетание буржуазно-демократической и социалистической революций. Вопросы буржуазно-демократической революции решались как «побочный продукт» главной настоящей «пролетарски-революционной социалистической работы». «Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой» (Т. 44. С. 147).

Таким образом, Ленин подчеркивал «смешанный» характер революции, как демократической и социалистической одновременно. Это опрокидывало догматические представления меньшевиков о чистой «пролетарской» революции, было ближе к понятию эсеров о политической и социальной революции, если представить Февраль и Октябрь звеньями одной великой русской революции. Но сами эсеры отказались на практике после Февральской революции от осуществления социальных преобразований, хотя много о них говорили, и были вытеснены на обочину революционного процесса. Россия была поставлена русской революцией на путь некапиталистического развития (в чем, думаем, С. Л. Агаев прав), объективной основой которого является многоукладная экономика с преобладанием государственной собственности. В 30-е гг. многоукладность была уничтожена, а сейчас мы вновь к ней возвращаемся. В то же время и мировая цивилизация через две мировые войны, серию революций, реформы становится на

путь некапиталистического развития, осуществляя социализацию капитализма. Общепланетарная цивилизация идет к новому качественному состоянию. Мы думаем, что утвердился гуманный, демократический социализм. И начало пути к нему человечество будет отсчитывать от Великой Октябрьской социалистической революции, которая якобинскими методами начала ломку старого, варварского, бесчеловечного капитализма.

3. От программы весны 1918 г.—к «военному коммунизму»

После победы Октября большевики начали с программы государственного регулирования экономики. Немедленную национализацию средств производства они не планировали. Но вскоре проявился неизбежный в революции радикализм рабочих и крестьян. Саботаж капиталистов, угроза безработицы и голода толкали рабочих к обобществлению предприятий. Действовали две тенденции в промышленности: национализация в форме огосударствления и накопление групповой собственности в «кооперативно-синдикалистской форме»²².

В деревне продолжались начавшиеся осенью 1917 г. стихийные захваты земли, погромы имений, растаскивание их имущества, запасов хлеба, скота и т. д. Эту стихию правящие партии большевиков и левых эсеров сразу обуздать не могли, так как сил их для воздействия на миллионы крестьян не хватало. Крестьянин, как мелкий собственник, был революционнее рабочего, когда дело касалось того, чтобы «...урвать, получить себе побольше, разорить, добить крупных помещиков, крупных эксплуататоров» (Т. 36. С. 255).

Новая власть только утверждалась, была пока слаба. Весной 1918 г. Советская Россия представляла собой совокупность фактически «самостийных» территорий и хозяйственных единиц с разорванными экономическими связями. Директивы центральной власти они проводили в том случае, если считали нужным²³. Получалось нечто вроде децентрализованной демократической федерации, которую В. Ф. Антонов противопоставляет как народническую альтернативу централизованному государству диктатуры пролетариата²⁴.

Политическая ситуация требовала пересмотра концепции государства, образованного по типу Парижской Коммуны. Вопрос о характере власти, ее форме и методах был тогда предметом острых дискуссий. Правые эсеры вместе с мень-

шевиками призывали вернуться к буржуазному парламентаризму. Левые эсеры отстаивали безбрежный демократизм, местный сепаратизм, занимали двойственную и противоречивую позицию по отношению к насилию. Ее резюмировал И. З. Штейнберг в 1923 г. в книге «Нравственный лик революции». Он писал об аморальности насилия, но и утверждал: не принять насилие—проявить нравственную трусость. Принимая насилие и индивидуальный террор, Штейнберг отрицал необходимость массового террора, призывал относиться к врагу по-рыцарски. «...Задача трудящихся классов не в том, чтобы в классовом враге убить человека, а в том, чтобы в человеке убить классового врага»²⁵.

В. И. Ленин отстаивал идею твердой власти рабочих и беднейших крестьян: «...Было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом полагать, что без принуждения и диктатуры возможен переход от капитализма к социализму» (Т. 36. С. 194). Альтернатива, по его мнению, была одна: «Либо диктатура Корнилова..., либо диктатура пролетариата» (Т. 36. С. 194), потому он считал разговоры о «единстве демократии», «третьем пути» сознательным обманом со стороны буржуазии и самообманом со стороны эсеров и меньшевиков.

Идея диктатуры пролетариата находилась, как подметил английский историк Э. Карр, в противоречии с марксистской идеей отмирания государства, что толкнуло даже некоторых большевиков на позиции синдикализма²⁶. Ленин видел решение проблемы в усилении роли государственного принуждения, централизма, укрепления единства воли, дисциплины в сочетании с развитием советского демократизма. Пролетарская демократия имеет ограниченный характер, исключает из политической жизни городскую и сельскую буржуазию, применяет по отношению к ней насилие, но диктатура пролетариата должна поднимать «к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых» (Т. 36. С. 196).

Ленин считал, что диктатура пролетариата, подавляя сопротивление свергнутых классов, вынуждена использовать принуждение и по отношению к самим трудящимся, рабочим и крестьянам, без чего нельзя было преодолеть разруху, анархическую распушенность, голод, безработицу и т. д. Ленин видел форму такого принуждения в диктатуре отдельных лиц,

через которых осуществляют диктатуру «не только массы трудящихся, но и организации, построенные так, чтобы именно массы будить, поднимать к историческому творчеству...» (Т. 36. С. 196). Эту диалектику мысли Ленина критики его не замечают, а для него и его соратников она являлась руководством к действию в самой сложной ситуации. В речи, посвященной памяти Я. М. Смердлова, 18 марта 1919 г. Ленин говорил, что революционное насилие представляло собой необходимый прием революции лишь в определенные моменты ее развития, но постоянным свойством этой революции и условием ее побед являлась организация пролетарских масс, организация трудящихся (Т. 38. С. 74).

Применение насилия к рабочим и крестьянам предопределялось военным временем, когда требовалось «единство воли на войне». Во имя этого единства тех, кто ставил свои интересы (села, группы) выше общих интересов, говорил Ленин, клеймили изменниками и расстреливали, «и этот расстрел оправдывался нравственным сознанием рабочего класса, что он должен идти к победе» (Т. 40. С. 308).

В то же время Ленин подчеркивал, что только насилием действовать нельзя, «нужны исключительно организация и моральный авторитет» (Т. 40. С. 312). Он отрицал, что большевики есть партия насилия по отношению к крестьянам. Как же тогда они создали армию, на 80% состоящую из крестьян, а она не повернула против них оружие? (См. Т. 39. С. 358).

Крайней формой насилия был террор. В. И. Ленин рассматривал вопрос о его применении с точки зрения целесообразности (Т. 40. С. 114; Т. 41. С. 15). В ноябре 1917 г. он выражал надежду, что большевики не будут применять террор, какой применяли французские революционеры, так как «за нами сила» (Т. 35. С. 63). Весной 1918 г. Ленин писал, что Советская власть — «непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо» (Т. 36. С. 196), требовал усилить эту власть, но не выдвигал требований о терроре. Настаивать на применении массового террора он стал летом 1918 г., когда усилилось иностранное военное вмешательство в российские дела, а после мятежа белочехов в полную силу вспыхнула гражданская война, в связи с убийством Володарского, с контрреволюционными мятежами и восстаниями крестьян (Т. 50. С. 106, 143, 149, 154, 156)²⁷. Позднее Ленин отмечал: «Террор был навязан нам террориз-

мом Антанты, когда всемирногосударственные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом и это означало террор...» (Т. 40. С. 101).

Л. Д. Троцкий посвятил проблеме насилия специальную брошюру «Терроризм и коммунизм» (Пб., 1920) в ответ на книгу К. Каутского с таким же названием. Каутский писал о возможности мирной, гуманной революции без террора и насилия, без издержек диктатуры пролетариата. Троцкий, как и Ленин, считал применение террора, вопрос о форме репрессии или степени ее вопросом целесообразности, зависящим от силы сопротивления свергнутых классов, средством сокращения гражданской войны решительностью действий, а жестокость Советской власти вынужденной мерой революционной самообороны. «Морально может осуждать террор лишь тот,—писал Троцкий,—кто принципиально отвергает (на словах) всякую войну и всякое восстание. Для этого надо быть просто-на-просто лицемерным квакером»²⁸. В 1938 г. Троцкий вновь обратился к моральной проблеме насилия, подчеркивая его классовый характер и относительность общечеловеческой морали. «С точки зрения «вечных истин» революция, разумеется, «антиморальна»,—писал он.—Но это значит лишь, что идеалистическая мораль контрреволюционна, то есть стоит на службе эксплуататоров»²⁹. По нашему мнению, исторически Троцкий прав. Вся история человечества представляет из себя цепь войн и революций, господствующие классы властвовали с помощью насилия. История знает мало примеров, когда моральные соображения остановили войну, или когда правящие классы добровольно отдали свои привилегии и богатства угнетенным массам. Будет ли далее история давать примеры «нежных революций», покажет время. Нам близка точка зрения Р. А. Медведева, считающего насилие неизбежным методом революции. Она не всегда может проявить благородство, которое ее противники обычно не проявляют. Но гуманные цели революции не могут оправдать любые средства в борьбе за победу революции (например, институт заложников, который не остановил наступления ни одной белой армии)³⁰. В то же время без насилия в более цивилизованных рамках—принуждения не обходилось до сих пор ни одно общество, тем более в революционный период.

пришли к близким выводам. Ленин писал о левом эсере П. П. Прошьяне: «По-своему, не через марксизм, не от идей классовой борьбы пролетариата, этот человек сделался социалистом...» (Т. 37. С. 384). Также по-своему, не от идей народничества, пришел Ленин к пониманию идеи многоукладности экономики.

Весной 1918 г. Ленин думал о свертывании товарно-денежных отношений. В «Черновом наброске проекта программы» он ставил целью сначала осуществление госмонополии «торговли», затем полную ее замену планомерно организованным распределением через союз торгово-промышленных служащих, указывая, что временно, не отменяя деньги и сделки купли-продажи между отдельными семьями, надо стремиться к введению этих сделок через потребительски-производственные коммуны (Т. 36. С. 74). В работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин, говоря об организации всенародного учета и контроля, писал о монополизации внешней торговли, государственном контроле за денежным обращением, введении поимущественного и подоходного налога, т. е. о мерах, которые упорядочивают товарно-денежные отношения, но не уничтожают их. Е. Г. Гимпельсон отмечал, что Ленин не дал развернутого определения товарно-денежных отношений, не ставил вопрос о торговле, а налаживание связей между промышленностью и сельским хозяйством, рабочим классом и крестьянством мыслил путем товарообмена через государственные органы и кооперацию³⁴. Это верно. Надо иметь в виду, что тогдашняя экономическая ситуация толкала к ограничению торговли.

Авторы, доказывающие возможность введения свободы торговли и нэпа весной 1918 г., не учитывают всю глубину экономической разрухи и сложности решения продовольственной проблемы того времени. Наркомпрод пытался в марте 1918 г. путем товарообмена получить хлеб. В хлебные губернии было отправлено до 600 вагонов товаров, а в обмен было получено 400 вагонов хлеба, 400 тысяч пудов вместо предполагавшихся 120 миллионов³⁵. «Самостийное» повышение закупочных цен в ряде губерний на хлеб государственные закупки не увеличило. Эгоизм и сепаратизм в заготовках хлеба местных органов, как отмечал нарком продовольствия А. Д. Цюрупа на V Всероссийском съезде Советов, создали хаос в продовольственном деле³⁶. Государственные заготовки резко сократились. В 1917/1918 хозяйственном году они составили

14,7% от уровня заготовок 1916/1917 г. Это был самый низкий уровень заготовок за все годы гражданской войны. В последующие годы он возрастал, составив в 1920/1921 г. 88,2% от заготовок 1916/1917 г.³⁷. Если учесть, что советское государство в первые месяцы своего существования только становилось, не могло контролировать в полной мере торговлю хлебом, то надо признать, что фактически существовала «свобода» торговли, через которую горожане получили большую часть хлеба. Такая «свобода» приводила к массовому мешочничеству, грозившему остановить полуразрушенный транспорт. Ее результатом был массовый голод в губерниях Севера, Северо-Запада и Центрального района, традиционно ввозящих хлеб.

Путь решения был предопределен опытом мировой войны—хлебная монополия. Ни одна из партий, входящих в состав ВЦИК весной 1918 г., не выступала за свободу торговли. Целиком перейти на цены вольного рынка никто не соглашался³⁸. Не было иного выхода, как использовать государственное принуждение по отношению к крестьянам, получившим землю, растащившим продовольственные запасы из имений, но не желавшим нести государственные повинности. «Трудовой крестьянин», как его называли народники, хотел полной свободы для себя и предпочитал нажиться на спекуляции хлебом: Объективно он превращался в «эксплуататора хуже разбойника» (Т. 36. С. 447). Ленин не обвинял крестьян в преднамеренной борьбе против Советской власти. Он объяснял сопротивление крестьян хлебной монополии их несознательностью, темнотой. Невероятно трудной была задача проведения хлебной монополии в «...стране крестьянства, которое первый год после многих столетий посеяло хлеб на своей земле» (Т. 36. С. 446).

Экономическое положение ставило, по мнению Ленина, альтернативу: либо государство одолеет мелкобуржуазную стихию, подчинит крестьянина своему контролю, либо он скинет рабочую власть, как ее скидывали Кавеньяки и Наполеоны, на мелкобуржуазной почве произрастающие (Т. 36. С. 298). В мае 1918 г., когда наступление немецких войск отрезало от центра еще одну житницу—Дон и Северный Кавказ, СНК и ВЦИК пошли на предоставление чрезвычайных полномочий Наркомпроду и на установление продовольственной диктатуры. Левые эсеры, имевшие значительное влияние в деревне, встали в жесткую оппозицию, правые эсеры—

на путь вооруженной борьбы с Советской властью. Пути пролетарского и крестьянского социализма разошлись³⁹. В начале июня правые эсеры с помощью чехословацкого корпуса захватили власть в Самаре и в Сибири, создав эсеровские правительства. Недоступен стал хлеб Поволжья и восточных районов страны. Эти обстоятельства вынудили большевиков пойти на создание комбедов, еще одной чрезвычайной меры для изъятия хлеба.

В. И. Ленин называл подобное распределение хлеба и топлива, строжайший учет и контроль за ним со стороны рабочих в общегосударственном масштабе «преддверием социализма» (Т. 36. С. 362). Но утверждение хлебной монополии он связывал и с решением политических задач, подрывом гегемонии зажиточной верхушки деревни, захватившей руководство многими сельскими Советами. Ленин призывал городских рабочих сплотить бедноту не только на борьбу с голодом, но и за новый общественный строй. «Это—бой за социализм..., бой за строй трудящихся и эксплуатируемых» (Т. 36. С. 412):

Сейчас большинство обществоведов признает, что государственная монополия при пролетарском государстве—еще не социализм. Осуждение комбедовской политики становится общим местом. Л. М. Спиринов, один из ведущих специалистов по истории гражданской войны, пишет: «Развязыванию гражданской войны, ожесточению способствовала левацко-догматическая политика РКП(б) в решении крестьянско-казачьего вопроса: искусственное форсирование классовой борьбы в деревне, классовое расслоение, создание комбедов, насильственное изъятие хлеба, репрессии по отношению к основным массам крестьянства»⁴⁰. Но далее подчеркивает справедливый характер войны со стороны всех ранее угнетенных и обездоленных людей⁴¹. На наш взгляд, более точным является мнение Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова о том, что политика «военного коммунизма» (а значит и ее меры в деревне) являлась объективной закономерностью, определяемой обстановкой военного времени, обличенной «коммунистической» идеологией со всеми ее издержками⁴².

Классовое расслоение деревни не было выдумано большевиками, оно было следствием капиталистического развития деревни, которое не могла сдержать никакая община. Расслоение деревни на три группы крестьян—бедноты, кулаков и середняков—подтверждено исследованиями многих специали-

стов-аграрников. В связи с распространяющимися ныне «легендами» о процветании дореволюционной России приведем некоторые данные о материальном положении крестьян. Эсер С. Л. Маслов на основе статистических данных конца XIX в. показывал, что в среднем денежный доход русского крестьянина составлял 140,595 руб., а на потребление уходило 156,571 руб. Средний годовой бюджет крестьянской семьи был 437 руб. (по более поздним исследованиям А. В. Чайнова—от 400 до 800 руб.)⁴³. Из 437 руб. 25 приходилось на выплату податей, остальное на потребности семьи и хозяйства. Для сравнения, средний годовой заработок рабочего составлял 200—300 руб., чернорабочий получал 10—12 руб. в месяц, высокооплачиваемый квалифицированный—до 57—100 руб.⁴⁴.

В. И. Ленин приводил на основе той же воронежской статистики конца XIX в. данные о крестьянских бюджетах: средний валовой доход семьи—491,44 руб. Чистый доход—48,44 руб. Сумма податей и повинностей—34,35 руб., что составляет 70% чистого дохода. Но поскольку денежный чистый доход средней семьи равняется всего 17,83 руб., подати вдвое превышают этот доход. Помимо этих любимых народниками средних данных он приводит статистику о распределении податей и повинностей между группами крестьян:

Бюджетные данные на I хозяйство в руб.

	Валовый доход	Расход	Подати и повинности	То же в% к расходу
а) Безлошадные	118,10	109,08	15,47	14,9
б) С 1 лош.	178,12	174,26	17,77	10,20
в) С 2 лош.	429,72	379,17	32,02	8,44
г) С 3 лош.	753,19	632,36	49,55	7,83
д) С 4 лош.	978,66	937,30	67,90	7,23
е) С 5 и более лош.	1766,79	1593,77	86,34	5,42
В среднем	491,44	443,00	34,35	7,75

Приведенные данные характеризуют, во-первых, неравномерность доходов крестьян. Во-вторых, отмечал Ленин, у безлошадных и однолошадных крестьян (три пятых всего крестьянства) подати и повинности во много раз превышали не только чистый денежный доход, но и чистый валовый доход (Т. 17. С. 97—98). Чтобы выплатить повинности, крестьянин

должен был подрабатывать вне своего хозяйства, у тех же кулаков и помещиков, но не всегда мог выплатить налоги. Писатель Н. И. Кочин описывал по своим детским впечатлениям жизнь крестьян в деревне Гремячая Поляна Нижегородского уезда: как выколачивались недоимки через конфискации у крестьян скота и домашней утвари, порку недоимщиков, и это—после первой русской революции, снявшей бремя выкупных платежей⁴⁵. Столыпинская же реформа, обеспечив переход крестьянских наделных земель, часто лучших, в руки богатеев, не улучшила положение основной массы крестьян, а лишь обострила классовые противоречия в деревне.

Раскол в деревне, таким образом, был обусловлен ее социально-экономическим развитием. Получив землю, крестьянская беднота, составлявшая 65% крестьянства, осознала, как не раз говорил Ленин, что «землю есть нельзя» (Т. 31. С. 272), нельзя вести хозяйство без семян, без лошади, орудий труда. Зажиточные крестьяне в ходе весеннего передела земель в 1918 г. нередко сохранили свои участки, урвав и кусок помещичьей земли и часть помещичьего инвентаря. Обделенными оказывались беднейшие крестьяне, часто это были солдаты, возвращавшиеся домой после демобилизации из армии. Они начали борьбу за свои права. Повсеместно возникают комитеты (союзы) бедноты. К июню 1918 г., к моменту публикации декрета об организации деревенской бедноты, они существовали уже в 870 населенных пунктах страны⁴⁶. Комбеды имели вооруженную опору—сельскую Красную гвардию. Только в 41 губернском центре и в уездных городах было не менее 500 красновардейских отрядов. Большое количество таких отрядов имелось в селах и деревнях⁴⁷.

Раскол крестьянства усилила начавшаяся гражданская война. Ленин в декабре 1918 г. указывал, что инициатором раскола была контрреволюция, поднявшая с помощью иностранных империалистов волну мятежей, вслед за которыми возникали крестьянские восстания. Деревня разделилась на два лагеря: лагерь трудящегося и беднейшего крестьянства и лагерь зажиточных крестьян (Т. 37. С. 353—354). Начался «пролетарский этап» революции в деревне. Однако в ходе его решались, мы считаем, прежде всего **не социалистические, а демократические задачи**: доводился до своего логического конца народнический принцип уравнительности в землепользовании, черный передел всех крестьянских земель, перераспределения скота, инвентаря, зерна и т. д. В этом была сила

комбедовского движения, имевшего массовую базу. Бедняк, получив свое, укрепив хозяйство, становился середняком, сторонником Советской власти, готов был ее защищать от врагов. В то же время он противился, как хозяин и собственник, продовольственной разверстке, шел порой за кулаком в борьбу против нее.

Большевики, со своей стороны, тоже стремились усилить раскол в деревне. Они выделяли, поддерживали, спланировали бедноту для того, чтобы получить в ее лице опору в деревне и взять с ее помощью хлеб. При этом был допущен опасный перекося по отношению к среднему крестьянину, который летом 1918 г. колебался, в ряде хлебных районов отшатнулся от Советской власти. По отношению к среднему крестьянству применялись часто те же репрессивные меры, что и против кулака. Как признавал Ленин, «сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса, удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно» (Т. 38. С. 146). Другим негативным последствием комбедов было их стремление подменить Советы как органы власти. В деревне установилось своеобразное двоевластие, бесконтрольно действующие комбеды допускали много произвола, вызывая недовольство крестьян Советской властью. Выявились большое количество фактов злоупотреблений властью комбедов, продорганов. Ленин о них знал, неоднократно осуждал, требовал выводить на «чистую воду» жуликов, спекулянтов, пролезших в продорганы, расстреливать грабителей (Т. 36. С. 425, 428; Т. 37. С. 382—383, 480). В августе 1918 г. был разослан циркуляр за подписью Ленина и Цюрупы о том, что Советская власть никогда не объявляла и не вела войны с середняками, с которыми необходимо добиваться соглашения (Т. 3. С. 45).

Комбеды выполнили свою задачу, защитив величайший земельный переворот (Т. 37. С. 354), они довели до конца демократические аграрные преобразования, создали политическую опору в деревне для диктатуры пролетариата, но и накалили обстановку в деревне до опасных пределов. Когда средние крестьяне начали поворачивать, под влиянием ряда факторов в сторону Советской власти, сохранение комбедов потеряло смысл. Как известно, Ленин поставил вопрос о восстановлении в деревне всевластия Советов и о союзе рабочего класса со средним крестьянством.

Иной могла быть политика в деревне при сохранении блока большевиков с левыми эсерами. Левые эсеры были согласны с хлебной монополией государства. Декрет ВЦИК и СНК 1918 г. определил, что избирать и быть избранными в комитеты бедноты могут все жители сел и деревень за исключением заведомых кулаков и богатеев, пользующихся наемным трудом⁴⁸, т. е. «трудовые крестьяне», по терминологии эсеров. При желании левые эсеры могли пойти на соглашение с большевиками по вопросу о продовольственной диктатуре и комбедах, корректировать деятельность последних в выгодном для средних крестьян направлении, предотвратить многие эксцессы в деревне. Но лидеры ПЛСР пошли на организацию мятежа 6 июля 1918 г. и погубили партию. От этого проиграли крестьяне, потерявшие своих защитников, проиграли большевики, потерявшие союзника.

Известно, что осенью 1918 г. по инициативе В. И. Ленина была осуществлена попытка ввести продналог, но она не удалась, и в январе 1919 г. была введена продразверстка, представляемая крестьянским Советам и крестьянским обществам с круговой порукой их членов. Мы считаем, что альтернативой продовольственной политики, осуществляемой с помощью комбедов, могла стать продразверстка в том виде, как она сложилась в 1919 г., при активном участии левых эсеров. Вряд ли (с учетом военной иностранной интервенции) можно было предотвратить гражданскую войну, но можно было бы сгладить острую классовую столкновение в деревне. Это был и возможный путь для дальнейшего конструктивного сотрудничества пролетарского и крестьянского социализма. Большевики же, как отмечалось в литературе⁴⁹, введя продразверстку, добились на ее основе компромисса с крестьянами: Советская власть защищала крестьянина от посягательств помещиков, идущих с белыми армиями, на землю, крестьянин давал за это хлеб городу и Красной Армии.

В 1919—1920 гг. В. И. Ленин защищал продразверстку с позиций военно-коммунистических. Он не вспоминал в это время свою программу весны 1918 г., видимо, уверовав в возможность ускоренного перехода к социализму. Он говорил, что меньшевики и эсеры, Колчак и Деникин шли против Советской власти с лозунгом свободы торговли, а нарождающееся социалистическое общество находится в состоянии смертельной войны со свободой торговли (Т. 39. С. 169). Но про-

рывались признания: «Старые мелкобуржуазные привычки хозяйничать в одиночку и укреплять свободную торговлю— все это сильнее нас» (Т. 40. С. 309).

Идеализация Лениным продразверстки была навеяна обстановкой военного времени. Вынужденная войной мера получила идеологическое обоснование в духе уравнилельного коммунизма. Проявилось характерное для революций отрицание старых экономических отношений. Сказался закон, «требующий от революции продвинуться дальше, чем она может осилить, для закрепления менее значительных преобразований» (Т. 53. С. 206). Жизнь же вносила коррективы, создавая спасающее ее равновесие. Как признал Ленин, рабочий получал половину продуктов от наркомпрода, вторую— от спекулянтов, но за первую платит 1/10, а за вторую—9/10 своих средств (Т. 38. С. 362).

Военно-коммунистическая тенденция проявлялась и в социалистических экспериментах в деревне, хотя здесь дело не зашло так далеко, как в городе. В. И. Ленин еще до революции на основе анализа развития крестьянских и помещичьих хозяйств России и Западной Европы опровергал общую для некоторых буржуазных и народнических теоретиков (В. М. Чернов и др.) мысль о «процветании» мелкого крестьянского хозяйства, его преимуществах перед крупным хозяйством. Тенденции во всех странах при их особенностях существовали одинаковые: экономическое превосходство крупных хозяйств, «устойчивость» мелкого хозяйства за счет большего по объему труда крестьянина на единицу продукции и его меньшего потребления, втягивание крестьянского хозяйства в рыночные отношения, дифференциация крестьян, вытеснение разорившихся крестьян из деревни (См. наиболее крупные работы Ленина по аграрному вопросу «Развитие капитализма в России» (1899), «Аграрный вопрос и критики Маркса» (1901), «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (1908) и др.). Ленин отстаивал позицию большевиков о необходимости конфискации помещичьего землевладения, национализации земли и передачи ее в пользование крестьянства. Решение этого вопроса на этапе демократической революции, по его мнению, улучшит общее положение крестьян, создаст условия для более свободного развития капитализма в деревне и усиления классовой борьбы. Народники за это обвиняли Ленина в защите интересов кулака. Размышляя о мерах, которые бы создали базу для будущих социалистических преобразований, Ле-

нин предвидел возможность передачи крупных передовых капиталистических имений ассоциациям рабочих (Т. 11. С. 222).

В 1917 г. В. И. Ленин предлагал устроить коммуну для обработки земли (Т. 31. С. 186—187), хотя и предупреждал в речи на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов: «навязать общественную обработку земли было бы сумасшествием, тут требуются деньги, приспособление к новым условиям жизни, к ней надо приступать со всей осторожностью (Т. 31. С. 187). После Октябрьской революции возникает движение, направленное на создание коммун со стороны городских рабочих, беднейших крестьян, беженцев. С одной стороны, движение имело идейную сторону, направлялось на создание новых форм хозяйственной и общественной жизни, с другой, люди искали спасение от голода, рассчитывали на материальную помощь государства—передачу помещичьей земли, построек, жилья, инвентаря, скота. Возникали коммуны и на базе крестьянских наделных земель. Ленин поддержал начин, хотя и предостерегал от крайностей. Так, в Николаевском уезде Самарской губернии возникла тенденция к созданию крупных коммун на базе конфискованных имений, а 22 марта 1918 г. уездный СНК принял по предложению В. И. Чапаева (будущего героя гражданской войны) проект создания трудовой коммуны в пределах всего уезда. Председатель уездного СНК В. И. Ермощенко обратился к Ленину с этим вопросом. Ленин предупредил Ермощенко о нелепости такого шага. Это, правда, не помешало николаевским деятелям провозгласить в начале апреля уезд социалистической трудовой коммуной⁵⁰.

В 1918 г. началась широкая пропаганда коммун большевистской и советской печатью. Особенно много места уделяла коммунальцам газета «Беднота», активными пропагандистами коммун были Е. Ярославский, В. Мещеряков (нарком земледелия после ухода из СНК левых эсеров) и др. Лезвоэсеровские газеты тоже поддержали коммуны, хотя на местах левые эсеры в земотделах препятствовали передаче имений коммунальцам, стремясь передать землю и инвентарь помещиков крестьянам в индивидуальное пользование. Как правило, разъяснялись преимущества коллективного труда, крупного общественного хозяйства, принцип уравнительности распределения для утверждения социальной справедливости. Коммуна характеризовалась как ячейка, «кирпичик великого прекрасного здания новой трудовой России»⁵¹.

К осени 1918 г. выяснилась для многих экономическая неэффективность коммун. Большевики начинают уделять больше внимания другим видам коллективных хозяйств, разъясняя необходимость общественной обработки земли различными объединениями крестьян. В. В. Кураев в «Правде» за 2 ноября 1918 г. выступил с критикой односторонней политики наркомзема по поддержке коммун, игнорирующей другие виды коллективных хозяйств, о которых есть сведения в наркомате: полукапиталистических артелей, трудовых товариществ, земледельческих кооперативов.

В конце 1918—начале 1919 гг. в РКП(б) велась дискуссия: какой форме коллективного хозяйства отдать приоритет—коммуне или совхозу. Так, «Правда» сообщала 4 января 1919 г., что в партийном клубе «Спартак» в Москве была проведена дискуссия на тему «Сельскохозяйственные коммуны или государственное земледелие». Докладчик—Н. И. Плюснина, заведующая бюро коммун наркомзема, подчеркивала воспитательное и экономическое значение коммун. Содокладчики—Сольц, Зеленский, Мурашов, Залежский—говорили о том, что коммуны не отвечают запросам населения, существующие коммунистические хозяйства пропитаны кулацким духом и не являются коммунальцами в полном смысле этого слова. Необходимо создание советских хозяйств, как высших форм сельскохозяйственной промышленности. Подавляющим большинством голосов была принята резолюция с одобрением второй точки зрения, а организация коммун, артелей и прочих видов общественной обработки земли рассматривалась как переход от единоличного хозяйства к созданию социалистического хозяйства.

Ярым пропагандистом совхозов был Ю. Ларин. Он доказывал, что беднейшее крестьянство не может и себя прокормить, среднее имеет мало излишков, а крупное крестьянство (кулачество) не заинтересовано производить излишки, ссылаясь на невыгодные «твердые цены». Посему надо пустующие бывшие имения (Ларин указывал данные, что используется только от 24 до 49% имений) передать рабочим (профсоюзам) для организации советских хозяйств и снабжения продуктами своих предприятий⁵².

В. И. Ленин не противопоставлял одни формы колхозов другим, но, думается, на время утратил чувство реализма. 6 ноября 1918 г. он предостерегал в речи на VI Чрезвычайном съезде Советов от поспешного введения общественной обра-

ботки земли ввиду того, что громадное большинство крестьян этой задачи не ставило (Т. 37. С. 141). Но уже 11 декабря 1918 г. в речи на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун Ленин уверял, что после завершения пролетарского этапа революции в деревне «трудящееся крестьянство» (он имел в виду здесь бедноту) «...пошло от очистки России от помещиков к образованию социалистического порядка»; «...стремление к установлению общественной обработки земли есть в самом крестьянстве, в большинстве трудящегося крестьянства» (Т. 37. С. 355, 359).

Указывая на 1 миллиард рублей, выделенный государством для развития коллективных хозяйств, Ленин говорил, что постановкой общественной обработки земли в «социалистическом масштабе» будет достигнуто повышение производительности труда (Т. 37. С. 358—359, 362—363). Он предупреждал здесь же, что на средних крестьян надо действовать силой примера, рассчитывать на постепенное действие мер для глубокого переворота в хозяйстве земледельческой России (Т. 37. С. 363), однако общий тон его выступления ориентировал на ускорение перехода к коллективному земледелию.

I Всероссийский съезд земельных отделов, комитетов бедноты и коммун принял единогласно резолюцию «О коллективизации земледелия», которая признавала необходимым в целях ускоренного переустройства всего народного хозяйства на коммунистических началах строить организацию сельского хозяйства и фабрично-заводской промышленности по единому плану, согласованно проводимому в жизнь всеми Советами. Резолюция гласила: «Главнейшей задачей земельной политики является последовательное, неуклонное проведение широкой организации земледельческих коммун, советских коммунистических хозяйств и общественной обработки земли, которые в своем развитии неизбежно приведут к единой коммунистической организации всего сельского хозяйства»⁵³.

Эта тенденция нашла свое выражение в принятом ВЦИК 13 февраля 1919 г. Положении о социалистическом землеустройстве. Положение объявило всю землю в пределах РСФСР единым государственным фондом, более четко, чем в законе о социализации земли определяя факт национализации земли (сам закон о социализации земли не отменялся, но направленность земельной политики стала иной). Положение провозгласило необходимость перехода от единоличных форм землепользования к товарищеским—совхозам, коммунам, об-

щественной обработке земли, а все виды единоличного землепользования характеризовало как преходящие и отживающие. Конституция и задачи коллективных хозяйств определялись в таком порядке: совхозы, коммуны, общественная обработка земли⁵⁴. Приоритет отдавался, таким образом, совхозам.

В январе-феврале 1919 г. отдельные партийные организации и власти на местах предпринимают меры для ускоренной коллективизации сельского хозяйства путем административного нажима. Например, Елецкий уездный комитет в письме ЦК партии сообщал о плане «создать теперь же практически единую Трудовую коммуну Ельца и уезда, имея в виду главное—с весны этого года провести в жизнь во что бы то ни стало общественную обработку полей, начиная с общественного обсеменения ярового и т. д.»⁵⁵.

Перегибы с коллективизацией налагались на произвол местных властей по другим вопросам. В большевистской и советской печати в это время приводилось немало фактов, когда новоиспеченные коммунисты, оказавшиеся во главе комбедов или сельских и даже уездных Советов, использовали служебное положение в своих личных интересах, осуществляли незаконные реквизиции продовольствия для себя и своих семей, арестовывали возмущающихся и т. д., компрометируя РКП(б) и Советскую власть. В конце 1918—начале 1919 г. начался сбор чрезвычайного денежного налога по декрету ВЦИК от 30 октября 1918 г. Декрет определил обложение имущих лиц города и села на сумму в 10 миллиардов рублей для строительства Красной Армии. Городская и сельская беднота освобождалась от налога, средние слои должны были облагаться небольшими ставками, а вся тяжесть налога возлагалась на богатую часть городского и сельского населения⁵⁶. Недостатком декрета было то, что он не определял точный порядок и размеры взимания налога, оставляя решение на исполнительные органы власти, губернские, уездные Советы. Ввиду чрезмерности налога местные власти раскладывали его не только на кулаков, но и в значительной мере—на середняков. Сельские Советы нередко распределяли его подушно, уравнивательно на всех крестьян. Были случаи, когда работники сельских Советов возлагали этот налог, сводя счеты, на лиц, которые не подлежали обложению. При изъятии налога допускались часто жестокие, незаконные методы. Это подтверждается многочисленными фактами. Приведем один пример. «Вестник Тамбовского губернского отдела управления»

22 марта 1919 г. писал, что преступные люди, примазавшиеся к Советской власти, облагают отдельных лиц непосильными контрибуциями и истязают их. «В селе Бондарях... при взимании чрезвычайного налога имели место: порка крестьян плетью, истязания, угрозы расстрелом, устрашающая стрельба и т. п., причем председатель комиссии имел наглость заявить, что прибегает к таким мерам «согласно декрету Центрального Исполнительного Комитета».

Грамотные крестьяне недоумевали: они читали о призывах Ленина налаживать отношения со средними крестьянами, а на деле сталкивались с иными действиями властей. Крестьянин Гулов сообщил в письме в «Известия ВЦИК» (Опубликовано 2 февраля 1919 г.), что крестьяне середняки с удовлетворением встретили слова Ленина о середняках, как самой хорошей опоре для государства. Они говорят: «Если бы правительство отделило середняков от кулаков и бедноты, то середняки всеми силами поддерживали бы Советское правительство...». Но пока им неясно отношение партии коммунистов к середнякам, многие говорят, что Ленин и Троцкий не ладят. Ленин — за середняков и не велит отбирать у них хлеб и облагать налогом, а Троцкий формирует Красную Армию из бедноты и посылает ее отнимать у крестьян хлеб.

Л. Д. Троцкий в «Письме крестьянам» (Известия ВЦИК. 1919. 7 февраля)⁵⁷ опроверг слухи о его расхождении с Лениным по отношению к середнякам. Троцкий писал о двойственной природе среднего крестьянина (труженик и собственник одновременно), который должен быть другом Советской власти, передавшей помещицью землю крестьянам. Советская власть стоит за коммунистическое хозяйство, ведет крестьян на этот единственно правильный путь, но не принуждает их насилем. Троцкий разъяснил налоговую политику Советов и опроверг слух, что Красная Армия создана против середняков. Она состоит из рабочих, крестьян (бедняков и середняков) и призвана защитить те классы, из которых состоит. В «Правде» и «Известиях ВЦИК» 15 февраля был опубликован ленинский «Ответ на запрос крестьянина». Ленин тоже подтвердил, что у него нет разногласий с Троцким по отношению к крестьянам, подчеркнул, что во всех декретах Советской власти проводится разница между тремя группами крестьян. Средняки не враги Советской власти, они могут быть ее друзьями, и большевики этого добьются, устанавливая соглашение с ними (Т. 37. С. 478—479).

Сложная ситуация в деревне обсуждалась во второй половине марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б). В аграрной секции съезда делегаты приводили много примеров произвола по отношению к крестьянам на местах. Л. Сосновский говорил, что когда объезжал провинцию с поездом имени Ленина, то жалел: «...одного нет: надо бы иметь арестантский вагон и целые исполнительные комитеты погружать и вести в Москву»⁵⁸. Делегаты признавали, что волюнтаристские и незаконные действия властей и отдельных комиссаров вызвали недовольство крестьян, выливались в крестьянские восстания, организуемые врагами Советской власти⁵⁹.

В. И. Ленин сумел быстро извлечь уроки взаимоотношений с крестьянством и повернуть на VIII съезде аграрную политику партии в реалистическое русло. Он говорил в ряде докладов и выступлений на съезде, что насилие по отношению к крестьянству наносит партии величайший вред, поставил задачу воздействовать на крестьянина, как на практика, силой примера, показывать на деле, что «коммуния» лучше всего. Съезд принял лозунг союза со средним крестьянством при опоре на бедноту и борьбе с кулачеством. Экспроприация хозяйства кулаков не допускалась. Были определены меры помощи государства крестьянскому хозяйству.

Позитивным результатом работы съезда являлся отказ от навязывания крестьянству определенной формы коллективизации. Разумно говорил об этом в докладе о земельной политике В. В. Кураев на заседании аграрной секции. Его предложение сделать совхозы молочными и хлебными фабриками для того времени выглядит наивным. Но реалистичным было предложение сделать их центрами общей и аграрной культуры, создавать при них прокатные пункты техники, семенные склады и т. п. для оказания помощи крестьянам-единоличникам, повышения производительности их труда. Кураев предлагал в деле коллективизации учитывать особенности крестьян. Для вовлечения середняков использовать «примитивные» формы коллективизации, содействовать всем формам коллективного хозяйства, стремясь переводить обобществление с низших форм к высшим. Докладчик осудил мелкобуржуазный идеал уравнительного равенства в коммунах, предлагая стремиться повышать в них производительность труда, сократить непроизводительные расходы, вообще обращать внимание на производство, а не на коммунистические «аксессуары» вроде лозунга «каждому по потребностям»⁶⁰.

VIII съезд РКП(б) включил положения о многообразии форм обобществления сельскохозяйственного труда—товариществ по совместной обработке земли (тозов), артелей, коммун, совхозов во вторую программу партии и в резолюцию об отношении к среднему крестьянству. Вскоре после съезда, 9 апреля 1919 г. СНК послал предписание губземотделам и исполкомам о недопустимости принудительного отчуждения земель нетрудовых хозяйств, поступивших в пользование крестьян, а также отступлений от принципа добровольности для перехода крестьян к общественной обработке земли и к коллективным хозяйствам. За неисполнение этого распоряжения предписание угрожало карами по законам военного времени⁶¹.

Правильные установки о развитии различных форм общественного хозяйства в деревне не могли быть реализованы в полной мере в обстановке усиливающегося «военного коммунизма». Коммуны и все другие коллективные хозяйства несли те же государственные повинности, что и крестьяне,—сдачу «излишков», выполнение разверстки, от которых коммунары, как сознательные сторонники Советской власти, не уклонялись. В то же время нужные им вещи они должны были покупать по ценам вольного рынка и оказывались в худшем материальном положении, чем единоличники, скрывающие свое излишки. В колхозах ощущалась нехватка рабочих рук вследствие постоянных мобилизаций в армию и ухода в нее добровольцами, несения натуральных повинностей (гужевой, дромовой и др.)⁶². Не работал, таким образом, главный стимул—материальный интерес. Но накапливался положительный опыт организации общественного хозяйства в деревне.

Решения VIII съезда РКП(б) помогли улучшить отношения Советской власти и крестьян, но левокоммунистическая тенденция в отношении коллективизации сельского хозяйства не была изжита, часть коммунистов не была согласна с курсом на союз с середняком. И хотя коллективные хозяйства охватывали всего 0,5% крестьянских хозяйств в 1920 г.⁶³, административное рвение при их создании имело в деревне большой негативный эффект. Осенью 1919 г. Ленин вновь говорил о нелепости попыток загнать насильем крестьян в коллективные хозяйства (Т. 39. С. 312—313, 374—375). Продолжалось чрезмерное увлечение совхозами, особенно в освобожденных от белых районах Украины и Белоруссии. Об этом речь шла на VIII Всероссийской конференции РКП(б) в декабре 1919 г. Ленин предложил только небольшую часть куль-

турных имений дать под советские хозяйства, а большую часть созданных совхозов разделить между крестьянами, обеспечив блок с крестьянством (Т. 39. С. 371).

На основе разверстки хлеба и других видов продовольствия постепенно сложились остальные элементы «военного коммунизма»—уравнительное распределение продуктов питания и промтоваров, фактическая натурализация зарплаты, трудовая повинность. Были слиты госторговля и потребительские кооперативы, население объединено в потребительские общества. В промышленности, вслед за крупными, были национализированы и мелкие предприятия. Под влиянием военного времени верх в партии коммунистов взяла идеология «военного коммунизма» и практика решительного обобществления, которую Ленин сам осуждал в 1918 г. Сказалась и приверженность Ленина и его соратников к идее бестоварного государственного социализма, что воплотилось во второй программе партии. В ней появились положения о необходимости свертывания торговли, замены ее товарообменом, о проведении мер, подготавливающих отмену денег, и др. Левокоммунистическая идеология вдохновляла значительную часть рабочих и деревенской бедноты, давала веру в возможность быстрого построения справедливого общества после победы в гражданской войне, но революционная фразеология отпугивала среднюю, мелкобуржуазную часть населения, толкала ее к сопротивлению, а порой и к вооруженной борьбе против Советов, что затягивало гражданскую войну. Это показал и 1920 год.

4. 1920 г.: был ли возможен переход к нэпу?

Можно ли было сократить период военного коммунизма? Историк-аграрник В. П. Данилов заявил однажды об опоздании на год замены продразверстки продналогом⁶⁴. Детально обосновал эту точку зрения С. Павлюченков, утверждающий, «что к весне 1920 г. уже назрели социально-экономические предпосылки для перехода к новым отношениям с крестьянством»⁶⁵. Павлюченков делает вывод, что весной 1920 г., в отличие от предыдущего периода, в сознании крестьянства наступил перелом, оно готово было нести государственную повинность на условиях, не разоряющих его хозяйство. «Но теперь уже инерция, помноженная на силу идейных установок «военного коммунизма», не позволила сделать этот поворот»⁶⁶.

Автор приводит предложения Л. Троцкого, Ю. Ларина и др., поступивших в ЦК РКП(б), Ленину о введении продналога, частичной свободе товарообмена, меньшевиков и эсеров—о свободе торговли и т. д., которые не были приняты во внимание.

На наш взгляд, весной 1920 г. еще не было условий для отказа в целом от чрезвычайных экономических мер. К этому времени были одержаны решающие победы Красной Армии над войсками Колчака и Деникина, но военные действия еще продолжались. Сохранялась опасность внешней интервенции. Время для демобилизации из Красной Армии не наступило. Ее надо было снабжать всем необходимым, как и рабочих, работающих на оборону. В. И. Ленин говорил 2 февраля на сессии ВЦИК: «...Мы не можем распустить армию, так как мы должны считаться хотя бы с возможностью наступления той же самой Польши или любой другой державы, которых продолжает натравливать на нас Антанта» (Т. 40. С. 105). Опасение это оправдалось, через два с половиной месяца началась советско-польская война. Сохранение военного положения требовало и сохранения чрезвычайных экономических мер, продразверстки в том числе.

Руководство РКП(б) решило использовать передышку для восстановления народного хозяйства военными методами. IX съезд РКП(б) утвердил меры: массовые мобилизации по трудовой повинности, усиление централизма путем создания чрезвычайных органов—главполитпути, посевкомов и др., использование трудовых армий с привлечением частей Красной Армии и т. д. Эти меры нашли себе идеологическое обоснование. Н. И. Бухарин писал о «милитаризации» населения как методе «самоорганизации рабочего класса и организации крестьянства»⁶⁷. Ленин утверждал: «Субботники, трудовые армии, трудовая повинность—вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда» (Т. 40. С. 315).

Ничего коммунистического в принудительном труде нет. Идеализация милитаризованной экономики привела к последующим, нелогичным при улучшении военного положения мерам—национализации и мелких предприятий, распространению разверстки с хлеба на молоко, яйца, масло и т. д. На наш взгляд, весной 1920 г. появились возможности для смягчения взгляда, весной 1920 г. появились возможности для смягчения режима милитаризации экономики: предоставления свободы действий мелким предприятиям, промышленной кооперации,

сохранению разверстки только на хлеб и предоставления крестьянам свободы распоряжения остальными произведенными продуктами хотя бы в пределах местного рынка или с подключением кооперации, других подобных мер, ослабляющих госмонополизм и создающих предпосылки для перехода к нэпу в последующий период. Более удобным моментом для полной отмены продразверстки и возврата к рыночным отношениям нам представляется осень 1920 г., когда после разгрома Врангеля в основном закончилась гражданская война. Тогда можно было бы избежать массового характера крестьянских восстаний в конце 1920—начале 1921 г.

Ю. А. Поляков в книге «Переход к нэпу и советское крестьянство» подробно рассмотрел процесс анализа В. И. Лениным ситуации в стране, настроений крестьянства, различных предложений, сделанных как большевиками, так и эсерами и меньшевиками, при подготовке перехода к новой экономической политике. Автор указывал, что Ленин рассчитывал различные варианты, действовал по принципу «семь раз отмерь, один раз отрежь», не был уверен в конце 1920 г. в прочности мирной передышки и окончании чрезвычайного положения. Только в результате вдумчивого анализа был подготовлен им к заседанию Политбюро ЦК РКП(б) 8 февраля 1921 г. «Предварительный черновой набросок насчет крестьян», определивший замену продразверстки продналогом и свободу использования крестьянином его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте⁶⁸.

Конечно, в политике действует принцип «искусства возможного», предвидеть все невозможно, но следует признать, что с введением нэпа РКП(б) запоздала, ответственность за это несет и В. И. Ленин. Еще в декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов был принят «военно-коммунистический» план государственного регулирования засевов в индивидуальном крестьянском хозяйстве, и только мощные крестьянские восстания этого времени окончательно убедили В. И. Ленина и партию в необходимости смены экономической политики. Оттяжка введения нэпа дорого стоила и крестьянам, и РКП(б).

5. Был ли «военный коммунизм» ошибкой?

После окончания гражданской войны В. И. Ленин неоднократно обращался к оценке политики 1918—1920 гг. Он сам

ввел термин «военный коммунизм», впервые употребив его в брошюре «О продовольственном налоге» (Т. 43. С. 219). А. П. Бутенко обосновывает вывод об ошибочности в целом политики «военного коммунизма» и говорит о том, что «...левацкая политика в социально-экономических преобразованиях, обостряя противоречия и усиливая гражданскую войну, местами приводила к реставрации власти помещиков, чем усиливала согласие, сближение коммунистов и всего крестьянства в политической сфере, позволяя большевикам на какое-то время закрыть глаза на отсутствие нормальной политики, нормальных социально-экономических отношений между рабочим классом и крестьянством»⁶⁹. Бутенко обходит вопрос о роли иностранного вмешательства, иностранной военной интервенции, с помощью которых происходила реставрация власти капиталистов и помещиков на окраинах страны, где Советская власть была слаба и не могла проводить левацкую политику. Следует учитывать малоизвестные даже историкам факты о том, что белогвардейские правительства тоже вынуждены были проводить своеобразный «военный социализм», не помышляя ни о каком коммунизме. А. П. Бутенко, считая, что с самого начала Советская власть должна была вести курс на максимальную демократизацию страны, не принимает во внимание, что такая политика в 1917 г. привела Россию к развалу и подготовила выступление Корнилова, и эта история повторилась в 1918 г. в Самаре, Омске и Архангельске.

В. И. Ленин отмечал, что войну против Советской России начали вместе и белогвардейцы, и эсеры, и меньшевики. Последние—искренние сторонники демократии—оказывались на заднем плане, а во главе белогвардейцев становились элементы капиталистические и помещичьи. Необходимость борьбы с ними обеспечила союз пролетариата и крестьянства (См. Т. 43. С. 302). Но это был не только союз политический и военный. Военный союз, отмечал Ленин, не удержался бы и несколько недель без известного экономического союза. «Крестьянин получал от рабочего государства всю землю и защиту от помещика, от кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности» (Т. 44. С. 7).

Нет ни одного высказывания Ленина, в котором он оценивал бы продовольственную политику Советской власти как ошибочную, в том числе и комбедовского периода. «Разверст-

ка не «идеал», а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд—опасная ошибка» (Т. 43. С. 381),—вот одна из оценок. Другая: «Продовольственная политика Советской России в 1917—1921 годах, несомненно, была очень груба, несовершенна, породила много злоупотреблений. Был ряд ошибок при ее осуществлении. Но она была единственно возможной при тех условиях, в общем и целом» (Т. 44. С. 9). Меньшевики, эсеры, Каутский и К^о ставили большевикам в вину «военный коммунизм», отмечал Ленин, но «его надо поставить нам в заслугу» (Т. 43. С. 220). Ситуация «осажденной крепости» вынуждала не останавливаться ни перед чем, запереть оборот, но то, что было условием победы в блокированной стране, выявило свои отрицательные последствия к концу гражданской войны. Разорение мелкого производителя усилилось, восстановление крупной промышленности оттянулось, бюрократизм обнаружил себя вполне (Т. 43. С. 230—231).

Все эти меры были вынужденной необходимостью, но, отмечал Ленин, «мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота» (Т. 43. С. 63). Другой крайних мерах военного времени. «Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика, ... под влиянием этих обстоятельств и ряда других, мы сделали ту ошибку, что решились произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению» (Т. 44. С. 157). И это противоречило, отмечал Ленин, тому, что было написано весной 1918 г., когда большевики полагали, «что без периода социалистического учета и контроля перейти хотя бы к низшей ступени коммунизма нельзя» (Т. 44. С. 157—158). Негативный результат забегания вперед заключается в том, что большевики к весне 1921 г. на экономическом фронте потерпели поражение более серьезное, чем поражение, нанесенное им Колчаком, Деникиным, Пилсудским. «...Хозяйственная политика в своих верхах оторвалась от низов и не создала того подъема производительных сил, который в программе нашей партии признан основной и неотложной задачей» (Т. 44. С. 159).

Таким образом, «военный коммунизм» был порожден суровой военной необходимостью, он не был продуктом априор-

ной (марксистской) концепции развития, а был следствием милитаризованной экономики⁷⁰. «Военный коммунизм» складывался постепенно под влиянием первоначальных марксистских представлений о бестоварном социализме, но был также результатом революционного нетерпения, радикализма масс, устремившихся вперед, к новому строю. Большевики способствовали появлению радикальных настроений, но и радикализм масс влиял на политику РКП(б). В годы гражданской войны сформировалась разновидность «казарменного социализма», который неоднократно критиковали основоположники марксизма. Вот почему Ленин призвал партию решительно отказаться от политики «военного коммунизма» и осуществил «советский термидор», поставив страну на путь нэпа.

6. К строю цивилизованных кооператоров

Мы согласны с мнением, что истоки идеологии нэпа восходят к весне 1918 г.⁷¹ Нэп—это возврат к идеям многоукладной экономики, использования государственного капитализма, сотрудничества с иностранным капиталом, опоры на национализированный сектор крупной промышленности, государственного регулирования экономики. Новый уровень понимания В. И. Лениным проблемы строительства социализма состоял в том, что социализм должен был, по его мнению, утверждаться в рамках товарно-денежных отношений, на основе хозяйственного расчета и личного интереса. Социализм должен был теперь, по мысли Ленина, естественным путем вырастать из соревнования общественно-экономических укладов. Задачи руководящей партии Ленин видел в том, чтобы научиться «соединять противоположности», регулировать возникающие противоречия. «Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это—ребячья, совершенно ребячья идея» (Т. 45. С. 98),—говорил Ленин на XI съезде РКП(б) 27 марта 1922 г., призывая членов партии строить коммунизм «не коммунистическими руками», учиться хозяйствовать у буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому сами хотят идти (См. там же).

В связи с дискуссией о профессиональных союзах, возникшей в конце 1920 г.—начале 1921 г., выясняется отношение Ленина к проблеме синдикализма, т. е. перехода предприятий в ведение профсоюзов, сторонниками чего были эсеры. Ленин в 1918 г. писал, что полным отказом от социализма является

«прямое или косвенное» узаконение собственности рабочих на отдельные фабрики или отдельные производства, их право тормозить или ослаблять распоряжения общегосударственной власти (Т. 36. С. 481). Он учитывал, конечно, при этом негативный опыт сепаратизма и неумения управлять предприятиями, проявившийся в первые месяцы управленческой деятельности фабзавкомов.

Во время дискуссии о профсоюзах сторонники синдикализма ссылались на § 5 экономической части программы РКП(б), который гласил: «профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством»⁷². Ленин не отрицал этого положения, но подчеркивал, что профсоюзы управлять народным хозяйством не готовы. Они созреют для этого тогда, когда все поголовно будут уметь управлять, а профсоюзы смогут выставить любое число управляющих (Т. 42. С. 256—259). Отсюда вытекал знаменитый ленинский призыв к профсоюзам, как к организациям правящегося класса,— стать «школой управления, школой хозяйничанья, школой коммунизма» (Т. 42. С. 203). Профсоюзы, по мысли Ленина, стоят между партией и государством, являются «резервуаром» государственной власти, связывая партию с массами (Т. 42. С. 203—204).

Эти положения были закреплены в резолюции X съезда РКП(б) «О роли и задачах профсоюзов». Резолюция определила, что профсоюзы участвуют в управлении народным хозяйством, как делегируя своих представителей в хозяйственные органы, так и всем своим аппаратом⁷³. Таким образом, в 1921 г. Ленин остался сторонником централизованной системы управления, но считал, что со временем управление народным хозяйством должно перейти в руки профессиональных союзов (трудовых коллективов, сказали бы мы сегодня).

Сколько времени должны были профсоюзы учиться управлять? Ответ должна была дать жизнь. На наш взгляд, в 30-е гг. уже складывались предпосылки перехода управления предприятиями к выборным органам трудовых коллективов. Масовый переход к синдикалистской системе вполне мог быть осуществлен в 50-е гг. Но командно-административная система как раз в 30-е гг. фактически ликвидировала соучастие профсоюзов в управлении, сводя их роль до придатка госаппарата с функциями собеса.

Принципиально иным стал подход В. И. Ленина к зада-

чам преобразования деревни. Замена продрозверстки продналогом и свобода хозяйствования крестьянина в рыночных отношениях—это результат поиска Лениным новых форм отношений рабочего класса и крестьян. Ленин критически подошел к опыту коллективизации в годы гражданской войны: «Роль колхозов: много наглумили» (Т. 43. С. 382). И другим результатом, завершающим разработку Лениным концепции социализма, стал его анализ роли кооперации в социалистическом строительстве. Эта проблема подробно рассматривается В. Липицким в статье «Строй цивилизованных кооператоров»⁷⁴. Мы рассмотрим ее с точки зрения взаимодействия марксизма и народничества.

В. И. Ленин рассматривал кооперацию в первые годы Советской власти как форму госкапитализма, которую нужно использовать для организации всенародного учета и контроля и государственного распределения. Он имел в виду сложившуюся к 1917 г. в России систему потребительской, сбытовой и кредитной кооперации. Производственная кооперация находилась в зачаточном состоянии. В годы гражданской войны действовала тенденция к централизации и постепенному огосударствлению кооперации, хотя Ленин порой осаживал наиболее рьяных национализаторов. Так, он выступил против национализации кооперации на IX съезде партии в 1920 г., говоря о том, что кооперация охватывает зажиточных крестьян, класс, «ни в коей мере не поддающийся национализации» (Т. 40. С. 279).

Отношение Ленина к кооперации изменилось, как известно, в последние месяцы его творческой работы. Он перечислял в это время работы по истории и практике кооперации М. И. Туган-Барановского, А. В. Чаянова, большевиков Н. Мещерякова и Л. М. Хинчука, германского социал-демократа Ф. Штаудингера⁷⁵. На Ленина могла оказать влияние оценка кооперации народниками, но существовала и марксистская литература. К. Маркс и Ф. Энгельс говорили об использовании кооперации в переходный период. К. Каутский и Э. Бернштейн видели в кооперации не только средство или симптом движения, но и «отражение грядущего социального порядка» (Каутский), «основной камень в великой постройке будущего» (Бернштейн)⁷⁶. Видимо, синтезировав народническое и марксистское представление о кооперации, Ленин выработал свой подход к ней.

Он согласился с мнением Туган-Барановского и Чаянова,

что кооперация в рамках капиталистического государства является капиталистическим предприятием. Но повернул этот тезис иной стороной, указав на изменение характера кооперации в пролетарском государстве: «При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу» (Т. 45. С. 375). Отсюда и вывод: «...Простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма» (Т. 45. С. 376). Вновь Ленин подчеркивает мысль о том, что утопичные в одну эпоху идеи становятся реальностью в другой: многое из фантастического, романтического и даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров становится действительностью (Т. 45. С. 369).

Нэп приспособливался, по мнению Ленина, к уровню самого обыкновенного крестьянина, не требуя от него ничего высшего. А через кооперацию, через свой личный интерес он втягивается в построение социалистического общества «путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина» (Т. 45. С. 370). Ранее было принято ограничивать ленинские идеи сферой кооперирования крестьянства, да и сейчас есть авторы, отрицающие выработку Лениным новой модели социализма⁷⁷. Но ведь кооперация существовала в 20-е гг. и в деревне, и в городе. Ленин писал о «кооперировании России»: «В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» (Т. 45. С. 370). Ленин подчеркивал необходимость поддерживать «сверх обычного» со стороны государства общественный кооперативный строй, при котором в кооперативном обороте «действительно участвуют действительные массы населения», а также о том, чтобы заставить «всех» участвовать в кооперативных операциях (Т. 45. С. 371—372).

Таким образом, есть все основания для вывода о том, что Ленин в конце своей жизни отказался от модели государственного социализма и пришел к мысли о том, что, используя многоукладную экономику и все шире развивая кооператив-

ное движение, можно прийти к «строю цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства» (Т. 45. С. 373). А с развитием кооперативного социализма Ленин и связывал «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (Т. 45. С. 376).

Выступая за плюрализм в экономике, В. И. Ленин был против плюрализма в области политической, хотя ранее приветствовал многопартийность пролетарского государства. В мае 1919 г. он писал, обращаясь к венгерским рабочим: «Вы дали миру еще лучший образец, чем Советская Россия, тем, что сумели сразу объединить на платформе настоящей пролетарской диктатуры всех социалистов» (Т. 38. С. 388). По инициативе Ленина принимались меры для привлечения к сотрудничеству с Советской властью лояльных ей социалистических партий в 1917—1919 гг. Но в апреле 1921 г. Ленин требовал от ВЧК в записке В. М. Молотову осуществления мер:

- «1) Доликвидация с.-р. и усиление надзора;
- 2) то же меньшевики» (В. И. Ленин и ВЧК. М., 1987. С. 411).

Такая жесткость объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что формально легализованные в конце 1918—феврале 1919 г. партии эсеров и меньшевиков не прекратили политическую и вооруженную борьбу против Советской власти. В 1920—1921 гг. эсеры возглавили мелкобуржуазную контрреволюцию, поднявшуюся в деревне на восстания, меньшевики провоцировали в городах рабочих на забастовки, пользуясь голодом и разрухой. В. И. Ленин писал, что мелкобуржуазная демократия власти не удержит, станет, как и в 1918 г., ступенькой к всевластию буржуазии (Т. 44. С. 11). «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), писал он в 1921 г.,— иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора» (Т. 43. С. 383). В 1921—1922 гг. Ленин требовал в борьбе с мелкобуржуазной контрреволюцией вести как разоблачительную, контрпропагандистскую работу, так и применять политические и репрессивные меры, направленные на пресечение анти-советской деятельности эсеров и меньшевиков⁷⁸.

В. И. Ленин осознавал негативные последствия централизованной государственной системы, зловещую опасность бюрократизма, открыто критиковал недостатки госаппарата. Он

предложил в «Письме к съезду» осуществить ряд перемен в политическом строе. Его предложения были направлены на демократизацию существовавшей политической системы изнутри ее. Этой цели должна была служить реорганизация госаппарата, создание органов объединенного государственного и партийного контроля, которые бы могли стать противовесом всему партийному и государственному аппарату, контролировать его вплоть до Генерального секретаря ЦК РКП(б). Ленин остался верен идее непосредственного участия масс в управлении, поэтому советовал привлекать в состав ЦК и ЦКК РКП(б), в Рабкрин лучших рабочих, не прошедших школу бюрократизма в советских учреждениях. Цель реорганизации—сохранить и упрочить союз рабочих и крестьян при руководстве за рабочим классом (Т. 45. С. 387, 404). Результатом преобразований, по мысли Ленина, должен был стать переход от уровня отсталой малограмотной крестьянской страны к уровню цивилизованной индустриальной державы.

* * *

Итак, большевистская концепция социализма развивалась в 1917—1923 гг. под влиянием первоначальных представлений марксизма о государственном социализме, чрезвычайной обстановки мировой и гражданской войн. Непосредственное воздействие на большевизм оказали неонароднические идеи о социализации земли и кооперативном строительстве. Но представлять большевизм этапом народничества нельзя. Основой большевизма было марксистское учение о классовой борьбе, пролетарской революции, диктатуре пролетариата. В. И. Ленин, настойчиво изыскивающий пути привлечения крестьян на сторону рабочего класса, привел партию к восприятию наиболее жизненных идей народничества, утопичных до Октября и ставших реальными после установления Советской власти. В результате Ленин в конце своих дней отказался от модели государственного социализма и начал разработку модели кооперативного социализма. Большевизм в ленинской трактовке—это своеобразный русский марксизм, впитавший в себя идеи русского крестьянского социализма.

Ленин предлагал путем нэпа и кооперативного строительства осуществить кооперирование индивидуального крестьянского хозяйства и всего населения страны. Логическим завершением этих идей могло стать превращение государственных промышленных предприятий в своеобразные кооперативы, как предлагали народные социалисты, преодоление отчуждения

трудящихся от собственности. Драма Ленина состояла в том, что он не успел привить партии новый взгляд на социализм, а его истинные последователи—Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский и др. потерпели поражение. Это было связано с тем, что не был выполнен завет Ленина о демократизации партии и советской политической системы. РКП(б), как партия революционного действия, не сумела стать партией социальных реформ.

Известно, что И. В. Сталин вначале отстранил от власти, а потом и уничтожил ленинскую партийную гвардию, варварскими методами утвердил отвергнутую Лениным модель государственного социализма. Он сейчас разваливается. Общество мучительно отыскивает путь дальнейшего развития. Наш взгляд, концепция кооперативного социализма, основанная на синтезе марксистских и народнических идей, имеет право на существование и сегодня как идеал будущего.

Глава III

ПОЧЕМУ КРЕСТЬЯНЕ ПОШЛИ ЗА БОЛЬШЕВИКАМИ

1. Становление союза рабочих и крестьян

В период от Октября и до окончания гражданской войны можно выделить, по нашему мнению, следующие этапы развития политических настроений крестьян и становления союза рабочего класса и крестьянства. 1) Октябрь 1917 г.—июнь 1918 г.—этап утверждения Советской власти и демократических преобразований в деревне, ликвидации помещичьего землевладения. Союз рабочего класса со всем крестьянством при опоре на бедноту. 2) Лето—осень 1918 г.—пролетарский, комбедовский этап Октябрьской революции в деревне. Раскол крестьянства, борьба бедноты с кулачеством. Поворот середняка в сторону противников революции, а потом в ряде районов страны—назад, в сторону Советской власти. 3) Ноябрь 1918 г.—июнь 1919 г.—поворот, с колебаниями, среднего крестьянства в сторону рабочего класса, закрепленный наступлением войск Колчака и Деникина. 4) Вторая половина 1919 г.—осень 1920 г.—военный и политический союз рабочих и крестьян. Поддержка массой крестьянства Советской власти ввиду опасности возвращения старых порядков и помещичьего землевладения. Этап завершается острым кризисом во взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства, Советской власти и деревни вследствие нежелания крестьян далее терпеть политику «военного коммунизма».

Во все эти годы деревенская беднота была опорой Советской власти, тогда как кулацкая, зажиточная верхушка деревни ориентировалась на контрреволюционные силы, становясь во главе крестьянских восстаний. Сложные отношения большевиков с неонародническими партиями в основном соответствовали этапам колебаний крестьянских масс, хотя в различных районах страны были свои особенности, связанные

с их экономическим положением, развитием классовой борьбы и с ходом военных действий.

Политическая линия эсеровских партий представляла из себя «скорбную кривую»¹. Тактика, средства и методы политической и идеологической борьбы неонародников чаще всего не были адекватными настроениям крестьянских масс, что и привело к политическому краху неонародников. Не сумев выработать правильную тактику, опереться на крестьян в борьбе за достижение своих программных целей, эсеры использовали индивидуальный террор, другие террористические акции против Советской власти. В ответ следовали жесткие меры со стороны карательных советских органов. В пропаганде и агитации эсеры, и правые, и левые, сбивались на ложь, клевету, домыслы, распространение слухов,—методы, недостойные и дискредитирующие их.

Партия большевиков завоевала доверие крестьянства, давая ему землю и мир в первые месяцы Советской власти, но далее отношения ее с крестьянами обострились. Большевики проводили продовольственную политику, не удовлетворяющую крестьянство, и все же в массе своей крестьяне примирились с мерами «военного коммунизма» ввиду опасности реставрации помещичьего землевладения. Решающее значение сыграли стойкость и принципиальность РКП(б), твердобробовшейся за сохранение Советской власти, спасение рабочего класса от голода, сохранение союзнических отношений с трудящимися крестьянами.

Большевики применяли меры принуждения вплоть до красного террора. Вместе с тем они активно убеждали людей, призывали их преодолевать тяготы военного времени, бороться во имя будущего справедливого строя. Была за большевиками правда, которая, по словам Ленина, «пробивалась в голы всех» (Т. 40. С. 252). В большевистской идеологии периода гражданской войны было много утопичного. Но в одном большевизм был созвучен глубокому внутреннему убеждению большинства крестьян и рабочих—их пониманию бесперспективности существования в рамках прежней системы, нежелание возврата к старому. Очень точно эту, не всегда видимую внутреннюю связь большевистской партии с народом передал М. И. Калинин. Выступая в селе Золотом Саратовской губернии на митинге 29 июля 1919 г., он говорил: «Коммунисты—это только вожаки, которые умеют отражать, выявлять словами ту думу, те страдания, которые рабочие и

крестьяне переживают, и указывают им путь. Только в этом наша сила, и Деникин это знает. Когда говорят о коммунистах, то он великолепно понимает, что коммунистов—единицы. Разве огромную, миллионную Россию могут двинуть коммунисты? Нет, здесь выливаются тысячелетние страдания народа»².

2. Борьба и сотрудничество

Первые несколько месяцев Советской власти были решающими в отношениях большевиков, неонародников и крестьян. Эсеры увлекли за собой крестьянские массы в 1917 г., а затем оттолкнули их от себя своим отказом выполнять собственные обещания. Как писал в 1924 г. видный эсер В. Руднев, интеллигенция пошла в народ после Февральской революции с убеждением, что ее идеалистические традиции соответствуют чаяниям крестьянских масс. Но народ не проявил ожидаемого доверия к интеллигенции, не признал руководства «старшего брата», «предпочитая жить своим мужицким умом, вернее руководствоваться стихийными инстинктами»³. Правые эсеры утратили способность слышать народ. А молодые члены партии, представители низших слоев интеллигенции, солдаты, рабочие и крестьяне, не могли не поддаться напору страдающих от бедствий войны, горящих злобой к правящим классам, жаждущих перемен масс, поэтому пошли на осуществление Октябрьской революции вместе с большевиками.

Левые эсеры колебались, долго оглядывались на правых эсеров и уже после исключения их из партии IV съездом ПСР в декабре 1917 г. окончательно оформили соглашение с большевиками и вошли в состав СНК. Блок большевиков и левых эсеров имел под собой социальную базу — союз рабочих и крестьян. В. И. Ленин отмечал, что большевики провели закон о социализации земли (Декрет о земле) тогда, когда соглашения с левыми эсерами не было. А это означало соглашение с средними крестьянами, а не с левоэсеровскими «интеллигентами» (Т. 37. С. 36). Видный левый эсер А. Устинов на конференции военных организаций левых социалистов-революционеров в ноябре 1917 г. говорил: «Декрет о земле—это целиком наша программа», правительство в земельном вопросе исполняет волю крестьянства, несмотря на то, что социал-демократия иначе решает этот вопрос⁴. Другой левый эсер С. Рудаков писал в органе партии «Знамя труда» 21 ноября 1917 г., что «...большевизм говорит голосом солдат и ра-

бочих, выражает их чаяния и надежды». Вот почему левые эсеры пошли на блок с большевиками—чтобы не потерять ушедшие вперед массы.

Большевики тоже нуждались в соглашении с левыми эсерами для закрепления союза рабочего класса с крестьянством. В. И. Ленин говорил на Чрезвычайном Всероссийском съезде крестьянских депутатов в ноябре 1917 г.: «Крестьяне хотят земли, запрещения наемного труда, инвентаря для обработки. Мы говорим им: вы хотите земли, но земли заложены и принадлежат русскому и иностранному капиталу. Вы бросаете вызов капиталу, вы идете при этом другим путем, чем мы. Но мы с вами сходимся в том, что идем и должны идти к социальной революции» (Т. 35. С. 95). Это было обращение и к левым эсерам. Стратегических разногласий у двух партий не было. Цель была общей—социализм. У большевиков было определенное недоверие к мелкобуржуазному крестьянству, которое народники считали «социалистичным», но это противоречие было вполне преодолимым, тем более, что планы социальных преобразований в деревне двух партий имели и общие моменты. В нормальной обстановке при осторожной постановке социалистических экспериментов в деревне сторонники различных путей построения социализма могли совместно найти приемлемую для страны модель развития.

Тактические разногласия между большевиками и левыми эсерами не имели принципиального характера до середины декабря 1917 г., а после вхождения представителей ПЛСР в СНК стали минимальными вплоть до конца февраля 1918 г., когда встал вопрос о заключении мира с Германией. Аграрная и внешняя политика Советской власти проводилась в это время в согласии обеими партиями при мощной поддержке рабочих и крестьян.

После Октября осуществлялся организованный переход помещичьей земли в руки земельных комитетов и крестьянских Советов, но продолжался и стихийный разгром имений, начавшийся в сентябре 1917 г., расхищалось их имущество, скот, зерно и т. д. Как сообщал агитатор В. И. Ерохин в ЦК РСДРП(б) 2 декабря 1917 г., крестьянин понял революцию так: «раз я свободный, не препятствуй мне» и не доверяет тем, кто мешает растаскивать имущество помещиков⁵. Правящие партии совместно боролись со стихией крестьянского движения, стремясь спасти имения от разгрома и организованно провести раздел земли.

Блок большевиков и левых эсеров способствовал вытеснению правых эсеров из крестьянских Советов, их объединению с Советами рабочих и солдатских депутатов. Если в губернских городах Советская власть устанавливалась быстрее там, где была более развитая промышленность с крупными отрядами рабочего класса, то объединение Советов происходило раньше там, где были более сильные и деятельные организации левых эсеров. Власть объединенных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была, например, создана в одной из первых в Псковской губернии. Здесь 28 ноября—1 декабря 1917 г. был созван III губернский съезд крестьянских депутатов, на котором преобладали беспартийные депутаты, а большевистская фракция уступала левозэсеровской. Съезд выбрал исполком Совета крестьянских депутатов, в котором большинство было у левых эсеров. 2 декабря произошло объединение исполкомов губернских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Председателем президиума был выбран левый эсер Н. Петров⁶. В декабре 1917 г. произошло объединение Советов еще в 13 как промышленных, так и сельскохозяйственных губерниях Европейской России. Позднее, чем в других губерниях, произошло окончательное объединение Советов в Тамбовской и Нижегородской губерниях (в марте 1918 г.), тоже различающихся одна от другой по уровню экономического развития. Но в них были слабые левозэсеровские организации, имевшие небольшое влияние на крестьян.

Левые эсеры были в большинстве на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов (10—25 ноября 1917 г.). К 18 ноября на съезд прибыло 350 делегатов, из них 195 левых эсеров, 37 большевиков. При открытии II Всероссийского съезда крестьянских депутатов (26 ноября—10 декабря 1917 г.) за левыми эсерами шло 350 делегатов, за правыми эсерами—305, за большевиками—91⁷. После месячного Всероссийского форума крестьян, наполненного страстными дискуссиями, произошло объединение исполкомов Всероссийского Совета рабочих и солдатских и Всероссийского Совета крестьянских депутатов, а СНК стал двухпартийным. Ясно, что без левых эсеров это было невозможно.

Правые эсеры выбрали путь борьбы с Советской властью. Они удерживали за собой часть крестьянства, руководили многими крестьянскими Советами в ноябре—декабре 1917 г. и некоторыми—в начале 1918 г. Правые эсеры пользовались

поддержкой зажиточных крестьян, не призывавшихся в армию, нажившихся за годы войны, с выгодой для себя использовавших выросшую за это время систему кредитных, сбытовых и потребительских кооперативов, не спешивших с революционными преобразованиями. Эта верхушка деревни укрепилась в волостных и уездных земствах после их выборов в августе—сентябре 1917 г.

Эсеровский ЦК, надеявшийся на войска Краснова, шедшие на Петроград, занял непримиримую позицию на переговорах социалистических партий, организованных Викжелем, по поводу создания однородного социалистического правительства. ЦК предъявил, по сути, ультиматум, заявив, что правительство не должно исходить из большевистского перелома и состоять из представителей социалистических партий, но без большевиков⁸. Когда стало известно о поражении войска Краснова, правэсеровский Исполнительный Комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов сделал предложение и, вновь потребовав создания правительства без большевиков, пообещал: «если другие общественные организации сочтут для себя возможным сотрудничество с большевиками в новом правительстве, не оказывать такому сотрудничеству...»⁹. Наконец, когда правые эсеры потерпели поражение на II Всероссийском съезде крестьянских депутатов и откололись от него со 150 депутатами (4 декабря 1917 г.), отколовшаяся часть, обсудив вопрос о создании однородной социалистической власти, согласилась с просьбой В. Чернова не включать его в премьеры и не требовать исключения большевиков из правительства¹⁰. Так эсеры отставали от событий. Они отказались сформировать коалиционное правительство из социалистов до Октября и не заняли в нем место из-за своей недалекости после Октябрьской революции.

Эсеры победили на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. голосами крестьян, еще не узнавших о декретах II Всероссийского съезда Советов. Но получили ли эсеры вотум доверия от крестьян? Деревня проголосовала еще раз за партию, обещавшую ей помещичью землю, но с эсерами большинство крестьян уже разошлось. С сентября 1917 г. крестьяне поднялись на восстание, громили имения и захватывали землю вопреки призывам эсеров ждать Учредительное собрание. Как вспоминал крестьянин В. Г. Лысов из села Теликовки Самарской губернии, «все еще мы назывались со-

циалистами-революционерами, а на деле выпятили программу партии большевиков»¹¹. Узнавая о декретах о мире и земле, крестьяне отдавали уже голоса левым эсерам и большевикам. А по отношению к Учредительному собранию в декабре 1917—в начале 1918 г. чаще всего принималась на крестьянских собраниях и съездах формула «постольку-поскольку», принятая II Всероссийским съездом крестьянских депутатов,—содействовать Учредительному собранию, если оно поддержит политику Советов, и оказывать ему противодействие, если оно начнет борьбу с Советами¹². Поскольку Советы набирали все большую силу, утверждая свою власть, у правых эсеров оставался один шанс влиять на события, как об этом говорил, например, Г. Зиновьев на заседании ВЦИК 22 декабря 1917 г.,—признать Советскую власть, ибо осуществление их программы (демократической парламентарной республики) возможно было только после гибели Советов¹³. В этом случае эсеры могли дать через Учредительное собрание программу реформ для осуществления ее Советами, сохраняя свое влияние и работу в советском аппарате. Но эсеры не пошли и на этот раз на компромисс. ВЦИК, распустив Учредительное собрание, нарушил формальную демократию, но не волю народа. Это признал в 1919 г. один из видных эсеров—Н. В. Святыцкий. Он отметил, что Учредительное собрание и народное собрание не имели под собой социально-экономического базиса. «Но гражданской войной его не завоеешь. Его надо завоевать, обращаясь к народному уму-разуму. И притом великие цели, какие себе позволило большинство русского народа, за цели Великой Социальной революции»¹⁴.

Роспуск Учредительного собрания утвердил III Всероссийский съезд Советов по второй половине января 1918 г., на котором произошло окончательное объединение Совета рабочих и солдатских и Совета крестьянских депутатов, а затем и состоявшиеся в январе 11 губернских съездов Советов (в Самаре и Перми правые эсеры собрали параллельные губернские съезды Советов крестьянских депутатов, осудившие роспуск Учредительного собрания). В том же месяце состоялось 78 уездных съездов, 91% из них одобрил роспуск Учредительного собрания¹⁵. Крестьяне голосовали за Советскую власть. А правые эсеры взяли курс на подготовку вооруженной борьбы за Учредительное собрание. Вновь ПСР применила тактику и методы борьбы, не отвечавшие особенностям момента и

настроению крестьян. Крестьянство делило в это время помещичью землю под руководством земельных органов Советов, а правые эсеры призывали его выступить против Советской власти!

Драматическая борьба развернулась вокруг Брестского мира. Известно, что Ленин с трудом смог убедить ЦК РКП(б), а затем и партию принять унизительный договор. ЦК левых эсеров высказался против, но часть лидеров ПЛСР, в том числе М. А. Спиридонова, считали необходимым заключить мир. Как известно, большинство солдат и крестьян продолжать войну не желало. В дни работы IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов в марте 1918 г., обсуждавшего вопрос о ратификации Брестского мира, в его адрес поступали телеграммы от местных Советов с выражением отношения к мирному договору. Из 22 губернских Советов за мир высказались 12, против—10, из 67 уездных Советов за мир было 33, против 34, из 31 волостного Совета за выступило 22, против—9. Чем ближе стояли Советы к крестьянским массам, тем решительнее они высказывались за мир¹⁶. М. Спиридонова говорила на II съезде ПЛСР в апреле 1918 г.: «Мир был подписан не нами и не большевиками, он был подписан нуждой, голодом, нежеланием всего народа—измученного, усталого—воевать»¹⁷.

Не приняв Брестский мир, правые и левые эсеры развернули деятельность, направленную на срыв мира. Представители крестьянского социализма не приняли в это время и продовольственную политику Советской власти и взяли курс на осуществление вооруженного переворота. Правые эсеры на VIII съезде партии в мае 1918 г. приняли решение привлечь союзников для борьбы с «германским засильем» на территории России—«с согласия законной власти», имея в виду правительство, созданное после свержения большевистской диктатуры Учредительным собранием¹⁸, санкционировав, таким образом, военную интервенцию страны. После того, как правые эсеры с помощью чехословацкого корпуса совершили переворот в Самаре и Сибири, ВЦИК исключил из своего состава их вместе с меньшевиками, предложив всем Советам удалить представителей этих партий из своего состава. ЦК левых эсеров принял 24 июня 1918 г. решение осуществить террористический акт против германского посла графа Мирбахера для того, чтобы спровоцировать войну с Германией и «выправить» политику Советской власти. Таким образом, и пра-

вые, и левые эсеры сыграли роль подстрекателей гражданской войны в Советской России.

3. Раскол деревни и политический крах эсеровских партий

После раздела помещичьей земли закончилось сотрудничество большинства крестьян с Советской властью. Уже в ходе раздела возникли противоречия в деревне: беднота ставила вопрос о «черном переделе» всех земель, чему противилась зажиточная часть крестьянства. Противоречия обострил голод. В 1917 г. был недород хлеба в нечерноземной зоне России, куда и ранее хлеб ввозился из плодородных губерний. В трудном положении оказалась беднота во всех районах страны, так как ее хозяйство сильнее пострадало в годы войны. Голодало население промышленных центров. Советское правительство вынуждено было ввести продовольственную диктатуру, предоставив чрезвычайные полномочия наркомпроду для проведения хлебной монополии.

Отношение крестьян к этой политике было неоднозначным в различных районах страны, а порой и в различных уездах одной губернии. Возьмем Нижегородскую губернию. В ней хлебными были юго-западные уезды, но они пострадали от недорода 1917 г. В других, неплодородных уездах крестьянам и в лучшие годы своего хлеба не хватало. В целом губерния была потребляющей, население Нижнего Новгорода, других городов и многих уездов голодало. Попытка губпродкома взять хлеб в более благополучных уездах натолкнулась на сопротивление крестьян.

В Княгининском уезде 24 июня 1918 г. уездный исполком принял решение объявить бойкот 14 волостям, отказавшимся сдавать хлеб, прекратить им выдачу всех товаров из уездного продкомиссариата¹⁹. Преобладающим в губернии было требование частичной отмены хлебной монополии и права местным организациям самостоятельно закупать хлеб в плодородных губерниях ввиду того, что губпродком хлебом население не обеспечивал. Такого рода требования встречаются в резолюциях крестьянских сходок и собраний Нижегородского, Княгининского, Лукояновского, Павловского уездов²⁰. Так, Хвощевское волостное собрание Павловского уезда 13 мая 1918 г. отстаивало право волостного Совета выдавать голодающим удостоверения для закупки и решило направить своих представителей в губернию для исходатайствования волос-

ти права на свободную закупку хлеба. В то же время собрание постановило оповестить губернию и Совет Народных Комиссаров о критическом положении населения волости, «обратить внимание на упорство имеющих хлеб в губерниях производящих» и напомнить продовольственным органам о снабжении продовольствием 8000 едоков волости²¹. Крестьяне производящих губерний, имеющих излишки хлеба, естественно, были против твердых цен, стремясь нажиться на вольных ценах. Во всех губерниях беднота выступала за сохранение твердых (низких) цен на хлеб, кулаки и зажиточные средние крестьяне выступали за свободу торговли, за отмену хлебной монополии.

Правые эсеры, выдвинув лозунг отмены монополии и свободу торговли, выражали интересы верхушки деревни. Большевики, борясь за государственную монополию закупок хлеба и твердые цены, спасали от голода городскую и сельскую бедноту. Левые эсеры, защищавшие интересы «трудового крестьянина», т. е. середняка, не выработали четкой линии. Они были за сохранение хлебной монополии и твердых цен при организации товарообмена через местные советы при твердых ценах и на промышленные товары. При разрушенной промышленности это было утопией. Отсюда отступления левых эсеров от хлебной монополии: в Казанской и Вятской губерниях они повышали закупочные цены на хлеб, в потребляющих губерниях поддерживали право самостоятельных закупок продовольствия местными органами. Левые эсеры сместились вправо, защищая интересы не только середняка, но и кулака. Они не поняли, что на почве продовольственной политики разворачивается классовая борьба. «Если вы за хлебную монополию,—говорил им Г. Зиновьев,—то поддерживайте комитеты бедноты и посылку в деревню реквизиционных отрядов»²².

Это понимание было у низов ПЛСР, у ряда местных организаций. Например, четыре поволжских организации ПЛСР—Саратовская, Самарская, Симбирская и Пензенская—поддерживали политику СНК в продовольственном вопросе²³. Более реальный выход для левых эсеров был по линии соглашения среднего крестьянства с беднотой в комбедах для борьбы с кулачеством, тем более, что декрет об организации деревенской бедноты предполагал включение в комбеды крестьян, не эксплуатирующих чужой труд. Уже осенью 1918 г. левые эсеры приняли на своем IV съезде партии решение придержи-

ваться в отношении комбедов тактики «постольку-поскольку»: если середняки участвуют в комбедах, поддерживать их. Причем за эту формулу голосовало 20 делегатов, 24 были за безусловное участие в комбедах, только 12 голосовали против²⁴. Так, левые эсеры признали фактически ошибочность своей тактики, рассорившей их с большевиками. Они отставали от событий, как в свое время отставали правые эсеры.

Поворот в исторической судьбе левых эсеров определила их авантюра 6 июля. Ю. Н. Фельштинский в 1985 г. опубликовал книгу об истории взаимоотношений большевиков и левых эсеров, в которой навязывает одну из версий западной историографии: оказывается, покушение на Мирбаха организовал Ф. Э. Держинский с ведома Ленина для того, чтобы разгромить левых эсеров и установить безраздельное господство большевиков в советской системе²⁵. В публикации 1992 г. Фельштинский эту версию повторил, уточнив, что Ленин о готовящемся покушении на Мирбаха «скорее всего не знал. Никаких даже косвенных указаний на его причастность к покушению нет»²⁶. Инсинуации советолога убедительно опровергли на большой документальной основе Л. Овруцкий и А. Разгон²⁷. Добавим: предвзятость Фельштинского была очевидна и ранее. Он писал, что ЦК ПЛСР признал этот теракт своим потому, что-де отказаться от него означало отказаться и от политики на срыв Брестского мира. Но ведь убийство Мирбаха признали партийным делом и I совет партии в начале августа и IV съезд ПЛСР в начале октября 1918 г., когда уже было ясно, что 6 июля погубило партию, развалило ее. Нет никаких признаний левых эсеров о непричастности партии к этому делу.

Выступление ЦК ПЛСР 6 июля было неожиданным для самой партии, вызвало недовольство многих организаций и рядовых членов. Мятеж осудили 40 % левозсеровской фракции V Всероссийского съезда Советов²⁸. Западный областной комитет ПЛСР заявил, что «восстание, вернее мятеж, против Советской власти было совершено кучкой авантюристов и имело целью вызвать контрреволюционное движение»²⁹. В Поволжье мятеж осудили четыре губернских организации партии—Астраханская, Тверская, Саратовская и Пензенская, 14 уездных организаций³⁰. Большая же часть организаций ПЛСР занимала или колеблющуюся позицию или одобрила мятеж. Попытка Саратовской городской организации и части членов ЦК сплотить партию на основе сотрудничества с большеви-

ками не удалась, из нее выделились партии революционного коммунизма и народников-коммунистов. Начался выход членов партии из ее рядов, распад организаций. Если в июне и ее рядах было 80 тысяч членов, то к началу октября—30 тысяч. Резко уменьшилось ее представительство в Советах, хотя партия как политическая организация не запрещалась. По решению V Всероссийского съезда Советов из Советов удалялись те левые эсеры, которые были солидарны с действиями ЦК ПЛСР.

Левые эсеры пытались кое-где поднять крестьянские восстания в поддержку московского мятежа, в Холмском уезде Псковской губернии, в Жиздринском уезде Калужской губернии. Левые эсеры возбуждали крестьян слухами о том, что приехал отряд для реквизиции хлеба на корню (в Жиздре), что уездный продкомиссар, большевик, специально морит крестьян голодом (в Холме)³¹.

После мятежа чехословаков и образования эсеровских правительств гражданская война набрала полную силу. На руку эсерам играло недовольство кулаков и средних крестьян продовольственной политикой. Средние крестьяне-середняки от Советской власти. Но прямого участия крестьяне-середняки в эсеровских переворотах в Сибири и в Самаре не приняли. На территории Самарского Комуча крестьяне занимали вначале, как отмечал эсер-максималист А. Дорогойченков (в 1918 г. в апреле-мае был председателем губисполкома, в 1919 г. вступил в РКП(б)), позицию «непротивления», нейтрально-выжидательного характера. Попытки помещиков с помощью народной армии и белочехов восстановить свои позиции в деревне, репрессии по отношению к сторонникам Советской власти насторожили крестьян. А начало принудительной мобилизации в народную армию Комуча встретило со стороны основной массы крестьян сопротивление. Крестьяне заявляли, что для партийной борьбы и гражданской войны сыновей не дадут³². Мобилизованные крестьяне из армии дезертируют, появляются партизанские отряды. С августа 1918 г. начинается в Среднем Поволжье поворот крестьян в сторону Советской власти. История эсеровских правительств закончилась переворотами реакционной военщины—Колчака в Сибири и на Урале, Миллера на Севере. Эсеровская демократия расчистила путь для правой реакции и сама пала ее жертвой. Составной частью гражданской войны стали крестьянские

восстания по ту и другую сторону фронта. По данным ВЧК по 20 губерниям Советской России в 1918 г. было 245 восстаний, а всего за первые годы Советской власти—400³⁴. Большинство из них происходили в деревне. По подсчетам Т. В. Осиповой, в первой половине 1918 г. произошло более 120 антисоветских вооруженных выступлений, наибольшее их число было спровоцировано в апреле-мае на почве голода³⁵. В организации их участвовали различные политические силы, но очень активную роль играли при этом правые эсеры. После образования Комуча и военных успехов его армии и чехов эсеры активизировали работу по организации крестьянских восстаний. Летом 1918 г. многие восстания идут под эсеровским лозунгом Учредительного собрания. Осенью 1918 г. этот лозунг был скомпрометирован поражением эсеровских правительств. Появляется лозунг «Советы без коммунистов». По сведениям Л. М. Спирина, с июля по конец 1918 г. произошло 129 восстаний, в т. ч. в июле—13, в августе—29, в сентябре—17³⁶, следовательно, на октябрь—декабрь приходится 70. Восстания осенью 1918 г. приобретают широкий размах, особенно в производящих губерниях. По всей Тамбовской губернии, где и влияние эсеров было все годы гражданской войны значительным, распространяются восстания крестьян³⁷.

Причины восстаний крестьян: недовольство продовольственной диктатурой, запрещением свободы торговли в производящих губерниях; голод, невозможность приобрести хлеб при неудовлетворительном государственном снабжении в потребляющих губерниях. Многие восстания вспыхивают при принудительном наборе крестьян в Красную Армию. НКВД в циркулярном письме на места от 1 января 1919 г. одной из причин восстаний называл недостаточную тактичность местных властей, неумелое выполнение заданий центра и непонимание характера работы при сборе чрезвычайного налога, контрибуций, конфискаций, отделения церкви от государства³⁸. Все это использовали враги Советской власти для провоцирования восстаний.

Т. В. Осипова, много писавшая о классовой борьбе в деревне в 1917—1918 гг., отказалась от своих прежних оценок. В 1990 г. в статье «Обманутый класс» она заявила, что пора перестать называть массовую борьбу крестьян против политики «военного коммунизма» бандитизмом и оценивать крестьянские восстания как кулацкие, ибо «кулачество, борясь за свое существование, вместе с тем отстаивало коренные инте-

ресы всего крестьянства»³⁹. Эсеровский публицист Ф. Степун тоже в 1929 г. пытался оправдать крестьянский бандитизм. Для него бандитами были большевики, грабящие деревню, крестьяне-повстанцы — представителями массового революционного движения. «Массовые же акты в последнем счете, — писал он, — в исторической перспективе объективны и бескорыстны, несмотря на часто беспредметную идеологию вождей и злостную корысть толпы»⁴⁰. М. Спиридонова называла крестьянские восстания социалистичными и революционными⁴¹. Оценка очевидца восстаний, тоже левого эсера, была иной. На IV съезде ПЛСР делегат от Костромской организации протестовал против оценки своим товарищем восстания в «В.» (Варнавинском.—?) уезде как стихийного, но не контрреволюционного: «...когда оно начиналось, то действительно крестьяне шли против большевиков и не больше того, но в конце концов все вылилось в чистейшую белогвардейскую авантюру, ... руководят восстанием белогвардейцы... Левыми эсерами это приветствовалось, тогда как в К. (Ковернино.—?) левых эсеров избивали, даже убивали»⁴².

Ю. А. Поляков высказывал мысль, что надо определять восстания по их содержанию и форме. По его мнению, крестьянские восстания надо характеризовать как кулацкие, т. е. движущей силой их были кулаки, а по формам борьбы как политический бандитизм⁴³. Да, кулаки боролись за свое существование как слоя сельской буржуазии. Средние крестьяне втягивались нередко в борьбу под угрозой расправы и общинной дисциплины. Восставшие крестьяне применяли самые жестокие методы расправы над коммунистами, советскими работниками, а часто и их семьями: изощренные убийства, захоронение живыми, утопление в водоемах и т. п. Это были бандитские методы. В ответ следовали при подавлении восстаний аресты и расстрелы их организаторов и активных участников. При упорном сопротивлении повстанцев применялась порой и артиллерия для обстрела деревень и сел. Повстанцы обычно использовали партизанскую тактику, особенно умело во время тамбовского восстания 1920—1921 гг.

Возвращаясь к оценке восстаний крестьян, подчеркнем: по содержанию и руководящей силе они были кулацкими, по методам — политическим и уголовным бандитизмом, по военной форме — партизанским движением. По составу участников — крестьянскими.

Методом классовой борьбы был террор. Применялся он

всеми участниками драмы — белыми, красными, зелеными. Белый террор предшествовал красному. При утверждении власти Комитета членов Учредительного собрания в Самаре было расстреляно и замучено до смерти 300 человек, в Симбирске — 400, в Хвалынске — 500⁴⁴ и т. д. Тюрьмы были набиты коммунистами, советскими работниками, красноармейцами, сочувствующими Советской власти. В Самаре, как сообщала «Земля и воля», газета самарских эсеров 18 (31) июля, в страшной тесноте содержалось до 1500 человек. В маленьком Хвалынске было арестовано около 800 человек⁴⁵. Особоуполномоченный Комуча по г. Хвалынску докладывал в Самару, что пришлось устроить плавучую тюрьму, т. е. все места заключения были переполнены⁴⁶. То же самое творилось Прикамским Комучем. За первые три дня после переворота в Ижевске было арестовано и направлено в тюрьму три тысячи человек. В Воткинске с августа по октябрь 1918 г. было замучено 700 рабочих⁴⁷. Напомним, что красный террор был объявлен в разгар гражданской войны в начале сентября 1918 г., после осуществления эсерами террористических актов против М. С. Урицкого и В. И. Ленина.

В 1918 г. было убито кулаками во время восстаний более 20 тысяч представителей рабочего класса и бедноты⁴⁸. Большевики применяли ответные жестокие меры. По сведениям ВЧК в 20 губерниях в 1918 г. при подавлении восстаний погибло со стороны красных 878 человек, убит 1821 повстанец. ВЧК расстреляла за этот год 6300 человек, из них 2431 — за участие в восстаниях, 396 — за призыв к восстанию, 1637 — за участие в контрреволюционных организациях⁴⁹. Сведения неполные. Они говорят о суровой драме гражданской войны и невозможности выдерживать во время нее «третью линию». Правые эсеры определенно встали на сторону контрреволюции, левые эсеры, считая себя сторонниками Советской власти, лили воду на ту же мельницу. Вот почему рядовые члены этих партий, да и отдельные лидеры, покидали партийные организации. Авторитет ПСР и ПЛСР в деревне резко уменьшился. От массовых партийных организаций сохранились отдельные группы и подпольные комитеты.

4. Поворот крестьян в сторону Советской власти и опыт политических соглашений

К осени 1918 г. среднее крестьянство стало составлять после передела земли и имущества помещиков и кулаков около

60% населения деревни. В ноябре 1918 г. В. И. Ленин зафиксировал поворот в сторону Советской власти мелкой буржуазии и середняка, связанный с революцией в Германии и разрывом унизительного Брестского мирного договора Советской Россией, крушением иллюзий «чистой демократии» после денонсации эсеровских правительств и осознанием крестьянами опасности возвращения помещиков (Т. 37. С. 192—193). И после поворота крестьянства наблюдались его колебания. Средняк «...колебался, колеблется и будет колебаться» (Т. 37. С. 195). Председатель Новосильского уездного комитета РКП(б) в докладе Тульскому губкому партии дал точную характеристику настроения середняка: «...мы видим, что среднее крестьянство разве лишь вполуборот повернулось к нам... Зажиточные крестьяне продолжают эксплуатировать господ...»⁵⁰.

Л. М. Спирин писал, что надо рассматривать процесс становления союза рабочих и крестьян дифференцированно. Он упрочился сначала в Центрально-Промышленном районе и на Севере. В Поволжье весной 1919 г. часть крестьян опять заболелась, прошли восстания в Симбирской и Самарской губерниях, в которых участвовало меньшинство крестьян, здесь союз сложился позднее. На юге России переход среднего крестьянства на сторону Советской власти закончился во второй половине 1919 г. в связи с наступлением денкинских войск⁵¹. К этому времени и завершился, по нашему мнению, поворот крестьян в сторону Советской власти и оформился военный союз рабочего класса и крестьянства.

Колебания крестьян выливались в восстания. За первые семь месяцев 1919 г. ВЧК зафиксировала 99 восстаний против пан—верхняя одежда крестьян)—вспыхнуло в марте 1919 г. в Сенгилеевском и Карасунском уездах Симбирской губернии, в Сызранском, Ставропольском и Мелекесском уездах Самарской губернии. В нем участвовало до 100—150 тысяч крестьян. Но даже в Сызранском и Сенгилеевском уездах, где оно распространилось всего сильнее, в нем участвовало только 20% сел и деревень⁵². В организации его приняли участие различные силы—от монархистов до правых и левых эсеров, его начало явно было скоординировано с началом нового наступления колчаковских войск. Крестьяне выступали под лозунгами «Да здравствует Советская власть», «Да здравствует Ленин, долой коммунистов», «Да здравствует Советская власть на

платформе Октябрьской революции», «Долой коммунистов и коммуны», «Долой жидов»⁵⁴. Уже сами по себе лозунги характеризуют политическую неустойчивость политических настроений деревни, а также влияние пропаганды различных партий. Крестьянство Среднего Поволжья, испытывавшее на себе власть Комуца, не хотело никакой другой власти, кроме Советской. С этим вынуждена была считаться контрреволюция. С осени 1918 г. все чаще в восстаниях встречается лозунг «Советы без коммунистов».

В. И. Ленин в ноябре—декабре 1918 г., указывая на поворот мелкой буржуазии, говорил о необходимости соглашения с мелкобуржуазной интеллигенцией, с массами мелкобуржуазных партий, потом со штабами М. Спиридонова и Ю. Саблин, представлявшие перед судом в числе других организаторов мятежа 6 июля. Саблин вышел из ПЛСР, командовал дивизией Красной Армии. М. Спиридонова продолжала борьбу с большевиками. В декабре 1918 г. с ее участием прошел II совет ПЛСР. Совет подверг справедливой критике злоупотребления в комбедах, факты насильственного насаждения коммун, бюрократизм в советских органах. Была выдвинута совершенно нереальная альтернативная программа: максимальная демократизация Советов при уничтожении централизма, упразднение чрезвычайных органов, социализация не только земли, но и фабрик и заводов, введение выборного начала в Красной Армии, замена ее всеобщим вооружением народа⁵⁵. Левые эсеры категорически отрицали возможность компромисса с большевиками, заявляя, что «...для политических соглашений лиц, групп и партий время прошло»⁵⁶.

Используя легальные и нелегальные формы работы, левые эсеры развернули деятельность по разложению Красной Армии, под флагом защиты крестьян от реквизиций хлеба поднимали их на вооруженные выступления. Они на деле становились пособниками контрреволюции. ВЧК арестовала в феврале 1919 г. М. Спиридонову и других активистов ПЛСР, пресекая эту деятельность левых с.-р.

Колчаковский переворот, расправа белогвардейцев над членами Учредительного собрания отрезвили часть правых эсеров. В декабре уфимская делегация членов Учредительного собрания начала переговоры с уфимским ревкомом. Эсеры заявили о готовности прекратить борьбу с Советской властью и повернуть верные Комуцу войска против Колчака, тре-

буя в ответ от большевиков легализацию эсеров в Советской России, освобождение эсеров-заложников. Самарский губком РКП(б) был против переговоров, но по настоянию Ленина переговоры были начаты и продолжены в Москве. Из тюрьмы были выпущены московские эсеры⁵⁷.

7—8 февраля 1919 г. в Москве работала конференция эсеровских организаций, действовавших на территории Советской России. Конференция осудила переговоры с Советской властью. Она приняла решение прекратить вооруженную борьбу против Советов, но вести ее против Колчака. Конференция заявила, что партия будет бороться за переход власти к Учредительному собранию политическими методами⁵⁸. Это была линия «третьей силы», борьбы на два фронта — как против белогвардейцев, так и против Советской власти. Партия эсеров не использовала очередную возможность наладить отношения с большевиками и Советами, хотя бы в целях той же борьбы с Колчаком, еще раз показала отсутствие политической гибкости.

Несмотря на двусмысленность позиции ПСР, ВЦИК легализовал ее постановлением от 26 февраля 1919 г. Был сделан шаг навстречу тем эсерам, которые были настроены на сотрудничество с большевиками борьбу против белогвардейщины. О полной амнистии эсеров речи не было: постановление требовало вести беспощадную борьбу со всеми группами, которые прямо или косвенно продолжали поддерживать контрреволюцию⁵⁹. Правые эсеры использовали легализацию для злобной критики Советской власти, срыва мобилизаций в Красную Армию и продразверстки, организации антисоветских восстаний. В конце марта 1919 г., после появления призыва ПСР закончить гражданскую войну (во время наступления войск Колчака!), ЦК РКП(б) дал директиву о закрытии «Дела народа», органа ЦК ПСР, и аресте видных эсеров⁶⁰.

Часть правых эсеров — членов будущей группы «Народ» выступила с обращением «Ко всем членам партии социалистов-революционеров» (Известия ВЦИК. 1919. 3 мая), призывая партию отказаться от коалиции с реакционной буржуазией и сотрудничать с Советской властью. Однако окончательное оформление группы произошло осенью 1919 г.

По отношению к революционным коммунистам большевики на местах нередко проявляли недоверие, как к бывшим левым эсерам. Ввиду поступления сведений о репрессиях к членам ПРК, президиум ВЦИК принял 23 февраля 1919 г. постанов-

ление о недопустимости преследований ПРК как лояльной советской партии⁶¹. III съезд ПРК (16—18 апреля 1919 г.) придал свои организации выделить ответственных работников для посылки на Восточный фронт и напярочь все силы для спасения революции от угрожающей ей опасности⁶². Стало улучшаться отношение к организациям ПРК на местах. Саратовский губком дал 5 мая, например, соответствующую директиву уездным комитетам. В мае же 1919 г. в уезды выехали группы агитаторов для обеспечения мобилизации в Красную Армию, в каждую из них был включен член ПРК⁶³.

Таким образом, большевики, учитывая поворот мелкой буржуазии в сторону Советской власти, пошли навстречу неонародникам, создали условия для соглашения с ними и работы эсеров в органах Советской власти. Но правые и левые эсеры не сумели отказаться от своих догм и амбиций пойти на компромисс, продолжая борьбу с большевиками и Советской властью. Они не учитывали настроение крестьян, которые, наоборот, поворачивались в это время к Советам. Большевики не могли удовлетворить все требования эсеров. Роспуск Красной Армии и замена ее вооружением трудящихся, прекращение боевых действий при наступлении войск Колчака было бы губельно для Советской власти. Политика компромиссов со стороны большевиков была бы более эффективной если бы большевики сознавали сами и постоянно говорили народу, что после гражданской войны надо вернуться к политике весны 1918 г. Рядовые эсеры в этом случае больше бы ориентировались на группу «Народ», что касается лидеров ПСР и ПЛСР, они вряд ли стали бы сговорчивее, политики они были недалекновидные.

5. Отношения партий к союзу рабочих и крестьян

Летом 1919 г. основная масса крестьян становится твердо на защиту Советской власти. Этому способствовала широкая пропаганда курса РКП(б) на союз рабочих со средним крестьянством, конкретные шаги по устранению злоупотреблений властью, чистка партийного и государственного аппарата от раскормивших себя лиц, майская 1919 г. амнистия рядовых участников крестьянских восстаний, перевыборы Советов с более широким привлечением в них середняков.

Еще более сильное воздействие на крестьян оказывал жестокий террор белой гвардии в деревне. Сохранилось много документов о том, как крестьяне после прихода белых станови-

лись порой все, и бедные, и богатые, сторонниками Советской власти. Приведем свидетельство эсера В. Горна, участника походов белых на северо-западе России. Он писал, что в начале белого движения народ «толпами» (?) шел на сторону белых. Но с их приходом начинались грабежи и безобразия. Вскоре население убеждалось, что это и есть сущность белого «режима», и из сочувствующего медленно, но неуклонно превращалось в «глухо протестующее и враждебное»⁶⁴. Кроме того, с обозами белых армий возвращались помещики. «Инстинктов не сдержишь...», — писал в 1921 г. бывший октябрист А. В. Бобрищев-Пушкин. — Хотя бы подождали до Москвы. Но помещики кинулись на свои пепелища. Все, что писалось в советской печати о классовых интересах помещиков, сановников, дворян, генералов, реакционеров, получало, с этими небезданными аппетитами, яркое предметное доказательство»⁶⁵. Ленин отмечал, что опыт колеблющейся мелкой буржуазии приводил ее к выводу, что диктатура пролетариата лучше диктатуры капиталистов (Т. 40. С. 17).

Период второй половины 1919 г. по осень 1920 г. был самым спокойным, в сравнении с предыдущими периодами, во взаимоотношении Советской власти с крестьянством. Это был пик «военного коммунизма», но основная часть крестьян принимала необходимость нести госмонополии. Конечно, до конца к ним, научившись обходить госмонополии, приспособилась крестьяне смириться с продразверсткой не могли, временами вспыхивали на этой почве восстания. С августа 1919 г. по конец 1920 г., по данным ВЧК, их было 64⁶⁶, гораздо меньше, чем ранее, но и размах в конце гражданской войны они принимают очень широкий, втягивая в себя большие массы крестьян.

Изменилось отношение крестьян к службе в Красной Армии. Во второй половине 1918 г. середняк, выражая недовольство Советской властью, уклонялся от мобилизации. Не явился по призыву 917250 человек⁶⁷. Дезертирству способствовала слабость аппарата военкоматов, крайне неудовлетворительное материальное снабжение Красной Армии, когда призывников очень часто не во что было одеть, обуть, нечем накормить и т. д. 25 февраля 1919 г. постановлением Совета Обороны была создана Центральная временная комиссия по борьбе с дезертирством (Цекомдез), установлена наказуемость дезертиров — вплоть до расстрела, а для укрывателей — привлечение к принудительным работам на срок до пяти лет⁶⁸. Де-

зертиры по инструкции Цекомдез делились на две категории — «злостных» и проявивших «слабость воли». Первых наказывали, применяя меры от направления в штрафные части и тюремного заключения до расстрелов, чаще всего условных, с правом снять с себя позорное пятно в бою. Вторые составляли подавляющее большинство уклонявшихся от службы в Красной Армии, их возвращали в свои части или направляли в другие.

Деятельность Цекомдез, ее губернских и уездных комиссий, широкая разъяснительная работа о необходимости защиты Советской власти, о роли Красной Армии, а также новое наступление Деникина вызвали перелом в настроении дезертиров. В июне 1919 г. была объявлена неделя добровольной явки дезертиров. С этого времени началось массовое возвращение дезертиров на службу. Дезертирство сохранялось и далее, но большинство крестьян понимало необходимость службы в Красной Армии. Это подтверждается данными об итогах борьбы с дезертирством в 1919—1920 гг.

Сведения о возвращении дезертиров и уклонившихся от службы в Красную Армию (в тыс. чел.)⁶⁹

Время	Февраль—май 1919 г.	Июнь—декабрь 1919 г.	Январь—июнь 1920 г.	Всего 1544
Явились добровольно	13*	975	556	1279
Задержано	172	570	537	
Всего	185	1545	1093	2823

* данные за май 1919 г.

С учетом дезертиров за вторую половину 1920 г. общее их число за 1919—1920 гг. превысило 3 миллиона человек. Численность Красной Армии выросла с 800 тысяч человек в начале 1919 г. до 5 миллионов в 1920 г. Это говорит о том, что большинство дезертиров, явившись на службу, больше ее не покидало. Основная масса дезертиров стремилась укрыться рядом с отчим домом. Перебежчиков в белую армию было немного. Так, в октябре—декабре 1919 г. перешли к белым всего 4306 красноармейцев и 131 офицер⁷⁰. Победы белым армиям крестьяне не желали.

Большевики стремились закрепить союзные отношения ра-

бочих с крестьянами. Так, проводились «недели крестьянина», во время которых бригады рабочих помогали крестьянам убирать урожай, ремонтировали сельскохозяйственные машины и инвентарь, при совхозах устраивались ремонтные мастерские, пункты проката техники и т. д. Однако в РКП(б) были и противники курса на союз с середняком. Среди них можно назвать Н. Бухарина, Е. Преображенского, Н. Осинский предлагал осуществить массовое изъятие из деревни кулаков, считая, что без этого не может быть безопасен курс на середняка⁷¹. Перевыборы в сельских Советах привели к тому, что в них оказывались в большинстве середняки и кулаки. Последние начинали сводить счеты с беднотой и коммунистами за комбедовский период. Поэтому сельские коммунисты выступали порой против союза с середняком. Критика нового курса звучала, например, со стороны уездных работников на VI Тамбовской губернской конференции РКП(б) (30 сентября—6 октября 1919 г.). Как выразился один из них, новая политика привела к тому, что «сук подпилен, организация разрушена»⁷². Руководство РКП(б) стремилось изживать такие настроения, но до конца преодолеть их не смогло. К тому же приходилось вновь и вновь давить на деревню, добиваясь выполнения крестьянами госповинностей, чрезвычайщина вызывала новые издержки и злоупотребления, недовольство крестьян. Поэтому напряженность в отношении власти с середняком до конца не могла быть преодолена.

Помощь большевикам в разъяснении антинародной сути белогвардейского движения, укреплении союза рабочих и крестьян, в формировании Красной Армии оказали революционеры коммунисты и группа «Народ». Организации ПРК агитировали за оказание помощи Красной Армии, вступление в ее ряды, сами подавали пример. По данным анкет делегатов IV съезда ПРК (декабрь 1919 г.) 107 революционных коммунистов ушли в 1919 г. добровольцами, еще 452 члена партии было мобилизовано военкоматами⁷³. Осенью 1919 г. ЦК ПРК начал формировать по заданию РВС республики мелкие партизанские отряды. В делах ЦК сохранился список добровольцев партизан, направленных на фронт с сентября 1919 г. по сентябрь 1920 г., — 92 фамилии и другой список — 132 человека, направленных в распоряжение коменданта г. Москвы⁷⁴. После начала советско-польской войны ЦК ПРК объявил мобилизацию 5% рядовых членов и сочувствующих и 5% ответственных работников на фронт⁷⁵.

Группа «Народ» потребовала от ЦК ПСР в октябре 1919 г. дать ответ: станет ли партия эсеров в ряды борющихся с Деникиным отрядов Красной Армии. Не дождавшись ответа, члены группы вышли из партии и создали самостоятельную организацию — меньшинство партии социалистов-революционеров (МПСР). Численность ее была невелика — около 1000 человек. МПСР объявила мобилизацию своих членов в Красную Армию, добровольцев оказалось 25—30 человек⁷⁶. Эта помощь армии была мизерная, гораздо большее значение имела агитационно-пропагандистская работа МПСР: об истории колчаковского переворота, репрессиях по отношению к членам Учредительного собрания, о зверствах белогвардейцев, о необходимости защиты Советской власти при критике ее недостатков и т. д.

Правые эсеры формально сохраняли тактику «третьей силы» в гражданской войне. Ее подтвердил в июне 1919 г. IX совет ПСР. Совет признал работу среди крестьян главным направлением работы партии, рекомендовал эсеровским организациям создавать крестьянские братства в деревне (по типу полупартийных деревенских организаций эсеров, действовавших накануне и в годы первой русской революции. — А. М.) для подготовки крестьян к «обратному отвоеванию отнятых у них прав»⁷⁷. Комментируя эти решения, Ю. М. Стеклов писал, что они направлены только против Советской власти. Получилось так: «...против Советской власти мы подготавливаем массовое вооруженное выступление по сигналу из центра, а против Деникина мы принимаем угрожающую резолюцию». Никто не слышал о грозных выступлениях эсеров в тылу деникинских войск⁷⁸.

Организация братств в деревне не пошла. В мае 1920 г. ЦК ПСР дал указание местным организациям партии — создавать союзы трудового крестьянства (СТК). В Европейской части страны они получили распространение только в Тамбовской губернии, где у эсеров сохранились подпольные сельские партийные организации. В начале лета 1920 г. они создали многочисленные сельские ячейки, волостные и районные комитеты СТК. В организации последних принимали участие и левые эсеры⁷⁹.

СТК сыграли решающую роль в возникновении и развитии антоновского восстания в Тамбовской губернии, выступая как его политическое руководство. 12 августа в селе Каменка Тамбовского уезда были убиты семь бойцов продотряда, присту-

пившего к добавочной раскладке хлеба. Отпор карательным красным отрядам организовал находящийся в соседнем селе Хитрове районный комитет СТК. С этого момента восстание распространилось по Тамбовскому и соседним уездам, длилось оно около года.

ЦК ПСР занял, как это было не раз, весьма двусмысленную позицию. 8 сентября 1920 г. X совет ПСР в резолюции по текущему моменту заявил, что большевистский режим неизбежно порождает контрреволюцию, поэтому необходимо на родовластие, для восстановления которого неизбежно в будущем возобновление партией вооруженной борьбы с Советской властью. Совет поставил задачу организации «активных сил страны», необходимых для достижения поставленных целей⁸⁰. Но 1 октября 1920 г. ЦК ПСР обратился с письмом к партийным организациям, в котором заявлял, что в стране отсутствуют условия для вооруженных выступлений и есть угроза иностранной военной интервенции в связи с успехами польской и врангелевского фронтов. ЦК предостерегал партийные организации от каких-либо контактов с буржуазными и неопределенными по своей окраске организациями⁸¹. На наш взгляд, это была подстраховка на случай поражения. Факты же говорят, что эсеры активно участвовали в вооруженных восстаниях, были их организаторами, имели связи с буржуазными организациями. Партия эсеров разжигала пламя за-
тухающей гражданской войны.

6. Эсеры и антоновщина

К концу гражданской войны недовольство крестьян «военным коммунизмом» усилилось. Крестьяне ждали перемен. На VII Сызранской уездной конференции большевиков (27—29 июня 1920 г.) делегаты говорили о враждебном отношении к Советской власти средних и зажиточных крестьян. Представитель одного из районов Денисов отмечал: «Все крестьяне ожидают какой-то перемены, спрашивают, когда же, наконец, придет опять старое доброе время, когда возможно будет торговать и продавать, и покупать, и хлеба есть сколько угодно»⁸². Перемен требовало большинство крестьян, но настроения их проявлялись по-разному. При общем обеднении крестьян в потребляющей полосе уменьшалось число бескоровных и безлошадных хозяйств, а в производящей, пострадавшей больше от гражданской войны, их число возрастало⁸³. В сельской

местности Севера, Северо-Запада, ЦПР Советская власть была прочнее, там было больше порядка, сильнее было и влияние рабочего класса. Здесь крестьяне стремились «конституционно» добиться отмены продразверстки. В производящей полосе недовольство крестьян выливалось в вооруженные выступления⁸⁴. Да и в той же Тамбовской губернии восстание охватило 5 уездов из 12—Тамбовский, Кирсановский, Моршанский, Борисоглебский, Козловский—в южной части губернии, где разверстка взималась в больших размерах.

Среди народников отношение к восстаниям в это время было неоднозначным. Часть левых эсеров их поддерживала. В октябре 1920 г. была легализована группа членов ЦК ПЛСР — И. Д. Баккал, С. Ф. Рыбин, Я. М. Фишман, И. З. Штейнберг. Они обратились к партийным организациям с призывом не допустить борьбу с существующей властью⁸⁵. Центральное бюро МПСР не признало крестьянские восстания контрреволюционными, считая их причиной крестьянскую политику РКП(б), но призвало свои организации воздержаться от участия в повстанческом движении⁸⁶.

Правые эсеры, как это было не раз, лавировали, четко отношение к восстаниям не определили. ЦК ПСР отказывался брать на партию ответственность за Тамбовское восстание, хотя руководство эсеров ощущалось в нем непосредственно. Программа СТК представляла собой набор эсеровских постулатов: свержение большевиков, Советы без коммунистов, созыв Учредительного собрания, политические свободы, проведение закона о социализации земли и т. д.⁸⁷. Листовки антоновцев, написанные полуграмотной рукой, выходили под девизом эсеров «В борьбе обретешь ты право свое». Созданный в ноябре 1920 г. оперативный штаб для руководства восстанием состоял целиком из старых эсеров—Антонова, Богусhevского, Гусарова, Митрофановича, Токмакова⁸⁸.

Неприятной для эсеров стороной антоновщины был политический и уголовный бандитизм. СТК с самого начала взял курс на террор. Инструкция волостным и сельским комитетом СТК определяла применение «против граждан, мешающих в проведении революции», суровых мер вплоть до высшей меры наказания, использовать которую рекомендовалось тайно, при необходимости, после тайной перевозки лиц⁸⁹. Можно было бы считать еще политическим актом убийство 2 тысяч коммунистов и советских работников, но кровавые расправы над их семьями, просто сомневающимися в

правильности действий бандитов, убийство рабочих, красноармейцев без всяких мотивов—это нельзя расценить иначе, как бандитизм. Кулацкая Вандей несла стране не демократию, а террор, реакцию «рыцарей первоначального накопления» в деревне и в городе и последующее прозябание России на положении отсталой аграрной окраины Еврoпы.

Вот почему правые эсеры старались уйти от ответственности. Один из участников или очевидцев мятежа, скрывавшийся под псевдонимом «Ю. Л.», в статье о тамбовском восстании в марте 1921 г. писал, что Антонов не подчинялся Тамбовскому губкому эсеров, действовал самостоятельно. Тамбовское восстание—«голая партизанщина: без лозунгов, без идей, без программ...»⁹⁰,—лукавил автор. Эсер В. Гуревич в 1927 г. утверждал, что тамбовские эсеры в соответствии с директивами ЦК отвергали «вспышкопускательство» и не желали начинать борьбу вплоть до ликвидации белых фронтов, да еще во время войны с Польшей⁹¹. В лучшем смысле можно предположить, что у эсеров в очередной раз проявилась не-disciplinированность, вновь разошлось слово и дело. В худшем случае можно предположить двойную игру. Ленин имел все основания заявить: «В бандитизме чувствуется влияние эсеров... Эсеры связаны с поджигателями» (Т. 42. С. 349).

Крестьяне втягивались в движение в результате недовольства продразверсткой, но также и путем принуждения, под страхом смерти. СТК осуществляли мобилизацию в антоновскую армию, следили за дезертирами из нее. Беглецов пороли и возвращали в повстанческие полки.

По отношению к эсерам, как организаторам восстаний, были применены чрезвычайные меры. 30 ноября 1920 г. СНК объявил заложниками арестованных эсеров, представителей террористических групп Чернова и Савинкова, подлежащих уничтожению в случае покушения на вождей Советской России⁹². 8 ноября 1921 г. ВЧК издала приказ об усилении борьбы с подпольными организациями эсеров, раздувающих пламя восстания кулаков, «тонкими приемами внутреннего осведомления» с отказом от старых методов—массовых арестов подозрительных⁹³.

В книге И. П. Донкова «Антоновщина: замыслы и действительность» (М., 1977) рассказывается о комплексе военных, политических, агитационно-пропагандистских мер, использованных для подавления антоновщины. Укажем на репрессивные меры, о которых ранее историки умалчивали, ду-

маем, не по своей вине. Уже в начале сентября 1920 г. военный совет Тамбовской губернии (председатель.—А. Г. Шлихтер, члены—Траскевич, Райвид, Струев) издал приказ, что села, поднимающиеся на борьбу против Советской власти, будут уничтожаться, а их население—отправляться на принудительные работы в другие губернии⁹⁴. В начале сентября 1920 г. красные отряды, преследуя повстанцев после их попытки взять Тамбов, сожгли в Тамбовском уезде села Коптево, Новоселье, Еланино и Верхне-Спасское, которые оказали сопротивление красным частям, конфисковали имущество и скот у крестьян⁹⁵.

В марте 1921 г. началась пропаганда новой политики Советской власти. 20 марта была объявлена амнистия повстанцам, которые добровольно явятся в срок до 5 апреля⁹⁶. В апреле продолжающие борьбу повстанцы были объявлены вне закона⁹⁷. С прибытием М. Н. Тухачевского на должность командующего войсками, действующего против антоновцев, губерния была разбита на 6 боючастков, занятых постоянными гарнизонами. Кроме того, действовала подвижная группа на бронемашинах. В оккупированных войсками участках, разъянял Тухачевский в 1922 г., необходимы проверка населения на лояльность, изъятие семей повстанцев из деревень с конфискацией имущества, распределение его среди колеблющихся, втягивание их в поддержку Советской власти и противодействие бандитизму⁹⁸. Об осуществлении этой политики, арестации в качестве заложников одиночек и целых семей, арестах повстанцев и расстрелах части арестованных рассказывают в недавней публикации тамбовские историки С. А. Есиков и Л. Г. Протасов⁹⁹. Авторы сообщают, что 9 июня 1921 г. полномочная комиссия ВЦИК приняла решение использовать газы «для выкуривания бандитов из лесов»¹⁰⁰. В эсеровской печати не содержалось сведений о применении газов Красной Армией при подавлении восстаний в 1921 г.

Арестованные участники восстания и заложники содержались в концентрационных лагерях. В июне 1920 г. концлагери существовали в Тамбове и Борисоглебске, губернский отдел управления намеревался открыть лагерь еще в Моршанске¹⁰¹. Появился лагерь в Кирсанове. По сводкам Кирсановского боеучастка, в июне 1921 г. в лагере содержалось 37 осужденных и 248 заложников, в июле—2254 (не указано сколько тех и других). Последняя сводка, в которой упоминается лагерь, датируется 15—20 сентября 1921 г. В лагере для заключен-

ных регулярно проводились митинги, беседы, ставились спектакли¹⁰².

В конце сентября надобности в лагерях уже не было. В августе восстание было подавлено. Крестьяне, в том числе бывшие антоновцы, помогали вылавливать последние группы бандитов. Участник восстания старый эсер Подхвятилин, добровольно сдавшийся властям, говорил: «Заговорщики и главари бандитизма—это люди в большинстве своем полуграмотные, крайне грубые и невежественные... Грабители, пьянство, насилие, безразборчивые убийства и расстрелы руководителей выпущенной программы не понимают... Это поняли тружеников—вог, по существу, их программа»¹⁰³. Это поняли крестьяне, отшатнувшиеся от эсеров и руководителей восстания.

Антоновщина потерпела поражение, но и ускорила переход к нэпу. Реальная возможность победы мелкобуржуазной контрреволюции и опасность утраты власти заставили большевиков отказаться окончательно от политики «военного коммунизма». Последняя попытка эсеров встать во главе антикоммунистического крестьянского движения дорого им обошлась, помешала им вписаться в послевоенную жизнь нэповской России. Уставшие от семи лет войны массы не могли пойти за партией, призывавшей вновь к вооруженной борьбе. Летом 1922 г. состоялся судебный процесс группы членов ЦК ПСР и активных деятелей партии, на котором были выявлены главные антисоветские выступления эсеров. К середине 20-х гг. организации правых и левых эсеров исчезли на территории России.

* * *

История отношений партий и крестьянства в годы гражданской войны показывает, что неонародники потерпели поражение закономерно. Трагедия и драма этих, в общем-то искренних социалистов, состояла в том, что они не проявили политической гибкости. Правые эсеры отстаивали до конца своей политической деятельности идеи «чистой демократии», нереальной во время гражданской войны. Левые эсеры хотели утвердить во всех сферах государственной, экономической, общественной жизни тоже своего рода «чистую» советскую демократию, что было невозможно. Эсеры не смогли выработать правильную тактику и постоянно колебались не случайно: такова природа мелкобуржуазных партий. Большевики, несмотря на утопизм их первоначальных

представлений о социализме, сумели диалектически применить достижения народнической мысли к русскому марксизму. Они использовали в целом гибкую тактику по отношению к мелкой буржуазии, крестьянству. Коммунисты завоевали доверие крестьян Декретом о земле. В первые месяцы после Октября деревня не только делила помещичью землю, но активно строила Советскую власть. Летом—осенью 1918 г. средние крестьяне отшатнулись от Советов, противясь хлебной диктатуре государства. Но в 1919—1920 гг. большинство крестьян признали Советскую власть, понимая, что приемлемой для них альтернативы этой власти нет. Крестьяне в основном мирились с чрезвычайными экономическими мерами, осознавая их необходимость в обстановке разрухи и гражданской войны. Крестьянство не желало возврата к старому обществу, воевало за свое будущее в рядах Красной Армии, хотя в понимании лучшего общественного устройства расходилось с большевиками, как расходилось пролетарский и крестьянский социализм. Но и Ленин сумел найти приемлемый для крестьян путь к социализму.

Большевики вели жесткую и принципиальную борьбу с неонародниками в тех случаях, когда последние осуществляли активную антисоветскую политику, вместе с тем учитывали повороты ряда народнических течений и групп от антисоветской деятельности к сотрудничеству с Советской властью, предлагали им соглашения для совместной борьбы с контрреволюцией. Большевики проявляли порой чрезмерную непримиримость по отношению к социалистическим партиям, но следует помнить и о жестоких реалиях гражданской войны. Правые эсеры под давлением масс и контрреволюционных сил принимали на себя роль крайней советской оппозиции, но затем вновь сбивались на путь вооруженной борьбы с Советской властью. Левые эсеры не удержались на пути сотрудничества с большевиками, потому что оказались левее их, применяли авантюристическую ультраревOLUTIONную тактику. Тактический авантюризм правых и левых эсеров и погубил их как партии, оттолкнул от них крестьян.

Могли ли большевики объявить после окончания гражданской войны полную амнистию социалистическим партиям? Думаем, нет. Внешнее и внутреннее положение Советской республики оставалось сложным. Между партиями сохранялось недоверие. Полагаем, прав М. А. Шолохов, говоривший, что в гражданской войне не было победителей, а противостоя-

ние прежних врагов сохранялось и после ее окончания¹⁰⁴. Не обходима смена поколений для преодоления в обществе последствий гражданской войны и установления подлинного гражданского мира.

История взаимоотношений большевиков и неонароднических партий в годы гражданской войны показывает, что необходимы взаимное доверие, терпимость и совместная работа социалистов различных направлений, подлинных демократов для выработки наиболее гуманной парадигмы общественного развития. Надо вспомнить широко использовавшееся в годы перестройки слово «консенсус», то есть «согласие». Трагедия гражданской войны не должна повториться.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Введение.

1. См.: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 48—49.
2. См.: Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989; Ее же. Народничество в XX веке: Идеиная эволюция. М., 1990; Спирина М. В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987.

Глава I

1. См.: Спирина М. В. Указ. соч. С. 3.
2. Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. Б. м., 1906. С. 35.
3. См. там же. С. 363—364.
4. Там же. С. 363.
5. Чернов В. М. Пролетариат, трудящееся крестьянство и революция. Пг., 1917. С. 76.
6. См.: Спирина М. В. Указ. соч. С. 34.
7. РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 47 об.
8. См.: Гусев К. В. Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюционности. М., 1975. С. 51.
9. Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. С. 250.
10. См.: Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. С. 365.
11. См.: Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. С. 474—476.
12. Там же. С. 102—103.

13. См.: Кутепова Н. М. К вопросу об особенностях экономической политики партии большевиков и других социалистических партий в России (февраль 1917—апрель 1918 гг.) // Великий Октябрь. Политические партии России и СССР. Социалистические преобразования в стране. Тезисы докладов и выступлений на Всесоюзной научной конференции 23—26 сентября 1991 г. г. Суздаль: Владимир, 1991. С. 171; Спирина М. В. Указ. соч. С. 73—74.

14. См.: Смысл происходящего // Дело народа. 1917. 2 ноября.
15. Моисеев А. Сельскохозяйственная политика // Воля России (Прага). 1921. 15 апреля.
16. Сорокин П. Сущность социализма. Пг., 1917. С. 16.
17. Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 18.
18. Областной продовольственный съезд // Земля и воля (Самара). 1918. 8 августа (26 июля).
19. См. там же.
20. См.: Жизнь деревни. Цены на зерновые хлеба // Земля и воля (Самара). 1918. 27 сентября.
21. Идею концессий многие эсеры не принимали. По крайней мере, когда Советское правительство начало осуществлять практические шаги в этом направлении в 1920 г., эсеровская эмигрантская печать их осудила, указывая, что это распродажа национального богатства России и намерение принудить к каторжному труду на иностранный капитал рабочих и крестьян. См. Обнаружились // Народное дело (Ревель). 1920. 27 ноября; Лейтенант Грисс. На севере России // Воля России (Прага). 1921. 4 января.
22. См.: Чернов В. Конструктивный социализм. Прага, 1925. С. 388.
23. См.: 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. М., 1920. С. 69—70.
24. См. там же. С. 70.
25. См.: Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. М., 1921. С. 48—49.
26. См.: Руднев В. Общинное или единоличное землевладение // Современные записки (Париж). 1924. Кн. XXII. С. 394.
27. См.: Маслов С. Столыпинцы из социалистического лагеря // Вольный голос Севера (Вологда). 1917. 26 октября; Евгеньев Е. Новая столыпиниада // Воля страны (Пг.). 1918. 24 января; Быховский Н. Народоправные основы нового земельного порядка // Крестьянство и земельный вопрос. Сб. ст. Пг.; М., 1918. С. 13, 17.
28. См.: Ленинская концепция социализма. М., 1990. С. 316.
29. Туган-Барановский М. И. Русская революция и социализм. Пг., 1917. С. 21.

30. Чайанов А. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. С. 12.
31. См. там же. С. 22.
32. См.: Чекин А. (Яроцкий В. Я.) Дутые декреты // Неумолчное слово (Пг.). 1917. 29 ноября (12 декабря).
33. Маслов С. С. Трудовые земельные артели, их значение, история и устав. Ярославль, 1918. С. 93.
34. Маслов Сем. Крестьянское хозяйство: Очерки экономики мелкого земледелия. М., 1921. С. 389.
35. Чайанов А. В. Что такое крестьянский вопрос. М., 1917. С. 20. Его же. Основные идеи и формы крестьянской кооперации. С. 10.
36. См.: Чайанов А. В. Что такое аграрный вопрос. С. 23—24.
37. Маслов Сем. Указ. соч. С. 50.
38. См. там же. С. 51, 108—111.
39. См. там же. С. 286, 293—294, 309.
40. Николаев А. А. Коммуны и трудовые земельные артели // Дело народа. 1919. 22 марта.
41. Маслов С. С. Трудовые земельные артели... С. 52—59.
42. См. там же. С. 267—313.
43. См.: Маслов Сем. Указ. соч. С. 378—379, 386.
44. Там же. С. 390.
45. Маслов С. С. Трудовые земельные артели... С. 17.
46. См. там же. С. 267.
47. См.: Войтинский Вл. Двенадцать смертников: Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 122—123.
48. См.: Воля России (Прага). 1921. 21 апреля. Редакция оговаривалась: статья получена до публикации декрета о продовольственном налоге.
49. См.: Покровский М. Идеология эсеров за два последних года (1921—1922) // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923. С. 134—136.
50. См.: Воля России. 1921. 21 апреля.
51. См.: Покровский М. Указ. соч. С. 134.
52. См.: Проект экономической программы // Воля России. 1921. 12 февраля.
53. См.: Вишняк М. На родине // Современные записки. 1921. Кн. V. С. 338.
54. Устрялов Н. В. Патриотика // Смена вех. Прага. 1921. С. 60—61.
55. Цит. по: Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 293.
56. См.: Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. С. 207.
57. Чернов В. Конструктивный социализм. С. 12—16, 52.

58. См. там же. С. 13—14.
59. Там же. С. 47.
60. См. там же. С. 47—48.
61. См. там же. С. 341.
62. См. там же. С. 115—116, 282.
63. См. там же. С. 132.
64. Цит. по: Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. С. 209.
65. См.: Спирин Л. М. Крах одной авантюры. М., 1971. С. 16.
66. См.: Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918. С. 22; Доклад Магеровского о пересмотре партийной программы // Знамя труда. 1918. 24 (11) апреля; Трутовский В. Силы революции // Знамя труда. 1918. 27 (14) июня.
67. Камков Б. Две тактики // Наш путь. 1918. № 2. С. 12.
68. См.: Тумарисон В. Х. К вопросу о платформе правительственного соглашения большевиков и левых эсеров // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами, и течениями. Материалы конференции. М., 1983. С. 137.
69. См.: Знамя труда. 1917. 24 октября.
70. Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918. С. 89.
71. См. там же. С. 90.
72. См.: Мстиславский С. Советская власть // Знамя труда. 1918. 11 (24) января.
73. См.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 161—163; Соболев П. Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977. С. 154; Марченкова Н. П. Вопрос о социальной базе левых эсеров в новейшей советской историографии // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами, течениями: Материалы конференции. М., 1983. С. 121—132.
74. См.: Марченкова Н. П. Указ. соч. С. 119—120.
75. См.: Трутовский В. Слепой догматизм // Знамя труда, 1918. 19 (6) июля; Он же. Неверные признаки // Знамя труда, 1918. 22 (9) июля.
76. См.: Трутовский В. Кулаки, беднота и трудовое крестьянство. М., 1918. С. 4—13.
77. РЦХИДНИ. Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 12 об.—13.
78. Рославлец Н. О роли крестьянства в русской революции // Знамя трудовой коммуны. 1918. 24 сентября.
79. См.: Соболев П. Н. Указ. соч. С. 230.
80. Штейнберг И. З. Итоги первого съезда // Знамя труда. 1917. 24 декабря.

81. Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). С. 52.
82. Трутовский В. Равенство в голоде или социализм // Наш путь 1918. № 2. С. 29.
83. См.: Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). С. 52.
84. Трутовский В. Материалы ко II съезду партии левых социалистов-революционеров // Знамя труда. 1918. 30 (17) марта.
85. См.: Трутовский В. Переходный период: Между капитализмом и социализмом. Пг. 1918. С. 20—24, 34—42.
86. Вводная часть к политической программе и политическая программа // Знамя труда. 1918. 26 (13) апреля.
87. Резолюция по экономической программе // Знамя труда. 1918. 27 (14) апреля.
88. См.: Штейнберг И. З. От социальной усталости—к социальному отступлению // Знамя труда. 1918. 3 мая (20 апреля).
89. См.: Спирина Л. М. Указ. соч. С. 161.
90. См.: Кабанов В. В. Разработка основного закона о социализации земли // Октябрь и советское крестьянство. М., 1977. С. 80—110.
91. Там же. С. 92.
92. См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 407—408.
93. См.: Кабанов В. В. Указ. соч. С. 100.
94. См.: там же. С. 123.
95. См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 409—410.
96. Майоров И. Практическое проведение социализации земли. Саратов, 1918. С. 5.
97. См. там же. С. 57.
98. Там же. С. 10.
99. См.: Спирина М. В. Указ. соч. С. 135—137.
100. РЦХИДНИ. Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 221.
101. См. там же. Л. 227—228.
102. См. там же. Ед. хр. 30. Л. 28—32.
103. См. там же. Л. 32, 50.
104. См.: Майоров И. Земельная политика большевиков // Пути революции. Берлин, 1923. С. 170.
105. Трутовский В. От коммунизма к капитализму // Там же. С. 114.
106. Десять лет Октябрьской революции // Знамя борьбы (Берлин), 1927. № 23—24. С. 11—13.
107. См.: Чижиков О. Л. Пути развития социалистической революции // Пути революции. Берлин, 1923. С. 154—165.

108. Автор упоминаемой выше статьи «Социализация земли» ссылался на книгу М. И. Туган-Барановского «Социализм как положительное учение».
109. Речь Устинова на съезде народников-коммунистов // Знамя трудовой коммуны. 1918. 1 октября.
110. См.: Спирина М. В. Указ. соч. С. 148.
111. См.: Знамя борьбы. 1918. 31 июля. По примерной нормировке стоимости предметов потребления и продуктов питания получался расклад: 1 час рабочего времени являлся эквивалентом 1 пуда зерна или хлеба черного (полпуда белого), 3 фунтов масла скоромного, 5 бутылок молока, 5 фунтов сахара, 1/2 фунта чая, кофе, 5 фунтов мяса, 1/5 ботинок, сапог, 1 галстука, 1/2 аршина простого сукна и т. д. Производительность труда в этом случае должна быть невероятно высокой, что в расчет Полянский не принимал.
112. См.: Григорьев. Борьба с кулаками // Знамя борьбы. 1918. 17 августа.
113. Наумова К. Наша партия и партия левых с.-р. // Знамя трудовой коммуны. 1918. 18 сентября.
114. См.: Декларация делегации Всероссийской конференции и Центрального бюро партии народников-коммунистов съезду организаций бывших рев. социалистов-революционеров, созданных по инициативе группы «Воли труда» // Знамя трудовой коммуны. 1918. 1 октября.
115. Борецкая М. От одиночного хозяйства к коммуне // Знамя трудовой коммуны. 1918. 24 августа.
116. См.: Первая Всероссийская конференция партии народников-коммунистов в г. Москве с 21 по 24 сентября 1918 г. Программа и платформа партии народников-коммунистов. Пг., 1918. С. 4—5.
117. Там же. С. 7—8.
118. См. там же. С. 9—11.
119. См. там же. С. 13—14.
120. См. там же. С. 14.
121. См.: Знамя трудовой коммуны. 1918. 1 октября.
122. См.: Первая Всероссийская конференция партии народников-коммунистов... С. 1, 3.
123. См.: Жизнь партии // Знамя трудовой коммуны. 1918. 6 ноября.
124. Ходоровский И. О. О народниках-коммунистах // Правда. 1918. 5 октября.
125. См. там же.
126. Советы выше партии. Идти врозь, вместе бить // Знамя борьбы. 1918. 26 июля.
127. Доклад Биценко // Воля труда. 1918. 27 сентября.

128. См.: Знамя трудовой коммуны. 1918. 27 сентября; Воля труда. 1918. 29 сентября.
129. Мещеряков В. Новый левозерский поход против большевиков // Правда. 1918. 6 октября; Он же. Левозерский поход против большевиков. Правда. 1918. 27 октября.
130. Устинов А. Национализация и социализация земли // Воля труда. 1918. 1 ноября.
131. См.: Спирина М. В. Указ. соч. С. 175—176.
132. Устинов А. Аграрный коммунизм // Воля труда. 1918. 1 ноября.
133. См. там же.
134. Сборник документов, резолюций Первого Всероссийского съезда партии Революционного Коммунизма. М., 1918. С. 38.
135. См. там же. С. 40.
136. См. там же. С. 40—41.
137. См. там же. С. 41—42.
138. См.: Спирина М. В. Указ. соч. С. 184.
139. Там же. С. 183.
140. Сборник докладов, резолюций Первого Всероссийского съезда партии Революционного Коммунизма. С. 33.
141. См. там же. С. 34.
142. Колегаев А. Аграрная политика и крестьянская деревня // Воля труда. 1918. 30 и 31 октября.
143. Андреев В. «Шуйца и десница» // Воля труда. 1919. № 2. С. 10—13.
144. Устинов А. Новое направление аграрной политики партии коммунистов-большевиков // Воля труда. 1919. № 3. С. 10—11.
145. Устинов А. К годовщине издания закона о социализации земли // Воля труда. 1919. № 4. С. 3—5.
146. Сборник докладов, резолюций Первого Всероссийского съезда партии Революционного Коммунизма. С. 33.
147. См.: Доклад по продовольственному вопросу г. Монастырского на заседании I съезда рев. ком. 27 сентября 1918 г. // Воля труда. 1918. 4 октября.
148. См.: Сборник докладов, резолюций Первого Всероссийского съезда партии Революционного Коммунизма. С. 52—53.
149. См.: Устинов А. О роли интегрального социализма (Доклад на II съезде ПРК) // Воля труда. 1919. № 1. С. 5.
150. См. Там же. С. 7.
151. См.: Зитта. К построению нашей экономической программы (Доклад на II съезде ПРК) // Воля труда. 1919. № 1. С. 7—8.
152. Устинов А. К вопросу об организации народного хозяйства // Воля труда. 1919. № 3. С. 5.

153. Зитта. К построению нашей экономической программы. С. 8.
154. Черный В. Два декрета // Воля труда. 1918. 1 ноября.
155. Резолюция по продовольственному вопросу II съезда партии революционного коммунизма (к докладу г. Безеля) // Воля труда. 1919. № 1. С. 8.
156. См.: Спирина М. В. Указ. соч. С. 193; Ковальская Н. Программа партии (популярное изложение). М., 1919; Программа партии революционного коммунизма. Принята на 4-м съезде ПРК. М., 1920.
157. См.: Шестак Ю. И. Взаимодействие большевиков с левыми мелкобуржуазными партиями и группами в годы гражданской войны // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922: Сб. науч. тр. М., 1977. Ч. II. С. 134.
158. Резолюция V Всероссийского съезда партии революционного коммунизма по хозяйственному строительству; Тезисы ЦК, принятые V Всероссийским съездом партии революционного коммунизма как резолюция по докладу об общей политике партии // Воля труда. 1920. № 15. С. 7, 15—16.
159. Подробнее см.: Спирина М. В. Указ. соч. С. 196—201.
160. РЦХИДНИ. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 29 об.
161. См. там же. Л. 30.
162. Резолюция VI съезда партии революционного коммунизма о единой коммунистической партии // Воля труда, 1920. № 20. С. 6.
163. Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г.: Протоколы. М., 1972. С. 33.
- Глава II**
1. См.: Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: Теория, история, современность. М., 1987; Ленинская концепция социализма. М., 1990; Ленин, о котором спорят сегодня. М., 1990; Плимак Е. Политическое завещание В. И. Ленина: Истоки, сущность, выполнение. М., 1989; Емельянов Ю. В. Заметки о Бухарине: Революция, история, личность. М., 1989; Васецкий Н. А. Политическая биография Л. Д. Троцкого. М., 1991; и др.
2. См.: Медведев Р. А. Трудная весна 1918 года // Волга. 1989. № 1 и 2; Бутенко А. П. Откуда и куда идем: Взгляд философа на историю советского общества. Л., 1990.
3. Солоухин В. Читая Ленина // Родина. 1990. № 10.
4. См.: Бордюгов Г. А., Козлов В. А., Логинов В. Куда идет суд? // Родина. 1990. № 10; Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. М., 1992. С. 267—291.
5. См.: Миллер В. Истина или уступка моде // Огонек. 1989. № 3. С. 7.

6. См.: Ципко А. Хороши ли наши принципы // Новый мир. 1990. № 4. С. 173—204.
7. См. там же. С. 177.
8. См.: Выгодский В. С., Федоровский Н. Г. У истоков (актуальные проблемы методологии) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 78—79.
9. См.: Ципко А. Указ. соч. С. 184.
10. См. там же. С. 188—189.
11. См. там же. С. 189.
12. Филиппов Р. В. Национальные корни социал-демократии // Вопросы истории КПСС. 1989. № 2. С. 31—32.
13. Антонов В. Ф. Народничество в России—утопия или отвергнутая возможность? // Вопросы истории. 1991. № 18. С. 48—50.
14. Агаев С. Утопия и история // Свободная мысль. 1991. № 18. С. 48—50.
15. Куницын Г. Утаенное письмо // Диалог. 1990. № 7. С. 80—85.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 305.
17. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 108.
18. См.: Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 25; Его же. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 100.
19. Франк С. Л. По ту сторону «правого» и «левого». // Новый мир. 1990. № 4. С. 211—218.
20. Яковлев А. Н. Уроки одной революции // Свободная мысль. 1992. № 7. С. 97.
21. Троцкий Л. Д. Соч. Т. III. Ч. 2. С. 25—26.
22. См.: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Историческая развилка весны 1918 г. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 46—47.
23. Там же // Вопросы истории КПСС. 1990. № 9. С. 50.
24. Антонов В. Ф. Указ. соч. С. 17—18.
25. См.: Штейнберг И. З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 121.
26. Карр Э. История Советской России. М., 1990. Кн. 1. Т. 1 и 2. С. 117—118.
27. Волкогонов Д. опубликовал неизвестные ранее телеграммы В. И. Ленина, в том числе телеграмму от 11 августа 1918 г. пензенским руководителям с требованием жестокой расправы с кулаками: «1. Повесить (непрерывно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц».—См.: Волкогонов Д. С беспощадной решительностью... // Известия. 1992. 22 апреля. Принципиально нового в приведенном документе нет по сравнению с опубликованными ленинскими произведениями. Ленин «хватал через край» в своих требованиях к сорат-

- никам в моменты отчаянного положения Советской власти, что, к сожалению, скрывали составители его собраний сочинений. Отметим: одно дело словесный максимализм, другое—практика революционных действий, они не всегда совпадали. Смертную казнь через повешение Советская власть не применяла. Эта мера была обычной практикой белой гвардии.
28. Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. Пб., 1920. С. 56—57.
29. Троцкий Л. Д. Их мораль и наша (Памяти Льва Седова) // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. 1991. М., 1992. С. 230.
30. См.: Медведев Р. О соотношении цели и средств в социалистической революции // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 167—173.
31. Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.
32. См.: Медведев Р. Трудная весна 1918 г. // Волга. 1989. № 1. С. 159, 180; Бутенко А. П. Откуда и куда идем. С. 73.
33. См.: Бухарин Н. И. Указ. соч. С. 214.
34. См.: Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: Политика, практика, идеология. М., 1973. С. 23.
35. См.: Давыдов М. И. Борьба за хлеб. М., 1971. С. 70.
36. См.: Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. М., 1918. С. 141.
37. См.: Давыдов М. И. Указ. соч. С. 167.
38. См.: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Историческая развилка весны 1918 г. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 40, 41.
39. См.: Дмитренко В. П. «Военный коммунизм», нэп... // История СССР. 1990. № 3. С. 5.
40. См.: Спирин Л. М. Партия большевиков в гражданской войне // Коммунист. 1990. № 14. С. 95.
41. Там же.
42. См.: Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Историческая развилка весны 1918 г. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 9. С. 61; Они же. Феномен «военного коммунизма» // Коммунист. 1990. № 12. С. 27—29.
43. Маслов Сем. Указ. соч. С. 51, 73.
44. См. там же. С. 76—77.
45. См.: Кочин Н. И. Гремячая поляна. Горький, 1986. С. 27—41.
46. Подсчитано по: Соболев П. Н. Указ. соч. С. 135—136.
47. См.: Набатов Г. В. Октябрь в российской деревне (Из Опыта большевистской партии по вовлечению революционных солдат и матросов в борьбу за власть Советов). Саранск, 1990. С. 100.
48. См.: Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 416—417.
49. См.: Бордюгов Г. А., Козлов В. А., Логинов В. Куда идет суд? С. 72; Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Феномен «военного коммунизма». С. 29.

50. См.: Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье Саратов, 1974. С. 224.
51. См.: Приложение «Трудовая коммуна» // Беднота. 1918. 14 (1) апреля.
52. См.: Ларин Ю. Перспективы земледелия // Правда. 1919. 3 апреля.
53. Мещеряков Вл. Первый земельный съезд // Правда. 1919. 19 января.
54. См.: Декреты Советской власти. М., 1968. Т. IV. С. 371.
55. Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Январь—март 1919 г. Сб. док. М., 1971. С. 257.
56. См.: Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. С. 467.
57. См.: Троцкий Л. Д. Соч. Т. 17. Ч. 2. С. 528—532.
58. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г.: Протоколы. М., 1959. С. 174.
59. См. там же. С. 205, 241, 246, 264.
60. См. там же. С. 232—239.
61. См.: Декреты Советской власти. Т. IV. С. 5—6.
62. См.: Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 245—247, 270—271.
63. См.: Поляков Ю. В. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 155.
64. См.: Данилов В. П. Аграрная политика ВКП(б) в 20—30-х годах // Коммунист. 1990. № 16. С. 90.
65. Павлюченков С. С чего начинался нэп? // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд. М., 1991. С. 53.
66. Там же. С. 60.
67. Бухарин Н. И. Указ. соч. С. 146.
68. См.: Поляков Ю. А. Указ. соч. С. 221—240.
69. Бутенко А. П. Указ. соч. С. 88.
70. См.: Ленин, о котором спорят сегодня. С. 146.
71. См. там же. С. 232—236.
72. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1967. Т. 2. С. 51.
73. См. там же. С. 227—229.
74. См.: Ленинская концепция социализма. С. 313—345.
75. См. там же. С. 314.
76. См. там же. С. 317.
77. Есть авторы, считающие, что коренная перемена взгляда В. И. Ленина на социализм касалась только путей и методов перехода к социализму, а не новой его модели. — См.: Ленин, о котором спорят сегодня. С. 236—237. Г. Л. Оприщенко и А. И. Широков придерживаются такого же мнения. Они считают, что Ленин рекомендовал кооперирование

как альтернативу нэпу, имея в виду только кооперирование крестьянства, кооперативную собственность не противопоставляя государственной. — См.: Оприщенко Г. П., Широков А. И. О некоторых трактовках нэпа и кооперирования // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 80—83.

78. См. подробнее: Медведев А. В. В. И. Ленин об антисоветской политике эсеров и меньшевиков // В. И. Ленин об идеологическом обеспечении строительства социализма. 1921—1923. Межвузов. сб. Н. Новгород, 1990. С. 84—93.

Глава III

1. См.: Доброхотов В. Я. Принципы, формы и методы большевистской пропаганды и агитации в первые годы Советской власти (Октябрь 1917—1920 гг.). Дис. ... д. и н. Горький, 1967. С. 134.
2. Калинин М. И. Беседы с народом. М., 1960. С. 30.
3. Руднев В. Около земли // Современные записки (Париж). 1924. Кн. XVIII. С. 352.
4. См.: Конференция военных организаций левых социалистов-революционеров // Знамя труда. 1917. 11 ноября.
5. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Ноябрь 1917—февраль 1918. М., 1957. С. 340.
6. См.: Лутовинов И. С. Установление Советской власти на Северо-Западе России. Воронеж, 1970. С. 311—312.
7. См.: Гинев В. Н. Крестьяне голосуют за Советскую власть. М., 1978. С. 46, 54.
8. См.: От Центрального Комитета партии социалистов-революционеров // Дело народа. 1917. 3 ноября.
9. Резолюция Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов по вопросу о власти // Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 3 ноября.
10. См.: Мельгунов С. Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 г. Париж, 1984. С. 261.
11. 1917 год в деревне (Воспоминания крестьян). М., 1967. С. 35—36.
12. Резолюция по вопросу об отношении к Учредительному собранию // Голос трудового крестьянства. 1917. 10 декабря.
13. См.: Зиновьев Г. Соч. Т. VII. Ч. 2. М., 1925. С. 472—473.
14. Святицкий Н. В. О судьбах народовластия в России // К прекращению войны внутри демократии. М., 1919. С. 64.
15. См.: Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974. С. 115.
16. См.: Соболев П. Н. Указ. соч. С. 161.
17. Второй Всероссийский съезд партии левых с-р. // Знамя труда. 1918. 21 (8) апреля.

18. См.: Резолюция VIII совета партии социалистов-революционеров о международной политике // Дела народа. 1918. 18 (5) мая.
19. Государственный архив Нижегородской области. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 99 об.
20. Там же. Ед. хр. 73. Л. 104—104 об.; Ед. хр. 74. Л. 76; Ед. хр. 77. Л. 53, 228; Ед. хр. 81, Л. 31.
21. Там же. Ед. хр. 73. Л. 2—2 об.
22. Второе заседание съезда коммун Северной области // Северная коммуна (Пг.). 1918. 3 августа.
23. См.: Точеный Д. С. Банкротство мелкобуржуазных партийных организаций Поволжья (1917—1922). Дис. ... д. и. н. Куйбышев, 1982. С. 310.
24. См.: Осипова Т. В. Указ. соч. С. 65—66.
25. См.: Фельштинский Ю. Н. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917—июль 1918. Париж, 1985. С. 173—191.
26. См.: Фельштинский Ю. (США). Не мятеж, а провокация // Отечественная история. 1992. № 4. С. 30—48.
27. См.: Овруцкий Л., Разгон А. (Россия). Понять дух 6 июля // Там же. С. 49—61.
28. См.: Спирин Л. М. Крах одной авантюры. С. 504.
29. Воззвание Западного областного комитета партии левых социалистов-революционеров // Знамя борьбы. 1918. 27 июля.
30. См.: Точеный Д. С. Указ. соч. С. 318—319.
31. ЦГАСА. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 140—145; Ед. хр. 315. Л. 27 об.
32. Дорогойченко А. Крестьянство и учредилщина // Четыре месяца Учредилщины. Самара, 1919. С. 26.
33. Государственный архив Самарской области. Ф. Р-4140. оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 9 об.; Ед. хр. 13. Л. 1—3.
34. См.: Лацис (Судрабс) М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 74; Софинов П. Г. Очерки истории ВЧК. М., 1961. С. 88.
35. См.: Осипова Т. В. Указ. соч. С. 239.
36. См.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. С. 180.
37. См.: Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне в эпоху «военного коммунизма». Воронеж, 1930. С. 103.
38. См.: Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917—1920 гг.). Рязань, 1957. С.
39. Осипова Т. В. Обманутый класс // Родина. 1990. № 5. С. 52.
40. Степун Ф. Религиозный смысл революции // Современные записки (Париж). Т. 40. С. 448.

41. См.: Спиридонова М. Открытое письмо Центральному Комитету партии большевиков // Родина. 1990. № 5. С. 52.
42. РЦХИДНИ. Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 33.
43. См.: Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. С. 204.
44. См.: Троицкий В. Чехословаковщина // Гражданская война в Среднем Поволжье. М., Самара, 1930. С. 15; Чистов Б. Симбирск в годы гражданской войны. Ульяновск, 1954. С. 54; Ходакова О. Б. Мы поднимаем знамя // Выросли мы в пламени. Саратов, 1977. С. 165.
45. См.: Ходакова О. Б. Указ. соч. С. 165.
46. ЦГАОР. Ф. 669. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 3—3 об.
47. См.: Очерки истории Кировской организации КПСС. Горький, 1969. Ч. 2. С. 25.
48. См.: Чернобаев А. А. Комбеды Советской России. М., 1972. С. 5.
49. См.: Лацис (Судрабс) М. Я. Указ. соч. С. 75.
50. Цит. по: Андреев В. М. Под знаменем пролетариата: Трудовое крестьянство в годы гражданской войны. М., 1981. С. 48.
51. См.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. С. 321.
52. См.: Лацис (Судрабс) М. Я. Указ. соч. С. 76.
53. См.: Чистов Б. Симбирские большевики в годы гражданской войны. Ульяновск, 1958. С. 130—138; Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье. С. 244—275.
54. См.: Самарская губерния в годы гражданской войны: Док. и мат. Куйбышев, 1958. С. 250; Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны: Док. и мат. Саранск, 1959. С. 232; Гурьев Н. В. Чапанная война. Сызрань, 1924. С. 6.
55. См.: Резолюции, принятые на 2-м совете партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1919. С. 6—11, 35—36.
56. Бюллетень Центрального Комитета партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). 1919. № 1. Январь.
57. См.: Сугуженко А. Сухая гильотина // ЧеКа: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 51—52.
58. См.: Современный момент в оценке партии социалистов-революционеров (февраль—март 1919 г.). Париж, 1920. С. 10—13.
59. См.: Декреты Советской власти. Т. IV. С. 437.
60. См.: Отчет о деятельности ЦК РКП(б) от 8-го съезда по 15 мая // Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). 1919. 28 мая.
61. См.: Декреты Советской власти. Т. IV. С. 451—452.
62. См.: Воля труда. 1919. № 4. Приложение. С. 4.

63. См.: Саратовская партийная организация в годы гражданской войны: Док. и мат. Саратов, 1958. С. 102, 110.
64. См.: Горн В. Отчаявшиеся // Народное дело (Ревель). 1920. 8 декабря.
65. Бобринцев-Пушкин А. В. Новые времена // Смена вех. Прага, 1921. С. 82—83.
66. Исходим из данных ВЧК, приводившихся в начале главы. 400 восстаний было за все годы гражданской войны, 245—за 1918 г., 99—за первые семь месяцев 1919 г. Остальные пришлось на заключительный период войны.
67. См.: Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. Л., 1926. С. 32.
68. См.: Декреты Советской власти. Т. IV. С. 255—256.
69. Таблица составлена по: Оликов С. Указ. соч. С. 30—31; Мовчин Н. Комплектование Красной Армии. Л., 1926. С. 132.
70. См.: Оликов С. Указ. соч. С. 30—31.
71. См.: Осинский Н. Что делается в деревне // Правда. 1919. 15 июня.
72. Партийный архив Тамбовской области. Ф. 840. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 41—42.
73. РЦХИДНИ. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 72—97.
74. Там же. Ед. хр. 72. Л. 134—136 об.
75. См.: Воля труда. 1920. № 15. С. 17.
76. См.: Чемерисский П. А. Эсеровская группа «Народ» и ее распад // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922 гг. Сб. науч. тр. М., 1977. С. 82—84.
77. Девятый совет партии и его резолюции (июнь 1919. Москва). Париж, 1920. С. 9—11, 15, 18—27.
78. Ю. Л. Укрыватели // Известия ВЦИК. 1919. 23 августа.
79. См.: Ю. Л. По России. Восстание тамбовских крестьян // Воля России (Прага). 1921. 22 апреля; Донков И. П. Антоновщина: Замыслы и действительность. М., 1977. С. 19—20.
80. РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 61—62.
81. См.: Ко всем организациям партии с.-р. // Народное дело (Ревель). 1920. 9 декабря; Воля России (Прага). 1920. 15 декабря.
82. Партийный архив Самарской области. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 23.
83. См.: Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 32.
84. См.: Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 123.
85. См.: Шестаков Ю. И. Банкротство левых эсеров // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1979. № 2. С. 44.
86. См.: Буревои К. Распад. М., 1923. С. 107.
87. См.: Донков И. П. Указ. соч. С. 22.
88. См.: Леонидов Б. Эсеров-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним // Революция и война. 1922. Сб. 14—15. С. 158.
89. См. Антоновщина. Тамбов, 1923. С. 107.
90. Ю. Л. По России. Восстание тамбовских крестьян // Воля России. 1921. 22 апреля.
91. См.: Гуревич В. Крестьянское движение и организация крестьянства в период гражданской войны // Революционная Россия. 1927. № 57—58. С. 36—37.
92. См.: Декреты Советской власти. М., 1983. Т. XI. С. 281—282.
93. См.: Из истории ВЧК 1917—1922. М., 1983. С. 418.
94. См.: Товарищи крестьяне Тамбовской губернии // Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1920. 7 сентября.
95. См.: Борьба с бандитами // Там же. 1920. 4 сентября.
96. См.: Ко всем участникам бандитских шаек // Там же. 1921. 20 марта.
97. Вне закона // Там же. 1921. 21 апреля.
98. См.: Тухачевский М. Искоренение бандитизма // Революция и война. 1922. Сб. 16. С. 40—47.
99. См.: Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6—7. С. 47—57.
100. См. там же. С. 55.
101. См.: В. Концентрационно-трудовые лагеря и их значение // Вестник Тамбовского губернского отдела управления. 1920. 12 июня.
102. ЦГАСА. Ф. 633. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 20 об., 38 об., 42, 60; Борьба с бандитизмом: Не ожидали // Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1921. 7 июля.
103. Цит. по: Голиков П. А. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 2. С. 77.
104. См.: Шолохов М. М. Разговор с сыном // Литературная газета. 1990. 23 мая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Эсеровские концепции социализма	7
1. Аграрный и кооперативный социализм	7
2. От аграрного социализма к сельскохозяйственному коммунизму	31
3. От аграрного социализма к «военному коммунизму»	43
4. От аграрного коммунизма к интегральному социализму	47
Глава II. Большевистская концепция социализма	59
1. К постановке проблемы	59
2. Истоки концепции: «шаги к социализму»	62
3. От программы весны 1918 г.—к «военному коммунизму»	68
4. 1920 г.: был ли возможен переход к нэпу?	89
5. Был ли «военный коммунизм» ошибкой?	91
6. К строю цивилизованных кооператоров	94
Глава III. Почему крестьяне пошли за большевиками	101
1. Становление союза рабочих и крестьян	101
2. Борьба и сотрудничество	103
3. Раскол деревни и политический крах эсеровских партий	109
4. Поворот крестьян в сторону Советской власти и опыт политических соглашений	115
5. Отношение партий к союзу рабочих и крестьян	119
6. Эсеры и антоновщина	124
Источники и литература	130

Александр Викторович Медведев

НЕОНАРОДНИЧЕСТВО И БОЛЬШЕВИЗМ В РОССИИ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Монография

Научный редактор **В. Я. Доброхотов**

Редактор **Н. В. Артемьева**

ИБ 186

Темплан 1993, позиция 7

Подписано в печать 26.04.93 г. Формат 60×84 1/16.
Бумага типографская. Печать высокая. Гарнитура литературная.
Уч.-изд. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,1. Тираж 500 экз. Заказ 426.

Издательство Нижегородского ордена Трудового Красного Знамени
университета им. Н. И. Лобачевского.
603600, Н. Новгород, пр. Гагарина, 23.

Типография ННГУ, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

